В этом номере

ЗАЩИТНИК СТРАНЫ СОВЕТОВ
К 60-летию Вооруженных Сил СССР

Н. БАЙБУЛАТОВ
ДЛЯ НАС И БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ
Рассказ об исторических памятниках

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Е. ЛОСОТО
УТВЕРЖДЕНИЕ ДОБРОТЫ

А. САГАДЕЕВ
СВОБОДОМЫСЛИЕ ВОСТОКА

К. ЯМ
ЧЕЛОВЕК ВСЕХ ВРЕМЕН

2•1978

НАУКА И РЕЛИГИЯ 2·78

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4
Телефоны
297-02-51, 297-10-89

60 лет Советской Армии

Духовный мир человека

История и современность

Практика: опыт, проблемы

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Религия, церковь, верующий

Литература, искусство

Листая календарь

У наших друзей

За рубежом

Наше обозрение

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

Созданные 60 лет тому назад Вооруженные Силы недавно родившегося социалистического государства защитили его завоевания в грозовые годы гражданской и в огненные годы Великой Отечественной войн. Более тридцати лет наш народ живет в условиях мира. И на страже его неусыпно стоит советский воин — плоть от плоти народа, его верный сын и защитник. На второй странице обложки заслуженные воины-ветераны и те, кто выполняет свой священный долг перед Родиной сегодня. Внизу — фрагмент величественного памятника, который взметнулся на 50-метровую высоту на окраине Пскова. Вблизи этого города получила свое первое боевое крещение молодая Красная Армия. На монументе высечены слова: «Доблестной рабоче-крестьянской Красной Армии, ее бойцам, командирам и политработникам в честь первых славных побед над империалистическими захватчиками в феврале 1918 года».

Фото Е. Удовиченко

Издательство «Плакат» выпустило 40-тысячным тиражом подборку плакатов «Разум против религии». Под общей обложкой объединены 16 больших листов (66×48 см), различных по темам, стилю, манере исполнения. Авторы рисунков — известные карикатуристы: народный художник СССР Б. Ефимов, заслуженный деятель искусств РСФСР М. Абрамов, заслуженные художники РСФСР А. Елисеев и Е. Щеглов, художники Ю. Черепанов, Б. Резанов и другие. Стихотворные подписи составили поэты-сатирики С. Смирнов, А. Внуков, А. Карасев, С. Ревзин. На третьей странице обложки мы воспроизводим четыре из этих плакатов. Остальные посвящены защите детей от религиозного влияния, непримиримости науки и религии, разоблачению предрассудков, связанных с религией пережитков и суеверий и другим злободневным темам.

НА СТРАЖЕ МИРА И ПРОГРЕССА

В канун празднования 60-летия Вооруженных Сил СССР наш корреспондент Л. ШАРМАНОВА взяла интервью у генерала армии, председателя Советского Комитета ветеранов войны, дважды Героя Советского Союза Павла Ивановича БАТОВА.

Павлу Ивановичу — 80 лет, и более 60 из них он — военный. Бывший солдат царской армии, участник гражданской войны, боев в Испании. В годы Великой Отечественной войны командующий знаменитой 65-й армией, победоносно прошедшей от Сталинграда до Германии. Он кавалер семи орденов Ленина, Октябрьской революции, трех — Красного знамени, пяти — полководческих (трех — Суворова I-й степени, Богдана Хмельницкого I-й степени и Кутузова I-й степени), а также высших орденов других стран.

Поздравляю читателей журнала «Наука и религия» с 60-летием Вооруженных Сил нашей любимой Родины.

П. Батов

— Павел Иванович, у вас за плечами большая, богатая событиями жизнь. Какое из них оставило самое яркое, незабываемое впечатление?

— Жизнь военного человека — повседневный, ежечасный, упорный, напряженный труд. В мирное время дни сменяются днями, месяцы — месяцами, годы — годами, и все они проходят в обычных, более или менее важных заботах и делах. Естественно, что для людей армии наиболее значительны периоды, когда все, что ты делал до этого, подвергается суровому военному экзамену — проверке в бою. Таких экзаменов в моей жизни было немало. Все они оставили неизгладимый след и в сердце моем, да и на теле. Вспомнить хотя бы Великую Отечественную войну. Это даже нельзя назвать воспоминанием, это до сих пор моя жизнь. Но самое яркое — это то событие, которое сделало меня человеком.

Первую мировую войну я, сын бедного безлошадного крестьянина, встретил в Петрограде, куда приехал из родной деревни «в люди» и стал служить в торговом доме братьев Леоновых.

Зачитывался я тогда «Копейкой» — была такая популярная газетка. Она в патетических тонах рассказывала о воинских подвигах солдат и офицеров, и я загорелся желанием тоже попасть на фронт. К концу 1916 года я был назначен командиром стрелкового отделения. В нем бывалые солдаты-бородачи, а я — мальчишка. Настал час первой атаки. Моя задача — первому подняться в бой. Страшно это — выскочить из окопа под пули и снаряды первому. Но я это сделал: перевалился через бруствер, вскочил на ноги, винтовку наперевес и — вперед. Дальше все было, как в тумане. Пришел в себя только тогда, когда один солдат положил мне руку на плечо и сказал: «Господин отделенный командир, будет! Атака-то кончилась!» Увидел я, что, действительно, враг бежит, все тихо, а рядом — мои дорогие солдаты-бородачи. Глядят на меня с усмешкой, но одобрительно. Вот это чувство счастья, что я выдержал экзамен на солдатскую прочность и завоевал уважение опытных солдат, не забуду никогда.

Стал я обстрелянным воином, но, как и многие другие, мало разбирался в окружающей действительности. Война продолжалась — «за бога, царя и отечество», конца ей мы не видели и смысла тоже. Истрепанные солдатские шинели, хмурые, заросшие, немытые лица, тиф, полуголодное существование. Письма из дома о разрухе...

И среди всего этого как яркий луч надежды — встреча с путиловским рабочим в солдатской шинели — большевиком Савковым. От него я впервые услышал имя Ленина, он мне показал «Окопную правду» — солдатскую большевистскую газету. А потом и я стал читать ее другим солдатам. Не одному мне сняла она пелену с глаз, показала, для чего у нас в руках винтовка.

Октябрьскую революцию я встретил в петергофском госпитале. Меня тяжело ранило, когда мы с отделением добывали «языка». Спас меня, кстати, все тот же, дорогой на всю жизнь человек — Савков. Не вполне еще я оправился от ранения и тогда, когда в феврале 1918 года В. И. Ленин бросил клич «Социалистическое отечество в опасности!». Он призвал всех честных граждан России вступать добровольцами в Красную Армию. Окрепнув после госпиталя, стал добровольцем и я.

— Павел Иванович, Великую Отечественную войну вы прошли с первого и до последнего дня. Начали командиром стрелкового корпуса, а закончили командующим 65-й армией. Как вы считаете, какую роль сыграли в ней моральные, нравственные качества советского солдата?

— Великую Отечественную войну наша армия встретила 23-летней. Не столь уж большой возраст, если учесть, что это было трудное время. Гражданская война, затем восстановление, а вернее, строительство заново всего в стране: заводов, фабрик, электростанций, жилья, сельского хозяйства, школ. Строили мы и новую армию.

Мудрое предвидение партии и опыт гражданской войны поста-

вили вопрос о подготовке командиров для Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. В ответ на лозунг 30-х годов «Кадры решают все» комсомол дал путевки лучшей части молодежи в армию. Если нам, старым солдатам, путевку в Армию дал Октябрь, то у многих офицеров позднего поколения в личном деле значилось: «по путевке комсомола». Эти поколения командиров явились сплавом, скрепляющим армию. Главной задачей Красной Армии стала защита своего собственного, завоеванного в боях социалистического Отечества, которое хотело жить в мире.

В своей книге «Перекоп, 1941», где я рассказываю о первых днях Великой Отечественной войны и об одном из жесточайших ее сражений — героической обороне Крыма, я несколько раз обращаюсь к мемуарам немецкого генерала Эриха Манштейна «Утерянные победы». Генерал, чтобы хоть как-то оправдать себя, фальсифицировал события. Он в несколько раз увеличил наши силы. Но не численное и техническое превосходство, а беззаветная храбрость, любовь к Отчизне, своему народу удесятеряли наши силы.

Кроме того, Манштейн и многие другие фашистские генералы восторгались военной кастой, умилялись ее «страстной любовью к солдатской профессии». Поражение же голубокровых «фон-баронов» они объясняли авантюризмом и ограниченностью Гитлера, который-де не сумел воспользоваться «замечательными» качествами своих военачальников.

Но разве в этом дело?

Войну любить нельзя. Солдатами не рождаются. Ими становятся в бою. Так стали солдатами в боях Великой Отечественной те миллионы и миллионы мирных советских людей — рабочих, колхозников, интеллигентов, которые разбили наголову этих «мастеров» захватнических войн и принесли свободу народам порабощенной фашистами Европы.

Благодаря чему? Именно благодаря моральным качествам нашего народа.

Вот в газетах порой пишут: «Подвиг такого-то повторил такой-то». Нет, подвиг — неповторим! Повторяться могут обстоятельства, а само деяние всегда содержит в себе сугубую индивидуальность. Такие сугубо индивидуальные, а в целом массовые подвиги совершали наши солдаты и офицеры буквально в каждый день войны. Воздушных таранов, например, было в Отечественной войне 400. Вражеские амбразуры закрыли своим телом 300 бойцов. Звания Героя Советского Союза были удостоены 11 тысяч воинов. За мужество, героизм, отвагу орденами и медалями было награждено свыше 7 миллионов человек.

Когда-то Владимир Ильич Ленин с глубокой верой в духовные силы нашего народа писал: «...Россия способна давать не только одиночек-героев... Россия может выдвинуть этих героев сотнями, тысячами...» Великая Отечественная война подтвердила правоту ленинских слов.

Но здесь важно отметить: воины не думали о том, что они совершают подвиг, просто они иначе не могли. Они сражались до последнего патрона, до последней капли крови, отдавали жизнь потому, что защищали матерей, жен, детей, свой свободный труд, свою Родину. Вот основа их массового героизма.

В Великой Отечественной войне ярко проявились и другие прекрасные качества и идеологические принципы советских людей, ставших солдатами. Воинское братство, когда сам погибни, но товарища спаси, раненого командира вынеси из боя. Интернационализм — когда плечом к плечу сражались люди разных национальностей.

Есть солдатская заповедь: ненависть к врагу-захватчику — священное чувство. Но сколько раз я наблюдал, с какой болью сердца и мукой души рождалось оно, это чувство, у наших солдат. Ненависть бывает разная. Та ненависть, что появлялась у наших солдат при виде зверств, чинимых фашистами, именно святая, более того, гуманная ненависть. Убивая фашистов, они сеяли гуманизм.

А глубочайшая связь с родной партией?! Идейная закалка советских солдат и офицеров, их массовый героизм были подготовлены титанической воспитательной работой Коммунистической партии в Армии и на Флоте. В армию были направлены наиболее опытные партийные работники: Л. И. Брежнев, С. Ф. Галаджиев, А. А. Епишев, П. И. Ефимов, А. С. Желтов, М. Х. Калашник, А. П. Кириленко, К. Ф. Телегин, С. С. Шатилов, И. В. Шикин и другие.

Коммунисты и комсомольцы стали цементирующей силой в рядах защитников Родины; они составляли почти половину личного состава Вооруженных Сил. Их личный пример, их непоколебимая вера в победу воодушевляли других, вдохновляли на ратные подвиги.

О нравственных качествах наших солдат можно говорить без конца, подкрепляя это бесчисленным множеством примеров. Вот почему, чтобы хоть в какой-то мере отдать должное воинам моей 65-й армии, я написал книгу «В походах и боях».

Что же касается специфики вашего журнала, то должен сказать, что религия в моей жизни играла самую минимальную роль. В детстве, когда я учился в школе, учитель закона божьего отец Михаил нашел у меня приличный голос. Я пять лет пел на клиросе. Смысла я не понимал, мне нравилась сама музыка. Правда, не могу не сказать спасибо отцу Михаилу: он мне поставил голос, а это очень пригодилось впоследствии.

За все годы своей службы в армии я почти не сталкивался с проявлениями религиозности солдат. Лишь несколько раз в Отечественную видел, как отдельные пожилые солдаты осеняли себя перед боем крестным знамением. Мне кажется, что в этом вопросе подавляющее число воинов наших Вооруженных Сил могут повторить замечательное выражение Лапласа: «Мы в этой гипотезе не нуждаемся».

Ну, а если теперь иногда и приходят на действительную службу юноши из религиозных семей, то, я думаю, возвращаются они домой с четким материалистическим мировоззрением. Ведь Армия — это великая воспитательная сила, она закаляет людей и физически, и нравственно, она, как ничто другое, вселяет в человека веру в свои силы, в силу коллектива, в необходимость быть хозяином здесь, и только здесь, на родной земле.

ДЛЯ НАС И БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

В небольшой северокавказской республике Чечено-Ингушетии зарегистрировано более тысячи двухсот памятников истории и культуры, причем почти двести из них — в последние несколько лет.

Н. К. Байбулатов

Цифры эти свидетельствуют и о богатой истории края вайнахов (так издавна называли себя местные горцы — чеченцы и ингуши), и о том огромном внимании, которое уделяется в нашей стране выявлению и охране свидетельств прошлого, увековечению событий нового времени — революционной борьбы, подвигов советских людей в последней войне, наших трудовых побед.

Какое место в духовной жизни республики занимают памятники истории и культуры, как используются они в идеологической работе, в решении задач коммунистического воспитания, необходимо включающего в себя и атеистическое воспитание, — эти вопросы были затронуты в беседе нашего корреспондента О. Брушлинской с заместителем Председателя Совета Министров Чечено - Ингушской АССР, председателем Республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Н. К. БАЙБУЛАТОВЫМ.

— Надирбек Керимович, Кавказ часто называют музеем истории народов, это сравнение понятно. Но если его продолжить, — вероятно, вашу республику можно назвать одной из самых богатых экспозиций этого музея!

— Для этого есть основания. Во всяком случае, на Северном Кавказе по количеству и разнообразию памятников истории и культуры разных эпох с нами может сравниться лишь Дагестан. Самые древние из наших памятников относятся к каменному веку, к эпохе ранней бронзы,— как, например, Балутские курганы, могильник недалеко от селения Гатен-Кале. Известная всем, кто интересуется древней культурой нашего края, изящная фигурка оленя из бронзы, найденная в Джераховском ущелье, сделана великолепным мастером, жившим в наших горах около 2500 лет назад. Это изображение оленя стало символом оригинального искусства древних горцев.

Немало бурных событий происходило в разные времена на теперешней территории республики. Много разных племен и народов приходили сюда с войной или миром и оставляли здесь следы своей культуры — скифы, сарматы, аланы, булгары, монголы, половцы, персы, арабы... Не зря наш край привлекал и привлекает внимание крупных археологов, этнографов, лингвистов, историков. Замки и башни в горах, различные святилища, рисунки на камнях — этих памятников у нас множество, и мне кажется, интереснейшей работы тут хватит десяткам ученых на десятки лет.

Есть в Чечено-Ингушетии исключительные по своему значению памятники старины. Это, например, «город мертвых» Цой-Педе. Его особая архитектура, способ захоронения, когда умершего оставляли в специальном домике, открытом горному солнцу и ветрам, со всеми необходимыми человеку при жизни вещами, не только поражают современников, но и открывают нам особенности жизни народа, его миропонимание в далекие времена. Это языческое святилище Мятцил на южном склоне Столовой горы. Это христианский храм Тхаба-Ерды IX—X века — свидетельство того, что когда-то горцы почитали Иисуса Христа. Сегодня их потомки забыли об этом и считают, что все чеченцы и ингуши всегда и неизменно верили в мусульманского бога — Аллаха. Уникальны жилые и боевые башни аула Эрзи в Джераховском ущелье, в районе озера Галанчож, в Итум-Калинском заповеднике в долине Аргуна и других местах республики. Башни эти построены в XIII—XVIII веках замечательными вайнахскими зодчими. Их творения уже сегодня немало рассказали нам о том, как жили чеченцы и ингуши столетия назад, но раскрыли еще не все свои тайны. Неповторимый колорит башен, совершенство их формы и исполнения, необычайная прочность и разительное отличие от сооружений соседних областей — все это еще не нашло полного объяснения.

Познавательное, научное значение археологических, архитектурных и иных памятников старины многогранно. Мне же здесь хочется подчеркнуть их роль в сфере нравственной, воспитательной. Вспомним, что в Законе «Об охране и использовании памятников истории и культуры» говорится: «В СССР памятники служат целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся».

Несомненно, памятники обогащают духовную жизнь нашего общества, способствуют росту культуры людей, расширению их кругозора, воспитывают многие черты, без которых нет полноценной личности. Любить Родину, быть настоящим советским гражданином — значит и хорошо знать ее историю. Изучение памятников — свидетелей этой истории, раскрывающих нам страницы ее борьбы и труда, военных и мирных дней, особенности быта, народные обычаи, традиции,— стало одной из характерных черт нашей современности.

— Но ведь историю можно обратить и во вред настоящему, если неверно объяснять ее. Очевидно, мало знать только факты и события, отмеченные памятниками!

— Если мы руководствуемся научной концепцией истории, разработанной марксизмом-ленинизмом, то памятники старины помогают нам правильно понять и объяснить события прошлого. И при этом оказывается, что лучшие традиции народа, которые мы узнаем, изучая прошлое,— трудолюбие, стремление к миру, справедливость и уважение к другим народам, к опыту старших, здравый смысл, взаимопомощь, почитание мастерства и многие другие — всегда были обращены к будущему. Подлинная, не искаженная история народов несет в себе уроки высокой нравственности, она поучительна в самом лучшем смысле этого слова. Такова и история вайнахов — чеченцев и ингушей — и древняя, и недавняя.

Вот, к примеру, те же знаменитые вайнахские башни. В глухих ущельях, на неприступных скалах вайнахи в разное время построили их тысячи — жилых и боевых. Узкие в основании четырехгранные боевые башни сужают-

Бронзовый олень, найденный среди развалин ингушского святилища возле селения Джерах, датируется VI—V веком до нашей эры.

Бронзовая курильница была сделана в VIII веке нашей эры. Обнаружена в святилище близ селения Эрзи (по-ингушски «Орел»).

ся кверху и на высоте 20—30 метров завершаются ступенчатой пирамидой и шпилем. Издали они похожи на стрелы, устремленные в небо. Башня когда-то для горца была и домом и крепостью. Все в ней было продумано для жизни в условиях войны — каждый этаж имел свое назначение. А на самом верху, возле выходящих на все четыре стороны узких окошек-бойниц с балкончиками без пола лежали камни, подогревалась смола — на случай нападения.

Многие башни стоят на маленьких площадках в скале, буквально над бездной пропасти. Как их тут построили, как поднимали на такую высоту огромные камни и плиты? Ведь рядом их не было. Наконец, как сами люди поднимались в такую башню? Это без специальных объяснений трудно себе представить. Не всему еще и найдены объяснения... Но нет сомнений, что создавали башенные аулы и укрепления люди талантливые и терпеливые, строили прочно и красиво. Камень тут пригнан к камню так, что и лезвие ножа между ними не войдет. «Годы разбиваются о башни, а башни стоят»,— говорится в народной песне.

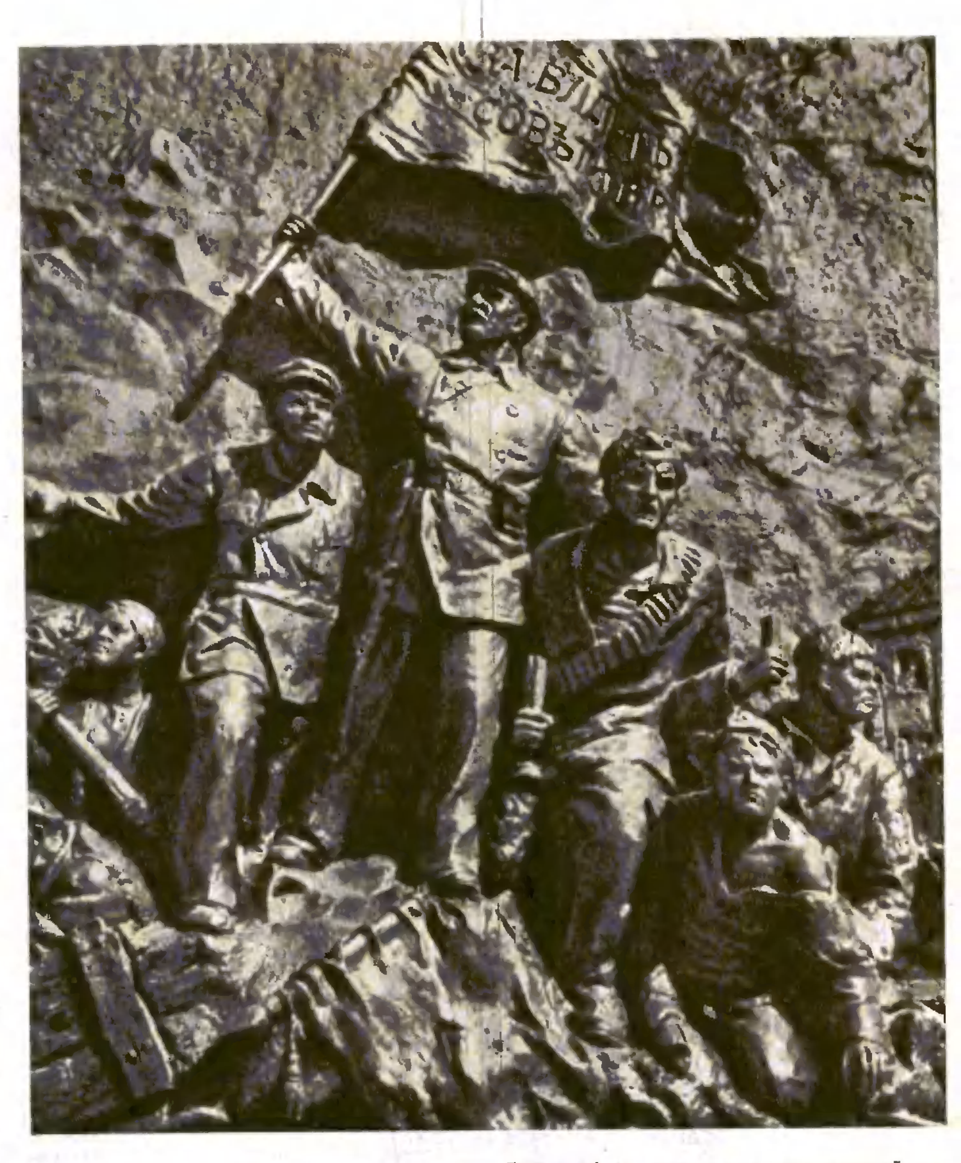
Ясно и то, почему вайнахи селились высоко в горах,— здесь было их убежище, укрытие от врагов. Немало завоевателей прошло за тысячелетия по предгорьям Кавказа, и у горцев было правило: не селиться ниже военных дорог. Вспомним, что монголо-татары, быстро завоевавшие предгорные области Северного Кавказа и уничтожившие равнинные поселения, в горы проникнуть не смогли — они встретили здесь стойкое сопротивление. И хотя ученые еще спорят о том, когда именно начали строить жилые и боевые вайнахские башни, можно точно сказать, что ко времени этого нашествия (в XIII в.), а также похода Тимура (в конце XIV в.) они уже были свидетелями и участниками сражений.

Наши народы всегда были готовы к битве с врагами. Но изучая ощетинившиеся против врагов сооружения горцев, можно увидеть и то, как велико было их желание жить в мире. С какой любовью сделаны предметы быта, найденные здесь учеными. В мирные дни в башенных аулах — в Эрзи, в верховьях реки Гехи, в районе Нашхи — исторического центра чеченцев — было многолюдно, кипела жизнь. Люди занимались земледелием, скотоводством, ремеслами.

Все, что дает нам сегодня представление о суровой жизни наших предков, об их быте, мастерстве, развенчивает теории об извечной отсталости и дикости горских племен. Достаточно взглянуть хотя бы на сохранившиеся древние земледельческие террасы в Джераховском ущелье, устроенные столетия назад. Живя среди скал и камней, вайнахи умело использовали каждый участок земли, который мог дать урожай.

— Иной раз приходится слышать, а то и читать в дореволюционных книгах о замкнутости горцев, их стремлении к изолированности от других народов, даже о враждебности к ним. Что говорят об этом памятники?

— Если и были когда-то горцы изолированы от других народов, то временно и не по своей воле — я уже говорил о том, как загоняли их в ущелья завоеватели. Исторические находки свидетельствуют о том, что вайнахи издавна имели и активно поддерживали мирные связи с соседями и с дальними народами. В склепах чеченцев и ингушей археологи нашли египетский фаянс, византийские и арабские монеты, печати из Малой Азии, закавказские стеклянные сосуды, бусы из стран Ближнего Востока. Известны старинные дружеские связи жителей Джераховской долины с осетинами. Вайнахи сооружали свои знаменитые башни и для других народов Северного Кавказа. Возможно ли все это при

Барельеф на памятнике красноармейцам, павшим в гражданской войне, г. Грозный. Скульптор И. Бекчиев.

Героям гражданской войны. Памятник в Грозном. Скульптор И. Твердохлебов.

века. Послужив своему времени, служит и будущим поколениям — если не в сфере материальной, то обязательно в духовной, воспитывая лучшие гражданские чувства.

— За последние 60 лет в жизни чеченцев и ингушей, как и всех народов нашей страны, произошли события, не сравнимые по своим масштабам и значению ни с чем в прошлой истории. Как хранится в республике память о событиях нашей великой революции, о борьбе за Советскую власть! Какова их роль в коммунистическом воспитании!

Памятник героям, погибшим при тушении пожаров на нефтепромыслах в 1942 году, г. Грозный. Скульптор Р. Мамилов.

Памятник воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, Малгобек.

замкнутости и изолированности жизни? Я не привожу более близких примеров, у нас сейчас идет речь об истории давней. Но и в ней, как мы уже говорили, хорошо видно прогрессивное содержание подлинно народных традиций, доходящих до сегодняшнего дня. Были, конечно, — это известно, — и братоубийственные столкновения, но виной тому не какие-то особенности наших народов, а обстоятельства социального порядка. Люди находились в плену предрассудков или же были обмануты эксплуататорами, религиозными фанатиками.

История, как я отмечал, требует четкой марксистской оценки. Созданные народом памятники воспитывают уважение к прошлому. То, что создано трудом, с любовью к человеку, остается на

— История революции на Северном Кавказе известна. Хочется только подчеркнуть, что многие ее события, происходившие на территории Чечено-Ингушетии, в пролетарском городе Грозном, на нефтяных промыслах, на железной дороге, в горных ущельях,— имели решающее значение для победы Советской власти на Северном Кавказе. В нашей республике свыше ста памятников и мест, связанных с революцией и гражданской войной. Мы свято бережем память о том времени, когда русский пролетариат, трудовые горцы, революционное казачество боролись с врагами революции под руководством Орджоникидзе, Кирова и их соратников. Памятники рево-

люции не только органически вошли во внешний облик городов и селений республики, но и стали необходимой частью нашей духовной жизни. С ними связаны и наши новые праздники и традиции, утвердившиеся в последние годы.

На главной площади нашей столицы — города Грозного — памятник В. И. Ленину. Здесь в конце июня ежегодно проводятся сборы выпускников средних школ. Во время этого праздника площадь полна цветов и юных лиц. Отсюда начинается их путь к взрослой жизни, кем бы они ни стали — рабочими, колхозниками, студентами. К памятнику Ленину приходят и молодожены в день свадьбы, оставляют у постамента цветы.

Революционные памятники говорят о единении трудящихся разных национальностей в борьбе за общее дело. В братских могилах героев, павших в гражданской войне,— в Грозном, в селении Гойты, Алхан-Юрте, Долакове, станице Ассиновской и других местах похоронены русские и чеченцы, ингуши и осетины, представители других народов. В боях за Грозный с бандами полковника Бичерахова в августе—ноябре 1918 года, вошедших в историю под названием стодневных, сражались вместе с русскими рабочими и красноармейцами под командованием Н. Ф. Гикало отряд казака-большевика А. З. Дьякова, в который входили чеченцы и осетины, чеченская Красная Армия — командиром ее был А. Шерипов. Об этих трудных ста днях, во время которых за революцию погибли сотни борцов, напоминают сегодня и памятник на братской их могиле в Комсомольском парке города, и улица, где шли бои,— проспект Победы, и памятник Дружбы в его начале, запечатлевший трех коммунистов: русского — Николая Гикало, чеченца — Асланбека Шерипова, ингуша — Гапура Ахриева.

У каждого памятника своя история — часть большой истории Великой Октябрьской революции. Есть в Грозном площадь имени Павла Мусорова, здесь стоит памятник-обелиск героям гражданской войны. Один из сюжетов его барельефа посвящен Павлу Мусорову, погибшему в феврале 1919 года в бою с деникинцами под станицей Ассиновской. Укрывшись с пулеметом у моста через Ассу, он один отбил шесть вражеских атак, сохранив жизнь сотням красных бойцов. Последний патрон в нагане он оставил для себя.

Памяти замечательного нашего революционера Асланбека Шерипова посвящен дом-музей, открытый три года назад в селении Советском. Здесь в 1918—1920 годах жила его семья и размещался штаб повстанческих отрядов под командованием Н. Ф. Гикало. Биография Асланбека — прекрасный пример служения народу. Рассказанная молодым, размышляющим о смысле жизни, она безусловно пробудит в них гражданские чувства, заставит о многом задуматься, в том числе о роли религии и в переломные моменты истории, и в обычной жизни, поможет сделать правильные выводы. Так же как биографии других борцов революции.

Хочется еще раз подчеркнуть, что и в событиях, о которых рассказывают памятники революции, проявились лучшие черты народа — чувство справедливости, стремление к свободе, к мирному труду для себя и своих детей, взаимопомощь, верность слову и долгу. Об этом мы напоминаем молодежи, особенно в дни революционных праздников, когда возле этих памятников проводятся митинги, собрания, когда принимают здесь в пионеры, в комсомол.

— Наверное, совершенно естественно в нашем сознании памятники революции стоят в одном ряду с памятниками Великой Отечественной войны. Советские люди защищали то, что завоевали кровью во время гражданской войны, что создали в период строительства социализма.

— В Чечено-Ингушетии свыше 100 памятников, связанных с боевой славой советского народа в годы Великой Отечественной войны. Братские могилы солдат, воевавших с захватчиками на территории республики, так же как и в других местах страны, говорят, какой тяжкой ценой отстояли мы завоевания революции, свободу нашей социалистической Родины. Представители всех народов страны есть среди погибших защитников Северного Кавказа. И немало уроженцев нашего края похоронены вдали от родных гор — там, где защищали они свою Родину. Памятники на братских могилах в Малгобеке, в Грозном, в селениях Советском, Надтеречном, в станицах и аулах святы для нас. Такими они останутся и для будущих поколений. Навсегда сохранятся в народной памяти также отважные пожарники, погибшие при тушении страшного пожара, вспыхнувшего от немецкой бомбы на нефтяных промыслах в 1942-м. В Заводском районе Грозного им поставлен памятник.

— Что сегодня делается в республике, чтобы сохранить и умножить исторические памятники, чтобы увековечить революционную, боевую и трудовую славу земляков!

— Поиск возвращает из забвения все новые замечательные судьбы, дает новые сведения об уже известных героях и событиях. Прекрасно, что в этой работе участвуют юные граждане республики. Это для них школа нравственности, приобщения к великим делам — они чувствуют себя наследниками героев.

Мы думаем о хорошем памятнике участникам стодневных боев в Грозном, хотим, чтобы на нем были названы имена всех погибших тогда. Обогащается экспозиция усадьбы-музея С. Орджоникидзе в селении Мужичи. Перед зданием университета в Грозном будет поставлен обелиск комсомольцам, погибшим в последней войне. Средства на его сооружение заработали студенты города. Проектируются памятники советским воинам в Малгобеке, где проходили важные военные операции по освобождению Северного Кавказа, в Назрани, Знаменском. Заложен памятник грозненцам, погибшим в Великой Отечественной. Есть проекты памятников Герою Советского Союза Ханпаше Нурадилову, уничтожившему 920 фашистов. Конечно, обязательно будет воздвигнут в нашей республике и памятник Серго Орджоникидзе.

В ближайшее время предполагается присвоить ряду предприя-

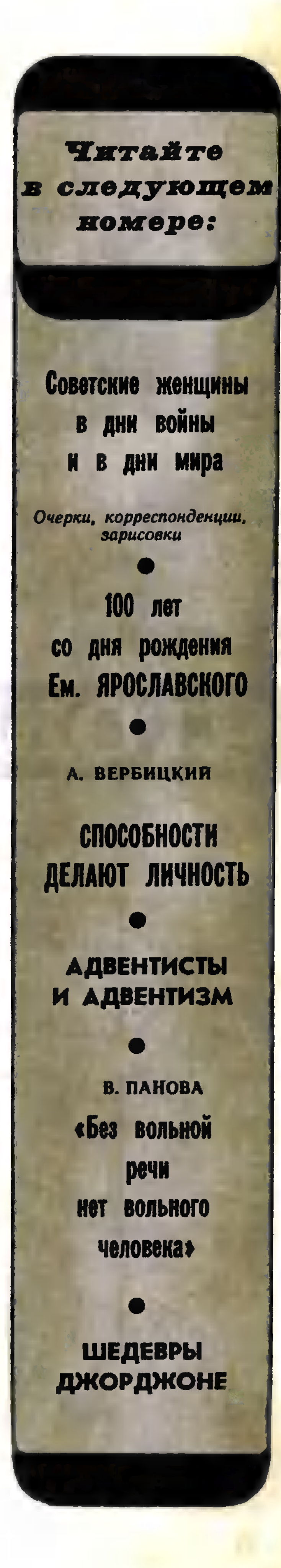
тий, колхозов, совхозов и учебных заведений имена героев революции и Великой Отечественной войны, героев первых пятилеток. Имя колхоза, улицы, завода — это ведь тоже память о герое или о событии. Так, предложено именем Мандре Нальгиева назвать совхоз «Экажевский» Назрановского района. В июне 1919 года ингуши собрали близ Экажева съезд, где постановили не выполнять ультиматум деникинцев, требовавших выставить в добровольческую армию конные полки. В ответ на решение съезда Деникин послал карательные отряды. Нальгиев геройски погиб в бою с деникинцами в селении Сурхохи. Одна из железнодорожных школ Грозного будет названа именем Севастьяна Ивановича Тымчука, создателя парторганизации на железной дороге, члена партии с марта 1917 года.

Увековечение памяти героев очень важно для нас, для нашей молодежи, чтобы все еще и еще раз вдумались в их жизнь, сравнили их нравственные принципы со своими, равняясь на них, подражая им.

В процессе подготовки к 60-летию Октября мы провели смотр наших исторических памятников. Он показал, что сделано немало, но много еще предстоит сделать. Наше отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры сейчас выполняет обширный план, составленный на основе Закона об охране памятников. Ведется, например, реставрация башенного аула Эрзи, с помощью грузинских мастеров реставрирован храм Тхаба-Ерды. Многое делают для выявления и охраны памятников республиканское Министерство культуры, музей краеведения, сектор археологии и этнографии нашего научно-исследовательского института, археологи университета. И разумеется, мы стремимся шире привлечь к охране памятников истории и культуры общественность. Здесь нужно объединение усилий разных организаций. Вероятно, мы не используем пока всех возможностей. Один из путей тут — развитие туризма. Он имеет не только экономическое, но и очень большое идейно-воспитательное значение. Припоминаю, как один ученый из Москвы, этнограф, сказал мне, что он был в Индии, восхищался ее экзотикой, но башни и горы Чечено-Ингушетии произвели на него куда более сильное впечатление. И конечно, жаль, что, например, башенный аул Эрзи в Джераховском ущелье могут увидеть пока еще очень немногие.

— Ваша республика, действительно, восхищает и радует богатством памятников истории — древней и недавней. Но каждый, кто захочет подробнее узнать о них, столкнется с определенными затруднениями. В книжных магазинах нет путеводителя по вашей республике, нет буклетов о самых ценных памятниках. В последний раз путеводитель издавался в 1969 году. Не найти и книг, рассказывающих о памятниках истории и культуры Чечено-Ингушетии.

— С этим нельзя не согласиться. Но то, что книги о памятниках не залеживаются на полках, говорит об огромном интересе к подобной литературе, и этот интерес растет. Мы стараемся удовлетворить его: тема памятников постоянно присутствует в наших газетах, в передачах радио, в журналах. На телевидении вышел недавно фильм о вайнахских башнях. У нас проводятся публичные лекции о памятниках истории — для молодежи, для сельских жителей, для рабочих, интеллигенции. Серьезное внимание уделяют этому вопросу государственные учреждения. Растут ряды членов Общества охраны памятников истории и культуры. Радует, что многие люди — студенты, педагоги, колхозники, рабочие — близко к сердцу принимают их судьбу. Это — одна из особенностей общества развитого социализма. Она нашла отражение в Основном Законе СССР: в статье 68-й говорится, что «забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР». Все, что записано в нашей Конституции, служит материальному и духовному совершенствованию общества. Служат этому и памятники истории и культуры.

Работы С. И. Чайко из села Бродки Львовской области неоднократно экспонировались на всесоюзных и международных выставках. Увлеченность дедушки разделяет и его внук.

Бригадир виноградарей совхоза «Коктебель» Крымской области, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР М. А. Брынцева с внучкой Олей.

ЧТОБЫ НЕ РВАЛИСЬ

И. ПОЛУК, инструктор отдела пропаганды

ГОВОРЯ о славном 60-летнем пути, пройденном нашим обществом, Л. И. Брежнев отмечал в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза: «...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях... Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять».

Гуманистический характер социалистического общества нашел свое воплощение и в Основном Законе СССР — в его Конституции. В ней отмечена забота партии и государства о наших людях — величайшей ценности общества развитого социализма.

Об этом хорошо сказал товарищ Л. И. Брежнев на Торжественном заседании, посвященном 60-летию Великого Октября: «Постоянно улучшаются условия, в которых живут и работают советские люди. Советскому гражданину незнакомы унизительное чувство страха за завтрашний день, боязнь оказаться без работы, без медицинской помощи, без крова над головой. Общество стоит на страже его прав и интересов, защищает его гражданское, человеческое достоинство».

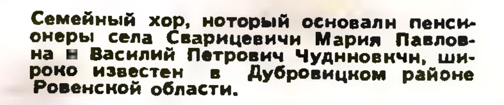
Забота всех о благополучии каждого и забота каждого о благополучии всех — закон нашей жизни.

Этот принцип, в частности, реализуется и в том, как наше общество относится к людям, ушедшим на пенсию после многолетней трудовой жизни. Поставить на службу социализму опыт, силу и знания людей всех поколений, продлить активную социальную жизнь человека — важная высокогуманная задача социалистического государства.

И это тем более важно, что анализ демографических процессов, происходящих в нашей стране, показывает, что подъем народного благосостояния и успехи медицины в борьбе за долголетие ведут к увеличению количества людей пенсионного возраста. Если в 1941 году их было 4 миллиона, то в 1960 — 20,6 миллиона, в 1970 — 40,1 миллиона, а в 1976 — 45,5 миллиона.

Цифры эти важно учитывать в практике идеологической работы, в частности атеистическом воспитании. Ведь, если обратиться к социологическим исследованиям, проведенным в ряде регионов, то можно заметить, что как раз люди пенсионного возраста, и прежде всего те из них, кто не занят в общественном производстве, составляют основную массу верующих. Например, по данным опроса городского населения в городах Старобельске, Красном Луче и Северодонецке Ворошиловградской области пенсионеры среди верующих составляют 55—72 процента; в Днепропетровской — 65,6 процента.

Пенсионер из Винницкой области М. Г. Маслюк — автор многих микроминиатюр, получивших признание у профессиональных художников и любителей этого редкого и трудоемкого искусства.

Семейный хор, который основали пенсионеры села Сварицевичи Мария Павловна и Василий Петрович Чудновичи, широко известен в Дубровицком районе Ровенской области.

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

и агитации ЦК КП Украины, кандидат философских наук

Вот почему проблема эффективности атеистической работы с пенсионерами весьма актуальна. При этом следует также иметь в виду, что обращение к религии людей после выхода на пенсию весьма отрицательно влияет на молодежь, порождает скептическое отношение к нашим моральным нормам и принципам, к советскому образу жизни, подрывает доверие к опыту старших. А ведь бабушки и дедушки к тому же часто являются основными воспитателями дошкольников.

На вопрос, почему именно пенсионеры нередко еще обращаются к вере в бога, защитники религии обычно отвечают: пожилые люди, мол, особенно остро ощущают близость смерти, страх перед нею и заставляет их подумать о душе, обратиться к богу. Однако, если посмотреть на данные тех же социологических исследований, то оказывается, что большинство людей пенсионного возраста, начавших ходить в церковь, не верят, по сути, ни в существование загробной жизни, ни в страшный суд. В чем же дело? В этом важно разобраться.

Жизнь человека неумолимо подчиняется биологическим законам; в определенном возрасте ему становится трудно выполнять свою работу в заданном ритме и темпе. Переход на пенсию — это сложный период жизни. Исследователи обращают особое внимание на трудности перестройки личности в таких условиях. Процесс этот вызывает глубокие переживания прежде всего потому, что резко ломает выработанный многими годами психологический стереотип. Человек, ушедший на пенсию, часто начинает чувствовать себя оторванным от коллектива, утратившим социальную значимость.

В развитом социалистическом обществе высокогуманная система социального обеспечения значительно облегчает проблему адаптации в этих новых условиях жизни, смягчает, но все же не снимает совсем остроту проблемы. Отмечая это, исследователи данной проблемы подчеркивают, насколько сложен для каждого человека разрыв с прошлым, как ему порой мучительно трудно создавать новый стереотип. В этой связи особенно ясно, какую большую роль играет для пенсионера микросоциальное окружение, которое способно помочь ему избежать чувства одиночества. Важно добиться того, чтобы человек с переходом на пенсию жил, а не доживал, необходимо сохранить в человеке общественный тонус, способность правильно ориентироваться в общественной жизни. Человек должен не только безболезненно преодолеть переход к новому этапу жизни, но и жить в этот период радостно, творчески, продуктивно.

Ведь каждый человек как личность обладает настоятельной потребностью выразить себя, реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить

(выполнить) себя[1]. Самореализация личности возможна лишь в деятельности, в труде, которые обычно являются и внутренней потребностью личности, и мерой определения ее общественной значимости.

Теряется ли общественная значимость и ценность личности с переходом человека на пенсию? Конечно, нет! Исследователи отмечают, что «наступление зрелости человека как индивида (физическая зрелость), личности (гражданская), субъекта познания (умственная зрелость) и труда (трудоспособность) во времени не совпадает»[2]. Несинхронно происходит и процесс старения этих свойств. После перехода на пенсию человек, как правило, сохраняет запас трудоспособности, которая при умелой организации труда может быть использована. Советские ученые убедительно доказали: «Общественно полезная деятельность, организованная и дозированная... оказывается возможной даже при наличии отчетливых старческих изменений организма; такая деятельность дает пенсионерам по старости необходимое чувство удовлетворенности, поднимает тонус стареющего организма, содействует продлению жизни, весьма полезна обществу в целом и является действенным методом решения всей проблемы активного трудового долголетия»[3].

Процесс старения личности находится в прямой зависимости не только от состояния организма, но и от общественных связей. Деятельной, содержательной жизнью продолжают жить те пожилые люди, которые не теряют связи с коллективом, сопротивляются социальной изоляции. С другой стороны, некоторые «начинающие» пенсионеры кажутся сразу одряхлевшими, страдающими от образовавшихся вакуумов и чувства социальной неполноценности.

Именно эти чувства одиночества, ненужности, отчужденности, а также отсутствие внимания со стороны окружающих и могут привести к утрате самостоятельности личности, стать питательной почвой для отсталых взглядов. При этом нередко случается так, что человек от оправдания религиозности, от рассуждений о безвредности и даже полезности религии постепенно приходит к религиозному объяснению действительности. Ему начинает казаться, что, участвуя в жизни религиозной общины, он реализует свои силы и энергию, может удовлетворить свою потребность в общественной деятельности, в общении с другими людьми.

Вот почему важнейшим условием преодоления религиозности этой категории людей является привлечение их к общественно полезной деятельности. Ощущение радости труда, нужности людям — источник духовного здоровья. Чувство это рождает, по словам М. И. Калинина, столько энергии, сколько не может дать никакая вера, никакая религия, оно «заменяет тысячу богов».

У данной проблемы есть и другая важная сторона. В труде пенсионеров, рациональном использовании их богатого опыта физических и умственных сил, знаний и способностей кровно заинтересовано наше общество. «Полнее использовать возможности для более широкого участия пенсионеров и инвалидов в общественном труде», — говорится в решениях XXV съезда КПСС.

Иногда говорят: «Ушел на пенсию». Применительно к социалистическому обществу это неправильно. Советский человек не «уходит» от дел, а только меняет вид своей деятельности, концентрирует свою энергию на новом деле, раскрывается по-новому.

Разумеется, характер этой новой деятельности зависит от состояния здоровья пенсионера, лимита его трудоспособности. Это может быть работа, подобная той, что выполнялась ранее, но связанная с меньшим напряжением физических и умственных сил; общественная работа, воспитание внуков, занятие искусством, садоводством и т. п. Все эти виды деятельности дают возможность самореализации личности, не допускают изоляции пенсионера. Чрезвычайно важно, чтобы новая деятельность человека, достигшего пенсионного возраста, постоянно получала общественную оценку, чтобы он видел, ощущал, что нужен обществу, что его социальные связи не потеряны.

Важное значение здесь приобретает подготовка к переходу на пенсию. В нашей стране многое делается, чтобы поддержать общественные связи людей пенсионного возраста. Это и наставничество, и работа советов ветеранов, участие пенсионеров в массово-политической, лекционной работе, в пропаганде боевых и трудовых традиций, в деятельности музеев и комнат боевой и трудовой славы, в общественных комиссиях и т. д. Положительный опыт такого рода накоплен и на Украине.

Вот один из многих примеров.

В колхозе имени Петровского на Черкасчине несколько лет назад было создано звено Татьяны Семеновны Бурлай. В него вошли пенсионеры — бывшие колхозницы, учителя, медицинские работники, работники связи. Эти люди помнят, как создавался родной колхоз, помнят, как подымался он на ноги, залечивал раны после войны. И вот теперь, хотя они живут в достатке, каждый раз выходят на поле, когда нужно колхозу.

Т. С. Бурлай работала учительницей Таганичанской школы, с 1944 года бессменно возглавляет женский совет села Таганича. Когда в 1972 году партийная организация попросила ее организовать пенсионеров для помощи колхозу во время уборки, она и создала звено. Сейчас за этим звеном закреплен определенный участок посевов сахарной свеклы; в прошлом году звено обработало 10 гектаров.

Коммунистка Татьяна Семеновна Бурлай, несмотря на преклонный возраст, имеет много общественных поручений: она член женсовета, член исполкома и секретарь административной комиссии сельского Совета, член опекунского совета детского дома. Все женщины звена, которым она руководит, добросовестно трудятся, живо интересуются политическими событиями в нашей стране и за рубежом. Все это помогает им вести активный образ жизни.

Многогранна деятельность советов пенсионеров в Донецкой области. Так, в Горловке их около двадцати, объединяющих более 550 ветеранов труда и войны. При них созданы секции: со-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.
[2] Б. Г. Ананьев. Человек как предмет познания. Л., 1968, стр. 109.
[3] «Основы геронтологии». М., 1969, стр 612.

На реке Южный Буг.

Старейшему виноградарю совхоза «Береговский» Закарпатской области В. М. Максиму 77 лет, но он и не думает расставаться с любимым делом.

циально-бытовые, работы с подростками, контроля за торговым обслуживанием населения. Эти советы ведут большую работу по пропаганде советского образа жизни, помогают семьям военнослужащих, престарелым и одиноким. В Донецке создано несколько клубов пенсионеров, ведущих интересную и разнообразную работу с людьми преклонного возраста.

Активное участие принимают пенсионеры в работе товарищеских судов. Авторитет, жизненный опыт, мудрость всеми уважаемых людей помогают им успешно разрешать возникающие конфликты. Пенсионеры выступают энтузиастами благоустройства и озеленения населенных пунктов, работают общественными контролерами, помогают отделам социального обеспечения.

Особо следует сказать о движении наставничества. В нем принимают участие многие ветераны труда, передают свой опыт молодым. Например, ветеран труда, колхозная пенсионерка М. К. Стецюк — частый гость пионеров Подлеснянской средней школы Нестеровского района Львовской области. Ее трудовая биография — живая история. 25 лет Мария Кирилловна работала звеньевой в колхозе имени Ленина, была награждена несколькими орденами. Сейчас она стремится привить любовь к хлеборобскому труду, передать свои знания и опыт молодежи.

В Херсонской области ветераны Октябрьской революции, гражданской войны, Великой Отечественной войны проводят большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Недавно комсомольцы и молодежь колхоза имени Фрунзе Чаплинского района решили провести поход по местам боевой славы — через Сиваш. Вел колонну пенсионер Г. И. Оленчук — сын легендарного И. И. Оленчука, проводника отрядов Красной Армии в 1920 и 1943 годах. Возле знамени районной комсомольской организации шел ветеран гражданской войны, участник штурма Сиваша А. И. Каламин.

Марку Прокофьевичу Бойко за 80. До выхода на пенсию он работал машинистом компрессоров в локомотивном депо станции Пятихатки Днепропетровской области, награжден многими Почетными грамотами за добросовестный труд и за активное участие в общественной жизни. Став пенсионером, он не прекратил общественной деятельности. Недавно областная газета «Зоря» рассказала, что на доме, где живет М. Бойко, висит табличка: «Выдача книг с 11 до 20 часов ежедневно». Личная библиотека Марка Прокофьевича насчитывает 8 тысяч книг. Сейчас ее услугами пользуются около двухсот читателей.

В Черновцах партийные организации привлекают коммунистов-пенсионеров к активной идеологической работе: наиболее подготовленные из них участвуют в деятельности методических советов при кабинетах политпросвещения. Члены этих советов регулярно посещают политические занятия в первичных организациях, помогают пропагандистам. Первичные партийные организации города используют богатый производственный опыт ветеранов для воспитания молодых рабочих. Более ста бывших тружеников — наставники молодежи.

Интересных и действенных форм работы с пенсионерами, как видим, найдено немало. Жаль только, что далеко не всюду работа такого рода ведется творчески, с размахом, часто ей ме-

шают формализм и казенщина. К сожалению, эта работа не поставлена еще на прочную государственную основу, во многих случаях она — дело энтузиастов. Между тем жизнь требует выработать тут четкую продуманную систему.

Доказано, что люди, вышедшие на пенсию, могут трудиться до глубокой старости. В этой связи, вероятно, было бы полезно организовать при отделах социального обеспечения специальную службу для сбора заявок: где есть нужда в такой работе, которую могли бы выполнять пенсионеры. Из них, например, было бы целесообразно создавать специальные бригады надомников — машинисток, швей, вышивальщиц, оформителей-декораторов и т. д. С их помощью можно было бы удовлетворить спрос на те виды услуг, в которых многие люди очень нуждаются. С другой стороны, и сами пенсионеры видели бы, что они нужны, чувствовали бы ритм трудовой жизни, связь с коллективами.

Сегодня в трудовой и общественной жизни принимают участие далеко не все люди пенсионного возраста. Так, в Черновцах, о которых шла речь выше, около тридцати тысяч пенсионеров. Из них около восьми с половиной работают на предприятиях и в учреждениях; несколько сот принимают участие в общественной жизни. А остальные? Порой за группой активных ветеранов мы не замечаем многих других. А ведь именно они оказывают большое воспитательное воздействие на свои семьи, на друзей и соседей.

Неоценимую работу выполняют, например, дедушки и бабушки по воспитанию подрастающего поколения. Почему бы, скажем, детсаду или школе не выразить им благодарность за эту помощь в деле большого государственного значения? Было бы также целесообразно собирать их вместе, рассказывать им о достижениях педагогической науки, знакомить с теми требованиями, которые предъявляет современность к воспитанию ребенка.

Недавно газета «Радянська Україна» рассказала о семье О. С. и А. Е. Иващенко из села Вербино на Полтавщине. Выйдя на пенсию, они продолжают жить интересной жизнью, полной забот и радостей. Дома у них красиво, уютно, и взрослые дети (а их 10), и многочисленные внуки охотно приезжают к ним погостить. Андрей Ефимович — отличный слесарь, и люди со всего села идут к нему, чтобы он отремонтировал им велосипед, стиральную машину, замок... А как только жарче пригреет солнышко, идет Оксана Семеновна в свою огородную бригаду, которая считает ее в своем боевом активе, а Андрей Ефимович — в тракторную бригаду, где тоже нуждаются в его умелых руках. Постоянная связь с людьми, с коллективом, с детьми и внуками и рождает чувство нужности, полезности, дает силы и радость.

Но следует также помнить, что нередко еще именно дедушки и бабушки становятся инициаторами совершения религиозных обрядов над детьми или с участием детей — особенно это относится к обряду крещения. В этой связи в одном из загсов в Черкассах был организован специальный лекторий для старших членов семьи, на котором выступили педагоги («Единые требования к ребенку в семье и школе», «Авторитет родителей» и другие лекции) и врачи. Специальная беседа была посвящена вреду религиозного обряда крещения. И в тех семьях, из которых бабушки и дедушки регулярно посещали этот лекторий, случаев крещения детей почти не было. Сейчас лектории подобного рода действуют в Виннице, Одессе и других городах Украины.

В атеистическом воспитании необходимо, говоря словами Маркса, глубоко и всесторонне знать «тот материал, на который предстоит воздействовать»[4]. При проведении любого идеологического мероприятия с пенсионерами следует исходить из того, что они сами, как правило, являются воспитателями. К ним, людям, опытным, заслуженным, часто обращаются за советом, за консультациями и разъяснениями. Потому-то особенно важно, какие идеи они распространяют, какую информацию несут окружающим. Вот почему нужно не просто занять свободное время этих людей, а вооружать их правильным пониманием всех фактов и явлений, которые в настоящий момент имеют для нашего общества в целом и отдельных коллективов важное значение. При этом следует, конечно же, напоминать слушателям, что общество знает о той значительной роли, которую они играют в своих микроколлективах, и высоко ее ценит.

Успех воспитательной и идеологической работы среди пенсионеров во многом зависит от строго дифференцированного подхода к их аудитории. Правильный учет состава людей позволит лучше опираться на их жизненный опыт, способствовать их активизации.

Одна из наиболее действенных форм атеистической пропаганды среди верующих людей преклонного возраста — работа с небольшими группами или индивидуально. Здесь есть возможность хорошо узнать каждого, условия его жизни, круг интересов, духовный и нравственный мир, причины обращения данного человека к религии, легче найти путь к его чувствам и разуму, избрать действенные пути и средства освобождения его сознания от религиозно-мистических представлений. Индивидуальный подход позволяет полнее учесть все то здоровое, что есть в человеке, что связывает его с реальной жизнью, мобилизовать его собственный личный опыт для преодоления религиозных представлений.

Советское общество имеет, по сути, безграничные возможности для того, чтобы люди и в преклонном возрасте не теряли связей с самым животворным источником — с нашей жизнью, наполненной трудом, гуманной заботой каждого о каждом и обо всех, с ее заботами, радостями и трудностями. Только такая неразрывная связь способствует долголетию, душевному и физическому здоровью людей, дает им оптимизм, веру в реальный мир и его возможности, отвращает от иллюзорного мира религии. И святой долг пропагандистов атеизма, общественных организаций делать все, чтобы эти связи не прерывались, укреплялись и развивались на благо коммунистического строительства.

г. Киев

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 195.

ТРИ СЕСТРЫ И ШЕСТЬ БРАТЬЕВ

Е. ЛОСОТО

В этом очерке речь пойдет о людях, для которых благо других дороже собственного благополучия. Познакомиться с такими людьми очень важно — ведь наше нравственное развитие в значительной степени зависит от знания того, кто и как ведет себя в сложных жизненных ситуациях.

Люди, о которых здесь рассказано, ведут себя достойно. Они добры, человечны. Автору уже приходилось говорить о них в различных публикациях на страницах «Комсомольской правды». В этом очерке о них рассказано подробнее. Здесь соединены истории незнакомых между собой людей: потому, во-первых, что герои родные по духу и образу мыслей, и во-вторых, потому, что собранные воедино их истории дают возможность увидеть нечто важное для понимания истоков нравственности.

СЧИТАЕТСЯ, что по дороге, на которой стоит село Чушевицы, шел Ломоносов в Москву учиться. Несколько лет назад здесь пустили автобус, а до того если кому надо было добраться, то добирались, как и Ломоносов, пешком.

Почти все строения тут деревянные, как и всюду на Севере. Строить из дерева здесь умеют хорошо. Дома просторные и высокие: ступенек на десять надо подняться, чтобы попасть в комнаты. Даже человеку, ничего не смыслящему в деревянном зодчестве, приятно молча постоять, оглядывая ряды этих высоких и просторных домов, сложенных из ровных крепких бревен. Смотреть не надоедает. Из камня — лишь давно не действующая церковь. Из бетона — строящийся клуб.

Короче, русский Север. Кто на Севере бывал, легко представит себе Чушевицы, типичное для этих мест село на границе Вологодской и Архангельской областей.

А история тут случилась такая. Жила-была большая семья Дурневых — мать, отец и девять детей. Мать, Ольга Федоровна, работала конюхом в сельпо, а затем прачкой: стирала халаты для продавцов и работников столовой. Отец, Александр Александрович, бухгалтер передвижной мелиоративной колонны (ПМК) был инвалидом, поэтому семья держалась на Ольге Федоровне, которую в селе называли великой труженицей.

Дети Дурневых были как на подбор: крупные, плотные и хорошо учились в школе. С младенчества они были приучены к труду. Соседи с любопытством наблюдали, как вслед за старшими братьями, шедшими с ведрами по воду, ковылял с «тарочкой», то есть с бидоном, младший, девятый, Володенька. Было у Дурневых три дочери и шесть сыновей. Самая старшая, Лена, выпускница сельской школы, поступила в Московский университет на исторический факультет, а после окончания — в аспирантуру. Следующий, Витя, учился в Ленинградском политехническом институте, был круглым отличником. Там же учился Федя. Таня занималась в Архангельском техникуме связи. «Троек у них в жизни не бывало», — сказали мне учителя. Остальные, кроме младшего Володеньки, учились в школе: Толя, Юра, Света, Коля. Все дисциплинированны, добросовестны, вежливы.

Случилось: Ольга Федоровна тяжело заболела, ее увезли в больницу, а вскоре в Чушевицы пришло ужасное известие: она скончалась. За гробом шли отец и девять детей, за ними шло все село. А через месяц умер и отец. Не буду описывать реакцию детей — она понятна...

Собрались ребята на совет: как жить дальше. Решили семью свою сохранить и жить так, как жили при родителях. Младших по интернатам, по детдомам не раскидывать. Но кто останется в доме за старшего? Выпало на 19-летнюю Таню, третью по возрасту. Младшие сказали ей: оставайся, мы тебя будем слушаться. Таня пошла в сельсовет и оформила опекунство над четырьмя несовершеннолетними братьями и сестрой Светой, которая училась тот год в лесной школе. Детям назначили пенсию — 120 рублей. Таня оставила техникум и устроилась работать школьной уборщицей. Эта работа позволяла больше времени находиться дома. Дома ее ждали корова, поросенок, огород, русская печь. Ходил, натыкаясь на лавки, Володя: он плохо видит. Старшие пробыли дома с месяц, помогли ей наладить быт. Одновременно все они работали: Лена в школе, братья в колхозе. Через месяц они уехали, осталась Таня за старшую в доме. Начали Дурневы жить сами, без взрослых.

Опишу, где они живут. Чистый двор со столом для настольного тенниса. Сарай, где находятся корова и поросенок. Вокруг дома участок в четверть гектара. Ровные грядки большого огорода — картошка и другие овощи. Несколько яблонь. В доме, у входной двери, множество обуви: резиновые сапоги разных размеров для мальчиков, спортивные кеды, женские туфли, принадлежащие Тане. Половина дома нежилая. Детям достаточно двух комнат, где все они вполне умещаются. На жилой половине — стол, покрытый клеенкой, вокруг него лавки. Два письменных стола, книжный шкаф, телевизор.

Тане Дурневой сейчас двадцать лет. Она крепкая, ладно сложенная девушка. Мне сказали про нее, что она красивая девушка, и разъяснили суть ее красоты: здоровая. От себя добавлю, что она еще и нравственно здоровый человек. Она не страдает из-за того, что у нее только два платья, ситцевое, в котором она ходит дома, и платье получше, чтобы пойти в клуб (один-два раза в месяц она бывает там на танцах). Она считает, что этих двух платьев ей достаточно. Не то, чтобы ей свойствен был аскетизм, нет, просто она находит деньгам, которыми распоряжается, более разумное применение.

Какое же? А такое. Ежемесячно семья Дурневых, живущая в селе, высылает в город своим студентам деньги. Отказался от помощи только стар-

Август 1977 г. В сборе почти вся семья.

Фото А. Казимирова

Анна Павловна и Михаил Васильевич Хамалинские.

ший брат. Первокурснику Феде посылают 20—25 рублей в месяц. Свете в лесную школу — 5—7 рублей на учебники, тетради. Иногда Лене, потому что девушке, живущей в Москве, надо немало денег. Откуда же Таня берет такие средства? Братья-школьники подрабатывают «с колуном», то есть колют дрова. Расколоть машину дров — 5 рублей, лесовоз — 20. В прошлый сезон заработали на колке дров где-то около сотни. Еще ребята летом работают в колхозе, перед учебным годом красили стены в школе. Чтобы облегчить труд Тани, моют за нее школьный физкультурный зал. На швабры тряпки намотают — раз-раз — быстро вымыли, а Таня тем временем дома дела переделает. Их, мужиков, дома трое, в каникулы — четверо-пятеро, а Таня среди них одна, ее беречь надо, и так она встает доить корову ежедневно в пять утра.

Труд школьников Дурневых никто здесь не воспринимает как следствие безвыходного положения. Наоборот, люди радуются, видя ребят, которые «как мураши, на огороде с лопатами». Трудятся ребята — это хорошо. Из города студенты иногда присылают домой подарки. Дома этими маленькими подарками гордятся. Вся школа знает, что Лена прислала Толе авторучку, а Витя Юре — кеды... Не подарок дорог — дорого внимание.

Находились люди, говорили Тане: раздай детей по интернатам, ты молодая, устраивай свою жизнь. Вырастишь, мол, их — они уедут, письма не напишут, рубля не пошлют. «Неправда, — твердо отвечала Таня. — Наши не такие».

Она занялась лечением младшего, которого называет полным именем — Владимир. Владимира она регулярно возит в Вологду (до железной дороги автобусом, а там поездом — 8 часов туда, 8 обратно). Сейчас малыш видит лучше и без посторонней помощи ходит по дому, даже по селу. Однако букв он не видит, поэтому ему придется учиться вдали от дома, в специальной школе. Малыш сказал мне, что на каникулы он будет приезжать домой, чтобы играть в футбол. У него есть два друга, с ними-то он и будет играть в футбол. Мальчик еще слишком мал, чтобы осознать, что прежде всего у него есть сестра Таня, благодаря которой он имеет дом, куда можно приезжать на каникулы.

Отношение к ней в Чушевицах особое, не такое, как к ее ровесницам. Останавливаются люди, увидев Таню, здороваются, спрашивают, не помочь ли

Ольга Ивановна Бечина — частый гость в доме Дурневых. Идет примерка нового платья для Светы.

Коля, Федя и Света (слева направо) готовят уроки.

Таня.

Лена со своими учениками в школе, где она сейчас преподает историю.

чем. О том, что жалеют ее, уже не говорят: заметили, что жалость ее сердит. Некоторые низко ей кланяются.

...Мне рассказывали, что перед смертью, в больнице, мать Дурневых вдруг закричала: «Люди, люди добрые, не оставьте моих детей!» — и что это были ее последние слова. Легенда ли это, а может, и правда — не знаю. Однако эти слова, будто бы сказанные бедной женщиной, люди помнят, и мне их передали, глядя ясно, открыто, так что нельзя уже стало спросить, помогают ли люди сиротам, и я спросила о формах помощи.

Сразу же после смерти родителей люди собрали для ребятишек Дурневых деньги. Всю сумму (примерно тысячу рублей) Таня положила на сберкнижку «на черный день». Черных дней пока, к счастью, не было, но брать деньги с книжки приходилось. Например, сестра Света прислала из лесной школы письмо: ее премировали экскурсионной путевкой в Краснодон, путевка бесплатная, а за дорогу надо платить, так вышлите мне из дому деньги на дорогу. Из дому тут же деньги выслали — 65 рублей.

Накануне учебного года колхоз выделил Дурневым деньги, чтобы купить школьную форму. А с начала учебного года директор школы Владимир Николаевич Дербин предложил ребятам бесплатно питаться в интернате. Ребята спросили, нельзя ли брать продукты домой, потому что дома обедать «веселее», и директор распорядился выдавать им продукты. Хоть и не положено, но пусть будет так, как ребятам хочется, пусть им будет веселее. Дурневы получают от школы крупу, мясо, масло.

В село провели водопровод. Он протянулся неподалеку от дома Дурневых, от него отвели трубу и к их дому. Так что за водой теперь ходить не приходится. Вода у них прямо в доме, и бесплатная: за воду с них деньги не берут. Освободили их и от сельхозналога. Сенокос у Дурневых дальний, привезти оттуда сено стоит дорого, поэтому колхоз (председатель Иван Павлович Акихов) перевез им сено бесплатно. Однако зимой его все же не хватило, и опять-таки колхоз помог: выделил из своих запасов. Осенью приехала машина из ПМК и привезла им бесплатно дрова, хотя они об этом и не просили. Весной пришел человек, которого ребята называют «дядя Леша Лопатин», привел колхозную лошадь с плугом, вспахал огород Дурневых и удалился.

Все это можно назвать общей коллективной помощью, помощью «всем миром». Но многое делается для ребятишек и отдельными людьми. Например, соседка Анна Павловна Хамалинская часто печет пироги и несет Дурневым. Другая соседка, Ольга Ивановна Бечина, заглядывает к ним ежедневно: что да как, да чем помочь, чему в хозяйстве научить. Должна была корова отелиться, Таня пугалась: что она будет делать. Помогли соседи, научили Таню и тому, как теленка выпаивать. Выпоила с их помощью Таня теленочка на 135 килограммов, продала государству. Научили ее и не столь сложным вещам, например печь пироги, и теперь она их сама печет — как это принято в Чушевицах. Многие люди заходят к ним с гостинцами. Засолят огурчики — несут угостить Дурневых. Помидоры замаринуют — опять же поделятся...

Таня говорит: «Люди здесь хорошие». Ей можно верить. Человек, оказавшийся в ее положении, точнее всех знает, какие вокруг него живут люди.

Что движет этими людьми? Что заставляет, к примеру, Анну Павловну и Ольгу Ивановну, женщин уже немолодых, так стараться ради чужих, не родных им, ребят? Может быть — предвидим вопрос — эти женщины верующие?

Нетрудно предположить, что такой вопрос у кого-то и возникнет — в сознании некоторых людей помощь ближнему и набожность связаны воедино. Вот, например, какое письмо прислал читатель «Комсомольской правды» из Новгорода после того, как газета рассказала о семье Дурневых:

«В статье изложены взаимоотношения людей, основанные на христианской морали. И эта мораль преподносится под рубрикой «Наш образ жизни». Непонятно! Ведь наш советский образ жизни — коммунистический, а значит, антихристианский. Какой он! Вот его и надо было бы показать. Хватать-

ся же за христианскую мораль и восхвалять ее за то, что она воспитывает любовь к ближнему, это значит отказываться от коммунистической морали...»

В этом письме отразилась та путаница понятий и явлений, которая существует, к сожалению, не у одного только его автора. Ему мы ответили так:

«Помощь человека человеку отнюдь не является признаком религиозной морали (ни христианской, ни какой-либо иной). Нравственность существовала и до христианства, существует и в обществе, где подавляющее большинство — атеисты. Правда, каждая религия пытается провозгласить себя источником нравственности. Но разве следует отсюда, что человечность, гуманизм не являются характерными признаками нашего образа жизни! Почему вы отдаете все это христианству!»

Сразу же оговорюсь: мне удалось найти в селе Чушевицы лишь одного верующего человека — 82-летнюю бабушку. Но она плохо слышит, и о Дурневых ничего не знает, несмотря на то, что разговоров в селе о них много. Все остальные люди, о которых здесь рассказано, узнай они о том, что их отношение к ребятам-сиротам связывают с набожностью, были бы удивлены.

Тут мы подходим к важнейшему для нас вопросу — об истоках нравственности.

Скажите, пожалуйста, смог бы род людской дожить до нашего времени, просуществовать все долгие тысячелетия с их войнами, эпидемиями, стихийными бедствиями, если бы не было присуще людям бескорыстие, самопожертвование, безвозмездная помощь друг другу? Наверное, без добра, заложенного в природе человека, человечество не смогло бы выжить. Оно просто не состоялось бы, погибло бы, если б не жертвы одних людей ради других.

Нравственность возникла как необходимость выжить, то есть как непременное условие жизни. Она изначально была безрелигиозной, такой является и сейчас. Русские прошли через язычество и православие, другие народы — через иные религии, но каждая религия утверждала себя источником нравственности, в то время как на самом деле она лишь оформляла в виде своих законов, норм поведения ту нравственность, которая жила в народе, в человечестве. Сменялись века и поколения, наше общество пришло к массовому атеизму, а нравственность как была, так и осталась с людьми, никуда не делась, только обогатилась.

И сейчас коммунистическое воспитание детей и молодежи включает в себя многие выработанные историческим опытом человечества правила: будь добрым, защищай слабого, заботься об общественном благе больше, чем о своем, ибо и твое благополучие — производное от общего благополучия.

...Каждым летом, сдав в своем институте экзамены, едут на каникулы студенты, Витя и Федя Дурневы. Едут, конечно, не загорать: нужно дом ремонтировать и нужно деньги зарабатывать — летом колхоз нуждается в рабочей силе. Старший брат заканчивает институт. Он добивается направления в в Вологду, поближе к семье.

А Таня скоро уедет учиться, оставив на хозяйстве Лену. Да, ту самую Лену, московскую аспирантку, которая готовится к защите диссертации! Лена берет академический отпуск на год и едет в деревню — доить корову, выпаивать теленка, стряпать в русской печи. Еще она будет преподавать в школе историю. За тот год, что Лена пробудет дома, Таня должна получить в ПТУ специальность метеоролога. Такой специалист на селе нужен, и ей обещают соответствующее место.

Восьмиклассник Юра, способный к математике и физике, собрался поступать в школу-интернат при Ленинградском университете, где учился старший брат. Десятиклассник Толя размышляет о строительном техникуме. Коля ходит в 5 класс.

Думаю, все они благополучно вырастут, выучатся, никто из них не будет в обиде, и все у них пойдет «путем», пойдет как надо.

Пусть не подумает читатель, что история, здесь рассказанная, является каким-то исключением, чем-то редкостным. Наш народ и в прошлых поколениях, и в нынешнем такими Танями богат. Что ж их отличает? Бескорыстие? Пожалуй, это слово подходит. А что еще! Самопожертвование! И это тоже. Но, мо-

жет быть, правильными будут не наши толкования, а то, как сам такой человек свои поступки объясняет? Сама Таня объясняет предельно просто: «Как так, чтобы дом опустел? Чтобы некуда приехать было?» Единственно разумным Тане кажется сохранить дом и семью, а все иные варианты кажутся глупостью. «Как так?..»

В разное время в ответ на публикации в «Комсомольской правде» мне написали многие читатели газеты, знакомые с такими людьми, как Таня. Вот выдержки из некоторых писем:

«Моя мама приняла к себе шестерых чужих детей, а нас у мамы своих было четверо. И стало всего десять детей. Приняла их мама к нам в 1951 году, когда самой маленькой из них было 7 месяцев. Папу я не помню, он ушел на фронт и не вернулся. Жили мы в землянке. Нам помогала бабушка, она и сейчас живая, ей 88 лет. Наша мама показала нам, что надо не щадить себя ради другого, и нам этот большой благородный материнский поступок запомнился на всю жизнь. К сему Евченко Александр Степанович из г. Магнитогорска».

«Отец наш погиб в Отечественную войну. Осталось нас у мамы четверо детей, младший рождения 1941 года. Мама стала просить свою сестру, нашу тетю Аню, чтобы помогла она нас вырастить. И тетя Аня не отказала. Когда мы немножко подрастали, она брала нас, по очереди, к себе в город и устраивала кого в школу, кого в ФЗО. А подходило время — провожала в армию, потом встречала обратно. Мы получали от нее и материальную поддержку, и материнскую любовь. Все лучшие годы она отдала нам. Своей семьей обзавелась поздно. У нее только один сын, и, надо сказать, прекрасный сын, похожий душой на свою мать». Письмо без подписи, прислано из Саратова.

«Мне захотелось рассказать о своей бабушке Елизавете Михайловне. Живем мы с сестренкой Томой у нее уже седьмой год. Остались мы одни после смерти мамы, когда сестренке шел четвертый год, а мне — десятый. Но приехала бабушка, забрала нас и вот сейчас воспитывает. А дедушку нашего на войне под Черниговом убило, поэтому бабушка всю жизнь прожила одна. Сначала детей своих растила, теперь нас, внучек. Вот какая у меня бабушка». Алла Заварзина из села Нагуты Ставропольского края.

«Всего за свою жизнь Рогожевы Григорий Алексеевич и Екатерина Петровна из села Красная Слобода (Татария) вырастили и выучили одиннадцать чужих детей. Вырастят одних — берут других. И этот подвиг продолжался до глубокой их старости». Л. Апрелева из Курска.

«Я малограмотный, окончил всего шесть классов. Я хочу написать о нас, сиротах, которые воспитывались с теткой. Сначала семья наша состояла из 10 человек. Это мой отец, мать, бабушка любимая, отцовы сестры: Огаша, Груша, Катя, отцов брат Леня и дети отца с матерью: Маша, я и младший брат Ваня».

Здесь мы прервем письмо, чтобы сказать читателю: не затруднитесь на две минуты удержать в памяти эти имена. Они того стоят.

«Но после семья стала и убавляться, и прибавляться. Бабушка умерла, Огаша с Грушей вышли замуж. Но зато появились на свет мой братишка Коля, сестренки Аня и Дуся. Делов отцу стало больше. Надо ведь накормить такую семью, надо обуть и одеть.

Потом дядя Леня уехал по вербовке на Камчатку. Осталась в доме из отцовских братьев и сестер одна тетка Катя. Тут наступила война с Германией. Отец ушел на фронт, и с войны наш любимый отец не вернулся. Сестра Маша вышла замуж, и осталось нас: мать, шесть детей и тетка Катя. Мать стала плакать и тосковать. Вы при отце ходили в рубашечках и калошках, а я вас не смогу накормить, напоить и одеть, вас много. И от тоски умерла мать в 1944 году. И вот тут мы остались круглыми сиротами.

Я старший, мне тогда было 14 лет. Тетка Катя постарше меня, ей было 19 лет. Работники только мы с ней, остальные малы. Но спасибо нашему правительству, не оставляли нас, сирот, без внимания. Давали карточки на муку, а гороно помогало в одежде. Хоть и не по плечам, но тетка наша перешивала по плечам, так и жили. Тетка Катя работала в колхозе, я пошел на производство, брат Ваня подрос и пошел в подпаски.

Годы подошли мне в армию идти. Но по состоянию семейного положения меня не взяли, да и ростом я был мал и весом не подходил. Ягнятами нас называли в военкомате. Пришлось работать на трудовом фронте. Брал я на помощь Аню с Колей. Так и прошли послевоенные годы.

Вот такой, как тетка Катя, мы думаем, что и на свете нет. Она нас и обмывала, и обшивала, готовила нам покушать, что приходилось. Решилась нас вырастить. Такая уж порода наша Карякинская, повидимому.

Потом умерла старшая тетка, у них шесть детей было. Огаша пошла к ним жить. Всех поженила, всем построили дома. И только тогда ушла обратно в свой дом.

А дядя Леня и сейчас живет на Камчатке. Он взял жену с тремя детьми. Маленькими они остались после отца, который замерз зимой в пургу.

И вот наша незабываемая тетка Катя через нас, сирот, не пошла замуж. В 1973 году после болезни ей пришлось умереть. Огаша и Груша сейчас живы. Мы хоть сами отцы стали, но до сих пор их слушаемся, как матерей. Хороших людей никогда не забыть, а только жалеть и уважать». Асфальтобетонщик Михаил Карякин, из г. Саранска.

Раньше о таких людях, как «тетка Катя», сказали бы: прожил по-христиански, теперь мы говорим: прожил честно, нравственно.

В характерах и судьбах людей, о которых мы с вами сейчас узнали, воплотилась обычная, нормальная человечность. Что заставило Татьяну Дурневу, Екатерину Карякину и других жить именно так, а не полегче? Обычная человечность. Она и роднит их, позволяет увидеть их родство, единство. Она же позволяет объединить рассказы о них воедино.

Если мы вернемся мыслью к письмам, то увидим еще одну сторону явления: не **чем** жертвовали герои этих писем, а **ради чего**. А жертвовали они многим ради еще большего: ради жизни, здоровья, благополучия детей; иными словами — ради будущего. В этих ситуациях проявилось то самое добро,

которое когда-то дало возможность человечеству выжить, состояться, а не так давно (на памяти старшего поколения) дало возможность выжить нашей с вами стране. «Без них бы мы не победили», — было тогда хорошо сказано.

Вот такой перед нами ряд людей и ряд поступков. Заметьте, что наши герои жертвуют собой ради других и при этом даже не до конца осознают свои прекрасные качества.

Благородные душевные порывы — не отличие какого-то одного поколения и не признак какого-то одного времени. Но, естественно, в ту пору, когда народ страдает, когда народ в беде, все лучшие народные качества проявляются с большей силой, чем в мирное, спокойное, безопасное время. Но и в безопасное время, как мы видим на примере Дурневых, все эти качества, когда возникает потребность в них, сразу же проявляются.

Эти героические судьбы — не исключение, они обычное, нормальное явление нашей жизни. Это обычное проявление обычных человеческих качеств наших современников и соотечественников. Исключением всегда считалось и будет считаться другое: бессердечие, душевная ограниченность.

Иногда приходится слышать: как, мол, так, у образованных родителей вдруг выросли плохие дети, а у кого-то необразованного, который ничего кроме доброты и заботы (всего-навсего, оказывается!) детям не мог дать, вдруг такие славные сынки или дочки получились. Однако ведь нравственность и образованность — понятия, как известно, отнюдь не равнозначные. Нравственность — это степень человеческого в человеке, степень его неживотности,— говорили Маркс и Энгельс.

Если кто-то добр, человечен в высокой степени, то и дети его имеют много шансов вырасти благородными и порядочными. Ведь добро порождает добро точно так же, как зло порождает зло. У нравственных родителей естественно должны вырасти нравственные дети. Если родители необразованны, — это, конечно, плохо для детей, но плохо лишь для их интеллектуального развития, а не для душевного. И наоборот: если родители образованны — большая польза для детского ума, но это еще не означает пользы для души.

Обратите внимание, как верно авторы приведенных здесь писем обозначают и понимают те нравственные уроки, которые усвоили: один от матери, вырастившей в землянке четверых своих и шестерых чужих детей, другой — от «незабываемой тетки Кати». Знают они цену человечности!

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед тем как посылать очерк в типографию, мы попросили фотокорреспондента поехать в село Чушевицы. Оказалось, что сейчас Тани на месте нет, она учится в Ростове-на-Дону в метеошколе. Хозяйство вместо нее ведет Лена. Федя перешел на второй курс института. Владимир занимается в школе для слабовидящих детей. Юра учится в Ленинграде, в физико-математической школе.

Лена прочитала очерк, в котором, в частности, шла речь о ее семье, сделала некоторые уточнения и на последней странице написала:

«После того как о нас рассказала «Комсомольская правда», мы получили множество писем, в которых приводятся замечательные примеры доброты и человечности. Совершенно незнакомые люди присылали нам денежные переводы из Москвы, Симферополя, Красноярска, Ставрополя; мы получили посылки из Вильнюса, Новгорода, Краснодарского края. Не хватит места, чтобы перечислить всех добрых людей, кто нам помог и помогает».

Каким я буду

В № 2 за 1974 год в нашем журнале был напечатан рассказ Люды Панкратовой о своей жизни, который назывался «Среди людей». Неизлечимо больная девушка писала о людской отзывчивости, о доброте. А в № 12 за тот же год мы поместили очерк Н. Орловой «Себя преодолеть» — о самой Люде Панкратовой, о чуткости к окружающим людям этой мужественной и самоотверженной девушки с прекрасной душой. На обе эти публикации в редакцию пришло много откликов. Мы предлагаем вниманию читателей один из них, полученный от юноши, заканчивающего школу (он просит не называть его фамилию). Вот что он пишет:

Я учусь в школе. Не скажу, чтобы жизнь у меня самого и у моих родителей была уж очень хорошая. Всякое бывает. Но я часто думаю над своей профессией, какую именно выберу и каким я буду. Я хочу выбрать такую профессию, чтобы помогать людям, и не вообще, а кому-то конкретно. Не довелось мне прочитать рассказ Люды Панкратовой, но я читал статью о ней «Себя преодолеть» и, когда прочитал во второй раз и понял, что Люды уже нет, я заплакал. Я жалел, что не родился раньше, не стал врачом, чтобы вылечить Люду. Это, конечно, сказано мной по-детски, но я знаю, что людям необходима деятельная доброта. Все люди нуждаются в доброте и помощи. Вы подумаете, что я хвалюсь: «Смотрите, какой я добрый, душевный!» Но мне кажется, что каждый человек когда-нибудь думает о себе так, и это справедливо. Человек обязан быть добрым. Не знаю, как вам объяснить свои мысли, боюсь не поймете. Вот я написал два рассказа о доброте. Напечатайте их, пожалуйста.

СОБАКА

Она была маленькая, с грязно-белой шерстью, покрытой черными пятнами. Люди шли и не замечали ее. Она смотрела преданно и умоляюще на всех прохожих, а они шли мимо, некоторые улыбались и спешили дальше. Куда-то все торопились. А один кинул ей что-то завернутое в цветную бумажку, но то оказалось несъедобным. Может быть, просто что-то выбросил человек, а она подумала, что ей бросили косточку или кусочек хлеба, и уже мечтала, как погрызет корочку или вкусную кость, а потом поспит на солнышке возле шершавого забора.

Но вот подошел к ней маленький человечек, весь кругленький и пухлый, в пушистом пальтишке. Он протянул к ней свои маленькие руки, погладил, и собаке захотелось лизнуть эти маленькие добрые руки. А на лице маленького человечка сияли синие добрые глаза, и она встала и пошла за этим добрым человеком. Шла и виляла от радости хвостом, что она теперь не одинока, что она идет по улице вместе с человеком!

ШМЕЛЬ

День был жаркий. Я сидел на лавочке и наблюдал, как по асфальту тротуара ползет шмель, серый от пыли. Куда же он ползет и так странно? Ах, у него повреждены крылья и, наверное, перебиты лапки, но отчего он рыскает в стороны, что он ищет? Нагнувшись, я смотрел на шмеля, а он, добравшись до края, стал забираться в какую-то щель, но вылез и полез в другую между камнями. И так несколько щелей прошел — то залезет, то вылезет. Но вот он нашел большую глубокую расщелину и спрятался там, и я понял, что он искал норку, чтобы пересидеть в ней то время, пока заживут его раны. Ему надо было отсидеться. Чтобы никто не потревожил шмеля, я взял несколько камешков и закрыл ними щель, оставив для него проход. Пусть выздоравливает!

Геннадий С.

Когда мы, атеисты, заманчивой, но иллюзорной мечте о загробном бессмертии человеческой души противопоставляем истинное — земное — бессмертие человека, мы обычно обращаемся к делам его рук, его духа, к тому, что, уходя, оставил он людям, к наследию, в котором он продолжает жить с нами. Но подлинное человеческое бессмертие не менее зримо воплощается и в тех людях, которым дал жизнь человек,— в его детях, внуках и более далеких потомках. Они — его естественное продолжение, и в их жизни, в их делах живет, множась и разливаясь животворными соками по ветвям генеалогического древа, не только кровь родоначальника, но и его духовное наследие.

Родословные, составлявшиеся в прошлом, обычно изрядно прикрашивали семейные жития монархов или знатных дворян вымыслами и легендами. А вот истинные деяния тех династий, которые творят реальную историю, — представителей трудового народа и передовой культуры — не часто удается проследить за более или менее длительный промежуток времени. Счастливое исключение тут — наш национальный гений Пушкин. Неослабевающий всенародный интерес к его творчеству, к его личности обусловил внимание исследователей, читающей публики и к его потомкам в течение вот уже почти полутора столетий. А в наши дни нашелся энтузиаст, который не только подвел итог этому изучению, но и продвинул его вперед, поднял на уровень научного исследования.

Псковский журналист Виктор Михайлович Русаков, литературовед по образованию, исследователь по призванию, за два десятилетия собрал и скрупулезно исследовал обширные, порой уникальные сведения практически обо всех потомках поэта — как живших и живущих в нашей стране, так и рассеянных волею судеб по всему свету. Их оказалось более двухсот!

В 1974 году в Ленинграде вышла книга В. М. Русакова «Потомки Пушкина», сразу же ставшая предметом вожделенной зависти книголюбов. В ней рассказано лишь о немногих из того обширного племени, у истоков которого стоял Александр Сергеевич Пушкин, — о его детях, некоторых внуках, нескольких наших современниках, с кем автор книги встречался лично. Но и эти немногие судьбы показывают, как органично вплелась их история в историю Родины, сколько славных страниц в нее вписано родом Пушкиных.

Сто сорок один год назад перестало биться сердце великого поэта, но его бессмертие — не только в его произведениях, духовном его наследии, а и в деяниях его потомков. Яркий тому пример — жизнь и труды А. С. Данилевского, ученого с мировым именем, о котором рассказывает одна из глав выходящей в Лениздате второй книги В. М. Русакова. Предлагаем ее нашим читателям в сокращенном варианте.

Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

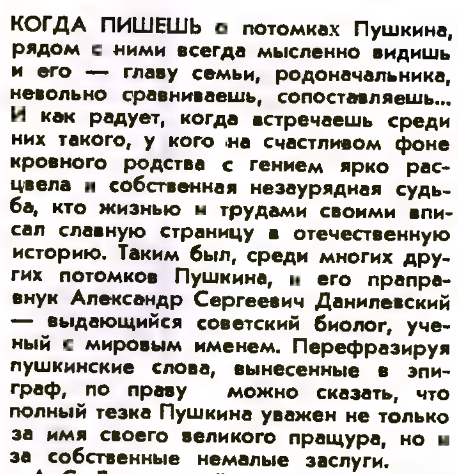
А. С. Пушкин

УВАЖЕН НЕ ТОЛЬКО ЗА ИМЯ...

В. РУСАКОВ

А. С. Данилевский. Автопортрет. 1942 г.

КОГДА ПИШЕШЬ о потомках Пушкина, рядом с ними всегда мысленно видишь и его — главу семьи, родоначальника, невольно сравниваешь, сопоставляешь... И как радует, когда встречаешь среди них такого, у кого на счастливом фоне кровного родства с гением ярко расцвела и собственная незаурядная судьба, кто жизнью и трудами своими вписал славную страницу в отечественную историю. Таким был, среди многих других потомков Пушкина, и его праправнук Александр Сергеевич Данилевский — выдающийся советский биолог, ученый с мировым именем. Перефразируя пушкинские слова, вынесенные в эпиграф, по праву можно сказать, что полный тезка Пушкина уважен не только за имя своего великого пращура, но и за собственные немалые заслуги.

А. С. Данилевский — праправнук Пушкина по линии его старшего сына Александра (небезынтересно, что мать его — и ныне здравствующая Софья Николаевна Данилевская, урожденная Быкова, правнучка Пушкина — и внучатая племянница Н. В. Гоголя).

Саше Данилевскому (родился он в 1911 г. в селе Олефировка близ Миргорода) выпало трудное детство. Отец (он был агрономом) умер, когда мальчику не исполнилось еще и восьми лет. Шла гражданская война, многодетная семья (у Саши было четыре сестры) бедствовала. В Полтаве, куда переехала семья Данилевских, о них прослышал секретарь горкома партии, большой почитатель Пушкина, потомкам поэта была оказана помощь. Хотя и с опозданием — девяти лет Саша пошел в школу.

Читал он с пяти лет. За превосходную память его в шутку называли ходячей энциклопедией. Еще до школы увлекся коллекционированием бабочек, а в школе стал одним из самых любознательных в кружке живой природы.

С таким же увлечением Саша и рисовал. Уроки рисования в школе вела выпускница Академии художеств Александра Ивановна Рощина. Она сразу же обратила внимание на его способности. А. И. Рощина убеждала мальчика поступить в художественную школу. Но он уже чувствовал свое призвание...

В 10 лет Саша стал посещать Полтавский городской музей, где углубленно занялся изучением насекомых. Пытливого школьника сердечно встретил орнитолог Н. И. Гавриленко, заведовавший в музее отделом природы. Можно смело сказать, что полтавский зоолог стал первым научным руководителем будущего ученого: укрепил в нем живой интерес к естественным знаниям, заложил основы его материалистических взглядов. Он поручал Саше приводить в порядок коллекции, пополнять их, проверять правильность надписей и т. д. Однажды за какую-то особенно сложную работу в музее Саша принес домой три рубля — первые заработанные деньги. Счастливый и смущенный, он угловато сунул деньги матери: «Заплатишь за электричество или за починку башмаков».

В 12—13 лет Саша любил дальние походы с друзьями — с ночевками в лесу. Об этих удивительных экскурсиях по родному краю он сохранил самые лучшие воспоминания.

Окончив семилетку, Саша собирался поступить в садово-огородную профшколу. Но счастливый случай круто изменил его судьбу. Родственница Данилевских вышла замуж за известного советского историка — впоследствии академика Б. Д. Грекова. Супруги пригласили 17-летнего Сашу к себе в Ленинград. В семье Грековых он жил до самой войны.

В Ленинграде Александр Данилевский закончил среднюю школу и в 1933 году — Институт прикладной зоологии и фитопатологии, получил звание агронома, начал работать во Всесоюзном институте защиты растений.

К этому времени он уже зарекомендовал себя как сложившийся ученый-энтомолог, специалист в области фаунистики и систематики насекомых, их пищевой специализации. В 1935 году увидела свет его первая научная работа. С 1936 года А. С. Данилевский — аспирант кафедры энтомологии Ленинградского университета, а с 1939 года — ассистент на этой же кафедре.

Предвоенные годы сыграли опреде-

А. С. Данилевсий с матерью Софьей Николаевной и сыном Сережей. Фото 1952 г.

ляющую роль в становлении Александра Сергеевича как ученого. Немалое значение имела, несомненно, и счастливая встреча его со студенткой кафедры энтомологии Галиной Шельдешовой, вскоре ставшей его женой, другом и помощником. В течение всей их совместной жизни Галина Григорьевна была участницей всех научных трудов А. С. Данилевского, а порой и его соавтором.

Единственный сын Данилевских Сергей, родившийся в день начала Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года, не пошел по стопам родителей — стал геологом.

В июле 1941 года Александр Сергеевич вступает в ряды народного ополчения, участвует в тяжелых боях под Ленинградом. Вскоре он уже лейтенант медицинской службы, затем — помощник начальника медико-эпидемиологического отдела Ленинградского фронта. Эпидемиологическая служба в блокадном Ленинграде была поставлена достаточно хорошо, случаи инфекционных заболеваний встречались редко. В этом большая заслуга Александра Сергеевича. Как биологу с обширными познаниями, ему поручили заняться эпидемиологией туляремии, особенно опасной в условиях блокады. Александр Сергеевич сам заболел туляремией, но результаты его многочисленных экспериментов помогли приостановить, а затем и совсем ликвидировать начинавшуюся эпидемию. За выдающиеся заслуги в борьбе с этим коварным заболеванием А. С. Данилевский был награжден орденом Красной Звезды.

Не избежал Александр Сергеевич страшного последствия блокадного голода — дистрофии, несколько недель лежал в госпитале. А едва встав на ноги, не только принялся выполнять многотрудные служебные обязанности, но и напряженно — большей частью ночами, при свете коптилки, — продолжал работать над кандидатской диссертацией, которую блестяще защитил 5 апреля 1943 года.

В диссертации А. С. Данилевского были обобщены результаты его довоенных исследований по взаимосвязи насекомых с кормовыми растениями и по акклиматизации в СССР новых видов шелкопрядов. Достойно восхищения уже то, что ученый занимался этими сугубо мирными научными проблемами в тяжких условиях войны и блокады, в дни, когда на ленинградские улицы падали бомбы, когда решался вопрос о том, быть или не быть Советской стране.

Великую Отечественную войну Александр Сергеевич Данилевский закончил капитаном медицинской службы. В 1945 году, демобилизовавшись, он возвращается в Ленинградский университет сначала доцентом на кафедру энтомологии, а с 1955 года заведует этой кафедрой.

В 1962 году А. С. Данилевский защитил докторскую диссертацию, в следующем году стал профессором. С 1966 года до самой кончины (он умер в 1969 г.) был деканом биолого-почвенного факультета ЛГУ.

Многие годы Александр Сергеевич работал еще и в Зоологическом институте АН СССР. В течение 10 лет он заведовал там отделением чешуекрылых. Творческую связь с этим научным учреждением профессор Данилевский поддерживал до конца жизни.

Монография А. С. Данилевского «Фотопериодизм и сезонное развитие насекомых», ставшая и его докторской диссертацией, получила мировое признание, была переиздана в Англии и Японии.

О научном авторитете А. С. Данилевского свидетельствуют его высокие общественные посты. Он был членом президиума Всесоюзного энтомологического общества, членом научных советов Ленинградского университета, Зоологического института АН СССР, Всесоюзного института защиты растений, членом редакционных коллегий журнала «Энтомологическое обозрение» и международного журнала «Физиология насекомых», издающегося в Англии.

Кроме ордена Красной Звезды, он был награжден также пятью медалями. А в 1954 году за научную деятельность — орденом «Знак Почета».

В мае 1972 года автор этих строк побывал на кафедре энтомологии Ленинградского университета, где продолжают работать коллеги и соратники А. С. Данилевского, его ученики.

Заведующий кафедрой В. П. Тыщенко, старший научный сотрудник лаборатории энтомологии Е. Ф. Мартынова, директор Петергофского биологического научно-исследовательского института Н. И. Горышин сохранили благодарную память о любимом профессоре, вся жизнь которого была высоким образцом служения науке, Родине. Все, что он успел сделать, и то, что продолжает делать воспитанная им плеяда ученых — его преемников, будет служить на пользу многим поколениям.

Хотя основными направлениями исследований А. С. Данилевского были систематика, экология и физиология насекомых, у него не было частных работ: в частном он всегда видел явления и закономерности, имеющие общебиологическую значимость.

В своей научной деятельности А. С. Данилевский не стремился к достижению конкретных практических результатов, которые можно было бы измерить цифрами «экономического эффекта». Он занимался общими фундаментальными проблемами биологии. Обобщив результаты многочисленных экспериментальных исследований, ученый разработал широкую теорию фотопериодизма, объясняющую роль климатических факторов (света, температуры, влажности и т. д.) в развитии и размножении насекомых. На ряде примеров он показал, как следует проводить причинный анализ сезонных циклов жизнедеятельности насекомых с учетом климатических условий каждого географического района. Такой анализ позволяет контролировать сроки развития и размножения вредителей сельского хозяйства, прогнозировать возможность массовых их размножений и заранее принимать необходимые меры.

Важные практические выводы Данилевского, относящиеся не только к физиологии насекомых, но и к физиологии всякого живого организма, имеют огромное экономическое значение. Вот что, например, писал мне по этому поводу зоотехник из зверосовхоза «Гурьевский» Калининградской области М. И. Казаков:

«Используя некоторые закономерности, следующие из работ А. С. Данилевского, мы занимаемся ускорением созревания мехового покрова голубых песцов. Руководствуясь его трудами по фотопериодизму, мы стараемся один год жизни песцов уплотнить до двух. Если в природе песец выводит потомство один раз в год, то мы сейчас стоим перед реальной возможностью получать потомство дважды. Работа эта интересная и, главное, нужная народному хозяйству».

Проникая в тайны природы, устанавливая причины и закономерности ее явлений, исследователь показывает, как следует не только рационально, с наибольшей пользой распоряжаться естественными богатствами природы, но и, опираясь на накопленный человечеством опыт, преобразовывать, совершенствовать ее.

Научные труды А. С. Данилевского, свидетельствующие о его целостном диалектико-материалистическом миро-

воззрении (хотя ученый никогда не декларировал этого), опровергают религиозные представления о мире.

У Александра Сергеевича была замечательная черта характера, имевшая огромное воспитательное значение, — он чрезвычайно уважительно относился к чужому мнению. Мнение коллег, если в нем было хоть что-нибудь дельное, обязательно учитывалось. Может быть, именно поэтому ученики А. С. Данилевского стремились не отставать от своего учителя. Профессор требовал от них самостоятельных решений, учил не оглядываться на авторитеты, оценивал каждого не по чинам и званиям, не по прошлым заслугам, а в зависимости от того, насколько обоснованно, логично, убедительно высказанное мнение. Случалось, что точка зрения студента оказывалась для Александра Сергеевича более весомой, чем противоположное суждение опытного научного работника.

В Александре Сергеевиче Данилевском, по словам сотрудников кафедры энтомологии, был тот сплав благородства и простоты, честности и высокой культуры, который делал его любимцем всех. Он с одинаковым вниманием относился и ректору университета и студенту-первокурснику, профессору и старшекласснику, влюбленному в биологию, вообще в науку. Свои научные идеи А. С. Данилевский охотно выносил как на суд ученых, товарищей по кафедре, так и на суд студентов, потому что заботился не только о сегодняшнем дне науки, но и о завтрашнем.

На лекциях он часто импровизировал — высказывал своим слушателям (на его лекции приходили не только студенты, но и учителя биологии, научные сотрудники биологических учреждений Ленинграда) массу новых мыслей и соображений. Он не применял каких-то особых ораторских приемов, но его лекции и доклады всегда отличались творческим духом, логической стройностью, глубоким содержанием.

Вот свидетельство Т. Т. Поповой, в прошлом заведующей отделом во Всесоюзном научно-исследовательском институте льна, об одной из лекций А. С. Данилевского:

«Открытые им очень сложные биолого-экологические закономерности размножения насекомых в связи с изменениями длины светового дня и в зависимости от фотопериодической реакции питающих растений Александр Сергеевич излагал с такой ясностью и убедительностью, в такой блестящей форме, граничащей с художественным произведением, богато иллюстрируя свои положения графическим и коллекционным материалом, что чувствовался не только большой талант ученого, но и выдающееся дарование педагога и пропагандиста.

Красивое лицо, светлые вьющиеся волосы, которые он неоднократно откидывал со лба, молодая, горячая, увлеченная речь и новизна сообщения создавали ощущение редкого праздника.

И когда от руководителя совещания мы узнали, что докладчик не только тезка, но и потомок великого поэта А. С. Пушкина, это ощущение еще усилилось от сознания, что он вполне достоин своего знаменитого предка...»

У Александра Сергеевича был свой эталон человека и ученого, довольно своеобразный. К любому, кто попадал в орбиту его внимания, профессор относился с искренней заинтересованностью, если видел в нем хотя бы зернышко таланта, увлеченности наукой. И всякой удаче других он радовался больше, чем собственным успехам. Но к качеству чьих бы то ни было исследовательских работ профессор был строг, халтуры не терпел ни в чем. Особенно непримиримо относился он к тем, кто пролезал в науку с черного хода.

Зато Данилевский мог без конца тратить свое время, помогая периферийным специалистам, консультируя их. Часами сидел он с человеком, если убеждался, что тот работает с полной отдачей сил.

Словом, заведующий кафедрой энтомологии обладал счастливой способностью зажигать людей своими идеями. Его племянница Лидия Владимировна Савельева, доцент Петрозаводского педагогического института, рассказывая мне об А. С. Данилевском, образно заметила, что от Александра Сергеевича «идеи отскакивали, как искры, — ходи и подбирай».

Постоянная неудовлетворенность собой заставляла А. С. Данилевского относиться с исключительной придирчивостью к каждой фразе, к каждому слову собственных статей и книг. Когда уже, казалось, нечего было исправлять и редактировать, он снова и снова возвращался к рукописи, отшлифовывая ее, а если позволяли редакционные планы, то и откладывал ее на какой-то срок. Так же строго, взыскательно относился А. С. Данилевский и иллюстрациям для своих книг и статей, которые делал в основном сам (посеянное в талантливом ученике художницей А. И. Рощиной не пропало даром!).

Заботясь об улучшении преподавания биологии в средней школе, ученый, невзирая на сверхзанятость, стал одним из авторов «Общей биологии» для 10-го класса. В учебнике перу Данилевского принадлежит раздел «Организм и среда». По этому учебнику с 1966 года учатся десятиклассники всех школ страны.

Ученые кафедры энтомологии считают одной из больших заслуг профессора А. С. Данилевского организацию в 1964 году биологического класса в специализированной школе-интернате при Ленинградском университете. Когда ученики проходили практику, Александр Сергеевич жил вместе с ними в палатках, учил и воспитывал их. Он не уставал говорить своим коллегам: «Таланты надо отбирать со школьной скамьи».

А. С. Данилевский был убежденным противником ничегонеделания и отличался, как свидетельствует вся его научная и педагогическая биография, потрясающим трудолюбием. Он не знал, что такое пассивный отдых, и признавал только смену одного вида деятельности другим. За 24 послевоенных года ученый не использовал ни одного отпуска: он или отправлялся в научную экспедицию, или сидел за письменным столом. Но в редкие часы отдыха Александр Сергеевич становился душой общества и нисколько не был похож на маститого профессора: прост и доступен для каждого.

Со студентами А. С. Данилевский держался как равный с равными, дверь его квартиры гостеприимно распахивалась перед «племенем младым». Когда Н. И. Горышин, будучи еще студентом, женился, свадьбу справляли в квартире Данилевских. Было тесно, но торжество запомнилось надолго.

Званых вечеров у Данилевского почти не бывало. Но он всегда искренне радовался, когда в день его рождения у него дома собиралась вся кафедра. Бывшие студенты и сотрудники и теперь каждый год в этот день приходят в его дом, чтобы почтить память Александра Сергеевича...

На кафедре энтомологии говорят, что дисциплину в коллективе А. С. Данилевский никогда не поддерживал окриком. Просто каждому, решительно каждому человеку неловко, стыдно было выглядеть перед ним с невыгодной стороны. Чувства страха перед профессором никто не испытывал — было уважение к нему. Если говорили, что «Александр Сергеевич хмыкнул неодобрительно», то это означало, что заведующий кафедрой чем-то очень недоволен. Обидеть же человека словом он просто не умел. Атмосферу дружбы, сплоченности, творческого сотрудничества, созданную А. С. Данилевским и сохранившуюся по сей день, на кафедре называют «инерцией порядочности».

А. С. Данилевский тонко чувствовал и любил природу. Он создал замечательную коллекцию гладиолусов, насчитывающую несколько десятков сортов. Эта коллекция и сейчас поддерживается в лаборатории энтомологии в Старом Петергофе. Вместе с женой Александр Сергеевич вывез огромное количество битого кирпича, камней и мусора со двора дома, в котором они в 1949 году, к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, получили квартиру. Они привезли несколько машин хорошей земли и за два-три года превратили заброшенный, дикий участок в благоухающий сад. Цветы и растения редких пород, для Ленинграда экзотические, доставляли из разных мест, даже с Дальнего Востока. Образцовым двором-садом приходили любоваться не только люди из соседних домов тихой Дибуновской улицы, но и многие ленинградцы. А в ноябре 1965 года исполком Ленсовета наградил А. С. Данилевского нагрудным значком «За заботу о красоте города».

Особое место в жизни Александра Сергеевича занимали дети. По воспоминаниям близко знавших его людей, он не умел сюсюкать с детьми, но много и как-то незаметно, буднично возился с ними. К нему приходили дети со всего двора, и каждого он знал до тонкости.

Александр Сергеевич Данилевский прекрасно знал и любил Пушкина, многие произведения читал наизусть. Он и сам сочинял остроумные стихотворные экспромты.

По словам праправнучки Пушкина Ирины Евгеньевны Гибшман, «А. С. Данилевский никогда не кичился своим происхождением от Пушкина, но был одним из самых достойных его потомков». Этими словами я и закончу краткий очерк удивительной жизни Александра Сергеевича Данилевского.

г. Порхов Псковской области

НАКАНУНЕ КРАХА

М. ЛИХАЧЕВ,
кандидат исторических наук

НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ православие служило верной опорой русского самодержавия, при этом государственные и церковные установления были настолько взаимосвязаны, что церковь практически превратилась в специфическое государственное учреждение, в крепостной зависимости у которого находились русские граждане [1]. Эта исторически сложившаяся взаимосвязь была зафиксирована в российском законодательстве. «...Все народы, в России пребывающие, славят бога всемогущего, благословляя царствование Российских монархов»,— гласила статья 67 Основных законов Российской империи.

Свою поддержку самодержавию церковь особенно усилила, когда трон под династией Романовых закачался. Еще в феврале 1917 года православные иерархи призывали народ приложить все силы для «охраны того строя, который веками создан, веками оправдан» [2]. Когда все же свершилась Февральская революция, православная церковь сумела не только устоять, но и, по сути, упрочить свои позиции в государственном механизме России. Ее иерархи недолго оставались в растерянности. Святейший синод весьма быстро сориентировался в новой политической ситуации и уже буквально с первых шагов Временного правительства сумел поставить церковь на службу правящему классу — буржуазии. Так, в своем послании синод объявил Февральскую революцию «свершением воли божьей» и призвал паству «оставить распри, довериться Временному правительству». Благословение божье теперь призывалось уже не на царя, а на «труды и начинания Временного правительства». Более того, синод «в связи с прекращением поминовения царствующего дома» постановил во всех случаях за богослужением возносить моление о «благоверном Временном правительстве» [3].

Буржуазное правительство со своей стороны очень охотно приняло это служение. Правда, на первых порах оно под напором революционных масс вынуждено было даже сделать вид, что жертвует некоторыми прежними привилегиями православия, в частности была декларирована частичная отмена вероисповедных ограничений, но эта уступка была явно вынужденной и формальной. «Временное правительство, — отмечала большевистская «Правда», — должно было сделать этот шаг и сделало его» [4]. Но правительство и церковь зачастую игнорировали это законодательное положение.

Так, Временное правительство в новой форме присяги на верность себе и в присяге своих членов требовало «клясться всемогущим богом» [5], то есть обязательно быть верующим. А поместный собор русской православной церкви, начавший заседания в августе 1917 года, в своих постановлениях выдвинул обязательное условие: министром-председателем, министром исповеданий и министром просвещения должны стать только православные.

Чтобы показать свою «революционность», Временное правительство уволило «на покой» наиболее одиозных высших церковных иерархов, но тут же «оправдалось» перед церковью, пополнив синод другими, не менее реакционными. При этом было решено «изменение состава членов синода производить постепенно, с осторожностью». Практически «революционное» реформаторство буржуазии в вопросах религии на этом и закончилось. Позже Временное правительство старалось всемерно оберегать церковь от требований народных масс о полном отделении церкви от государства и школы от церкви. Первый министр-председатель князь Львов издал специальный циркуляр, который запрещал предпринимать какие-либо меры в отношении церкви на местах, а министерство внутренних дел в свою очередь потребовало «принять безотлагательные меры борьбы с кощунственными выпадами в печати против веры».

За этими внешними проявлениями близости интересов церкви и правительства скрывалась, конечно же, глубокая классовая заинтересованность той и другой сторон в сохранении буржуазных порядков и религии в стране.

Особую озабоченность в этом смысле проявлял поместный собор. Это был орган церковной реакции, который активно вмешивался в политическую борьбу.

В серии специальных посланий к народу и армии он требовал «отбросить взаимную ненависть и внутренние распри», «восстановить власть военных начальников в полном объеме», рабочим повелевал «трудиться, солдатам — жертвовать жизнью» [6]. Практически это были те же кадетско-соглашательские лозунги классового примирения, продолжения империалистической бойни.

Временное правительство по достоинству оценило рвение церкви. На проведение поместного собора было отпущено два миллиона рублей, денег не пожалели — ведь речь шла об укреплении позиций церкви, а она «приносит такие ценности, которые покрывают все материальные даяния от государства». Духовенство в свою очередь за свои услуги прямо требовало от правительства «участвовать в жизни церкви ассигнованием средств на содержание церковных органов». Если учесть, что в это время аппарат церкви состоял из более чем 200 тысяч белого и черного духовенства, то можно представить себе, в какие суммы выливалось ее финансирование в стране, разоренной войной.

---

1 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 144.
2 «Церковные ведомости», 25 февраля 1917 г.
3 «Церковные ведомости», 8 апреля 1917 г.
4 «Правда», 25 марта 1917 г.
5 Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), ф. 6, оп. 2, д. 3, л. 15, 29.
6 «Церковные ведомости», № 36—39 за 1917 г.

Политическое кредо церкви в этот предоктябрьский период весьма ярко отразилось в послании святейшего синода, заявившего, что «без уважения к чужому (буржуазному.— М. Л.) праву не может укрепиться ни церковный, ни государственный порядок»[7]. Именно незыблемость «уважения к чужому праву» — то, что В. И. Ленин называл страхом перед слепой силой капитала и корнем современной религии[8], — и являлась основой взаимосвязи и взаимной поддержки церкви и государства в России в тот период.

Большевики рассматривали требование отделения церкви от государства как необходимую составную часть политической свободы, а борьбу против «корня религии» включали в общую борьбу «против **господства капитала** во всех формах» [9].

И Великая Октябрьская социалистическая революция реализовала программу партии. Советская власть прежде всего вырвала из рук церкви дело воспитания и образования детей: декрет, подписанный 11 декабря 1917 года В. И. Лениным, передал всю сеть церковного образования народному комиссариату по просвещению. А 23 января 1918 года церковь другим специальным декретом была отделена от государства, а школа от церкви. Эти меры положили конец церковному господству, осуществили требование партии, чтобы религия стала «частным делом для государства»[10], положили начало атеистическому воспитанию советского народа.

---

[7] «Новое время», 30 апреля 1917 г.
[8] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.
[9] Там же.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 147.

ЭХО „АВРОРЫ”

Д. БУКОВИЧ,
кандидат исторических наук

Октябрьскую революцию горячо поддержали трудящиеся всего мира: «Она позволила всем угнетенным, борющимся народам увидеть и свою грядущую победу»[1]. Выстрел легендарной «Авроры», ознаменовавший начало новой эры в истории человечества, могучим эхом отозвался и за Карпатами. Здесь он нашел отзвук в массовых революционных выступлениях украинцев за социальное и национальное освобождение из-под многовекового гнета габсбургской империи, за воссоединение с матерью-родиной.

В те дни на страницах выходивших там венгерских либеральных газет «Непсава» («Слово народа») и «Унгвари кёзлень» («Ужгородский вестник») появились сообщения о первых ленинских декретах и претворении в жизнь этих важнейших документов. «Помещичьи имения ликвидируют, и землю распределяют среди крестьян и солдат, — сообщала «Унгвари кёзлень» 25 ноября 1917 года.—Матросов и солдат освобождают из-под власти генералов».

Известия о революционных мероприятиях власти Советов быстро распространились среди трудящихся Австро-Венгрии, в состав которой тогда входило и Закарпатье. В знак солидарности с пролетарской революцией в России в Будапеште был организован стотысячный митинг, участники которого требовали мира и земли. Такие же митинги состоялись 24 и 25 ноября 1917 года в закарпатских городах Берегово и Свалява. Сотни рабочих скандировали лозунги «Долой войну!», «Да здравствуют Советы!». Это проявление пролетарского интернационализма свидетельствовало о великой силе ленинских идей, которые находили отклик далеко за пределами России.

Еще более мощная волна революционных выступлений прокатилась по Закарпатью в 1918 году. Во многих его населенных пунктах по примеру России создавались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Усиливалась борьба за воссоединение с Советской Украиной. Именно в этом закарпатская беднота видела единственную возможность своего социального и национального освобождения.

В эти бурные дни трудящиеся края активно выступали и против эксплуататоров в рясах — служителей униатской церкви. Сознание рабочих и крестьян становилось все более революционным. И это вполне закономерно: ведь классовая борьба в те годы тесно переплеталась с борьбой против засилья церкви. Это подтверждают многочисленные документы. Так, крестьянский сход села Новоселицы 18 января 1919 года наряду с социальными требованиями и требованиями воссоединения Закарпатья с матерью-родиной выдвинул требование об ограничении церковных повинностей: «Наши крестьяне хотят, чтобы люди не работали на попа» [2]. В своем «Протесте о народном русском требовании», составленном в январе 1919 года крестьянами другого закарпатского села — Ромочевицы, тоже было записано, что в дальнейшем оплата священнику и дьяку устанавливается по «народному совету», то есть в соответствии с его решениями.

В досоветском Закарпатье было распространено 14 вероисповеданий, но господствующее положение среди них занимало униатство, как известно навязанное трудящимся католической церковью и венгерскими феодалами еще в середине XVII века. Но тогда антиклерикальная борьба еще носила локальный и стихийный характер. С появлением рабочего класса, проникновением в Закарпатье марксистско-ленинских идей она влилась в русло классовой борьбы, стала активной и массовой.

Невиданное в истории Закарпатья анти-

---

[1] Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1977, стр. 4.
[2] «Шляхом Жовтня». Сборник документов. Ужгород, 1957, стр. 72—73.

клерикальное движение началось под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, идеи которой, помимо прессы, широко пропагандировали бывшие военнопленные, освобожденные Советской властью. «Молодые солдаты, которые вернулись из России, — писала, например, 15 декабря 1918 года клерикальная газета «Гераг католикуш семле», — особенно решительно ведут большевистскую пропаганду. Они подстрекают против духовенства... Требуют освобождения от церковных повинностей и от поставок топлива... Священники, по их мнению, пусть идут косить и копать». Нередко ненавистных попов изгоняли. «Часть вернувшихся (с фронта. — **Д. Б.**) солдат принесла с собой и свои винтовки, и снаряжение, — писал в своих воспоминаниях клерикал И. Мураний. — Положение стало опасным, в некоторых селах начали изгонять нелюбимых духовников... делить их имущество»[3].

Об антиклерикальном движении, которое развернулось в Закарпатье под влиянием Октябрьской революции, рассказывает в своих воспоминаниях колхозник М. Дукай из села Березники Свалявского района. Его старший брат Михаил был в плену четыре года и вернулся домой только после окончания первой мировой войны. «Россия так изменила Михаила, — говорит М. Дукай, — что его никто не узнал... Рассказывал о революции, о народной власти, даже о театре... Там, в России, мой брат стал атеистом и был им всю жизнь». О своем соседе М. Варге, который тоже был свидетелем октябрьских событий, М. Дукай вспоминает, что он «искал правду не в церкви, а в коммунистических газетах, смотрел на Восток как на единственную надежду — свою и своего народа»[4].

Первый заметный удар по позициям церкви в Закарпатье нанесла Венгерская Советская Республика, основанная весной 1919 года. Рядом декретов ее рабоче-крестьянского правительства духовенство лишалось своих привилегий. В частности, церковь была отделена от государства, а ее земли, по примеру Советской России, национализированы. 2 апреля 1919 года было утверждено «Положение о выборах в Венгерской Советской Республике», которое лишало монахов и священников права голоса. В то же время революционные законы обеспечивали свободу совести каждому гражданину республики.

И хотя Советская власть там просуществовала всего 40 дней, однако даже за этот короткий срок влияние церкви на массы и ее авторитет были значительно подорваны. В одной только Мукачевской епархии было упразднено 62 прихода, так как прихожане перестали посещать богослужения. Массовый отход трудящихся от церкви вынуждены были признать и сами клерикалы. «Католицизм Подкарпатской Руси вступил в самый большой кризис после заключения унии»[5], — сетовал каноник О. Ильницкий. В апреле 1919 года, например, в управление Ужанской жупы (района) поступило сообщение Великоберезнянского окружного управления, в котором отмечалось, что тамошние крестьяне отказываются платить церковные налоги. Выступая под лозунгом: «Землю тем, кто на ней работает», — они самовольно захватывали и делили между собой церковные и помещичьи земли[6].

С установлением в Закарпатье господства чехословацкой буржуазии униатская церковь, заключив с ней союз, начала восстанавливать и укреплять свои подорванные позиции, помогала ей закабалять украинцев с не меньшим рвением, чем в период австро-венгерской монархии.

Так, 19 мая 1919 года в епископскую канцелярию поступила жалоба от священника села Порошкового Августина Куштана на прихожан, которые потребовали, чтобы он в течение восьми дней убрался из села, — пастырь подал в суд на крестьян, самовольно вспахавших церковную землю. На суде крестьяне вели себя мужественно. «...То наша земля, — заявили они, — нам здесь землю не дал ни епископ, никто другой». Подобная ситуация сложилась в 1921 году и в селе Горонде Мукачевского округа. Ненавистный крестьянам священник Уйгели запретил Василию Линтелю обрабатывать выделенный ему приходским советом участок церковной земли. «Это событие, — говорится в документе, — восстановило многих людей против священника. Все село было возмущено». Крестьяне отправили к епископу делегацию, которая заявила: «Мы отлучаемся от Рима и отстаиваем свою старую православную веру и дальше не примем униатских священников». В результате «унию бросило все село»[7].

Борьба народных масс против клерикализма наполнилась новым содержанием с момента возникновения в Закарпатье Коммунистической краевой организации, которая в 1918—1919 годах входила в состав Компартии Венгрии, а позднее — в состав Коммунистической партии Чехословакии. Воплощая в жизнь ленинское учение, коммунисты подчиняли борьбу с клерикализмом и атеистическую пропаганду борьбе за социальное и национальное освобождение, которая с момента Октябрьской революции переросла в новый этап — в борьбу за воссоединение с Советской Украиной.

Эта борьба увенчалась успехом, когда в 1944 году героическая Красная Армия освободила Закарпатскую Украину, а 26 ноября того же года первый съезд ее народных комитетов, выражая волю народа, принял решение о воссоединении с Родиной.

Ныне орденоносное Закарпатье вместе со всем советским народом строит счастливое будущее всего человечества — коммунизм.

---

[3] И. Мураний. Оповідання і байки. Унгвар, 1941, стр. 37.

[4] «Закарпатська правда», 16 октября 1971 г.

[5] «Душпастир». Ужгород, 1926, стр. 373—374.

[6] Закарпатский областной государственный архив (ЗОГА), ф. 12, оп. 3, д. 33, л. 3.

[7] «Таємне стає явним». Ужгород, 1965, стр. 71; ЗОГА, ф. 13, оп. 3, д. 992, л. 3—4.

● Ф. Энгельс в «Диалектике природы» так характеризует эпоху Возрождения — этого «величайшего прогрессивного переворота из всех пережитых до того времени человечеством»: «Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве прямо сбросили ее и приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века»[1].

Несомненно, что, говоря здесь о жизнерадостном свободомыслии, Энгельс имеет в виду, прежде всего, вольнодумство средневековых философов и естествоиспытателей Ближнего и Среднего Востока, проникавшее в Западную Европу через Испанию, Сицилию и Италию и получившее здесь, в частности, яркое отражение в аверроизме — умственном течении, вдохновлявшемся идеями крупнейшего восточного мыслителя Ибн Рушда (Аверроэса). Вольнодумство в естественных науках и философии было наиболее зрелым и систематизированным выражением свободомыслия средневекового мусульманского Востока... Но свободомыслие выражается не только в материалистических взглядах на мир. Если под ним понимать всякое выступление, подтачивавшее диктатуру «ортодоксальной» теологии и тем самым подготавливавшее почву для появления нерелигиозных, а в перспективе — атеистических тенденций и элементов в мировоззрении, то свободомыслием можно назвать широкий спектр идейных веяний и учений — от утверждения права на самостоятельное и отличное от официального богословского толкование «священных» текстов до распространения взглядов, граничащих с атеизмом.

А. САГАДЕЕВ, кандидат философских наук

Жизнерадостное сво

ОТ ПРЕДТЕИЗМА К ОППОЗИЦИИ «ОРТОДОКСАЛЬНОМУ» ТЕИЗМУ

Возникновение атеистического мировоззрения никогда не было простым возвращением к предтеизму, к мировоззрению, предшествовавшему утверждению теизма (учения о боге как о личностном творце мира). «Атеизм мог быть только отрицанием теизма и, следовательно, предполагал теизм, который в свою очередь появился в сознании людей... в качестве отрицания предшествующего предтеизма»[2]. Это относится и к свободомыслию вообще, которое на средневековом мусульманском Востоке противопоставляло теизму различные теоретически разработанные учения: в форме ли отрицательной теологии, лишавшей бога каких-либо положительных качеств; деизма — сводившего до минимума причастность бога к природной и общественной жизни; или пантеизма, отождествлявшего творца с природой и познающим ее человеком.

Несмотря на удивительно быстрое утверждение ислама в Аравии и его стремительное распространение в различных частях Азии, Африки и Европы, это новое монотеистическое вероучение не могло не встретить хотя бы кратковременного сопротивления со стороны жителей Аравии, чье предтеистическое мировоззрение, при всех его отклонениях в сторону фетишизма, тотемизма, анимизма, в основном характеризовалось трезвым, вполне реалистическим взглядом как на человеческую жизнь, так и на окружающую природу. «Настоящий араб жил в пустыне и оставался в душе скептиком и материалистом; его несколько ограниченный, но ясный, твердый и проницательный ум... недоверчиво относился ко всему нематериальному; эгоистическая и самоуверенная натура араба не находила места для бога и не испытывала в последнем никакой потребности»[3]. Пророк Мухаммед, видимо, приложил немало усилий, чтобы преодолеть сопротивление наивного, но здравого в своей основе рассудка араба, откровенно проявлявшего скептицизм и недоверие к его богооткровенному учению.

О реакции аудитории, к которой обращался Мухаммед со своими проповедями, можно судить по стихам Корана: «Среди них есть такие, что прислушиваются к тебе, но мы положили на сердца их покровы, чтобы они не поняли его, а в уши их — глухоту. Хотя они и видят всякое знамение, но не верят в него. А когда они приходят к тебе препираться, то говорят те, которые не веровали: «Это — только сказки первых!»[4] Особое недоверие у этой аудитории вызывало, очевидно, учение ислама о потусторонней жизни: «И говорят они: «Это — только наша ближайшая жизнь, и мы не будем воскрешены»; «И сказали они: «Это ведь — только наша ближняя жизнь;.. губит нас только время» (сура, 6, аят 29; сура 45, аят 23). Возможно, здесь отражено скептическое восприятие аналогичных доктрин христианства и иудаизма, перенесенное на ислам. О таком отношении к этим доктринам, получившим распространение среди арабов еще в доисламский период, сообщает средневековый мусульманский ересиограф аш-Шахрастани, записавший слова одного из арабских поэтов того времени: «Жизнь, потом смерть, потом воскресение — все это россказни и небылицы»[5].

К Мухаммеду в начальный — правда, не очень продолжительный — период его проповеднической деятельности не только относились со скептицизмом и недоверием, но и применяли, говоря на языке современных социологов, неформальные отрицательные санкции — его обличали в самозванстве как одержимого джиннами поэта, морочащего людям голову. В Коране есть стихи, где Мухаммед словами Аллаха пытается отвести от себя эти обвинения: «Напоминай же! Ведь ты по милости твоего господа не прорицатель и не одержимый... Или они скажут: «Измыслил его он!» Нет, они не веруют!» (сура 52, аяты 29, 33). С точки зрения господствовавшего тогда среди арабов мировоззрения Мухаммед был вольнодумцем, а их скептическое отношение к исламу было еще не свободомыслием, а реакцией здравого рассудка на проповедь новой религии. Когда же ислам превратился в господствующую религию, а слова и поступки, приписанные традицией этому некогда гонимому пророку, стали наряду с Кораном альфой и омегой правил, регулирующих материальную и духовную жизнь мусульманской общины,— вот тогда на Ближнем и Среднем Востоке появилось свободомыслие.

В христианской Европе всякое проявление вольнодумства как отклонения от истины, установленной церковью, называли «ересью». В несколько искаженной форме этот греческий термин вошел и в арабский язык. Впервые он появляется в христианской арабской литературе Сирии, а впоследствии вливается и в обиходную речь. Но сфера его применения ограничивалась христианством, а для обозначения инакомыслия в самом мусульманском мире применялись другие термины, которые обычно также переводят словом «ересь», однако смысл их не тождествен понятию ереси в христианском значении этого слова. Их несколько.

Словом «бидаа», например, называли нововведение, которое, по мнению богословов, было чуждо мусульманской общине при жизни Мухаммеда. Пророку приписывается и осуждающее эту форму ереси высказывание: «Худшие вещи — те, что являются новшествами; всякое новшество есть нововведение, всякое нововведение — заблуждение, а всякое заблуждение ведет в ад». Крайние консерваторы и ретрограды (вроде идеологов ваххабитского движения в Аравии) истолковывали бидаа в самом широком смысле, называя так не только любое свежее веяние в интеллектуальной жизни, но и новации в быту, такие, как появление столов и т. п.

Термином «зандака» персидского (а возможно, арамейского) происхождения во времена Сасанидов обозначались

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 346.
[2] Д. Чаттопадхьяя. Индийский атеизм. Марксистский анализ. М., 1973, стр. 49.
[3] E. Brown. A Literary History of Persia, vol. I. London, 1902, p. 189—190.
[4] Коран. Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1963, сура 6, аят 25 (далее в тексте суры и аяты Корана указываются в скобках).
[5] Цит. по кн.: «Происхождение ислама». Хрестоматия. М.—Л., 1931, стр. 85.

бодомыслие Востока

неортодоксальные религиозные учения, например манихейство. Позже термин «зандака», как ярлык, навешивался на любую подозрительную доктрину, особенно если она угрожала общественным и политическим устоям. Философские теории и концепции, подозревавшиеся в атеистической или агностической (в смысле непризнания постижимости бога и его существования) направленности, а иногда даже и просто занятия логикой, также называли «зандака».

«Различие мнений в моей общине — проявление божественной милости» — этими словами, приписываемыми пророку, разрешалось в общине какое-то разнообразие суждений, однако в известных границах, преступление которых обозначалось термином «гулувв». Это слово, в частности, прилагалось к шиитской практике поклонения Али, которое переходило в обожествление его личности и потому истолковывалось как грех многобожия.

Мировоззрение людей, отрицавших бога и истинность всех религий вообще, называли «ильхад».

Это разнообразие обозначений явлений, подобные которым в христианстве назывались одним словом — «ересь», объясняется частично тем, что в исламе церкви как таковой не существует. Нет в нем и ничего аналогичного церковным соборам, решения которых, к какой бы сфере жизни христиан они ни относились, подлежат всеобщему и неукоснительному выполнению. Коран и Сунна не могли предусмотреть всех случаев возможного отклонения от боготкровенной истины; такое отклонение далеко не всегда можно было определить и с помощью вывода по аналогии — кыяса. Существовал, правда, еще один принцип принятия решения — иджма, то есть согласное мнение общины. Но, введенный еще в раннюю пору распространения ислама, этот принцип не годился для этой цели в последующие времена, когда установление согласного мнения многомиллионной общины вряд ли могло быть осуществлено даже современными методами анкетирования или референдума (не говоря о том, что часть правоведческих школ ислама ограничивала иджму мнением мединских богословов или даже только сподвижников пророка). Этим обстоятельством неоднократно пытались воспользоваться крупнейшие мыслители мусульманского Востока для юридического оправдания своих воззрений и учений, явно противоречащих догматам ислама. Но это им не помогало — в «теологизированном» обществе, каковым и была средневековая мусульманская община, последнее слово принадлежало богословам. Поэтому на мусульманском Востоке, как и на средневековом христианском Западе, вольнодумцев преследовали, сочинения «еретического» содержания уничтожали, а их авторов, бывало, и казнили (хотя следует отметить, что к подобным санкциям в мусульманском мире прибегали гораздо реже и диктовались они преимущественно политическими мотивами, хотя и прикрывались лозунгами борьбы за чистоту ислама).

Какие же формы приобретало свободомыслие на средневековом мусульманском Востоке?

Свободомыслие следует искать как внутри, так и вне ислама, а именно в тех направлениях интеллектуальной жизни мусульманской общины, которые, не порывая внешних, формальных связей с исламом (в условиях средневековья это было почти немыслимо), подтачивали устои мусульманской религиозности и — в перспективе — религиозности вообще, вытесняя господствующее мировоззрение идеями рационализма, гуманизма, пантеизма и натурализма.

В эпоху утверждения на Ближнем и Среднем Востоке феодализма, роста производительных сил, расцвета городов, ремесел, торговли так называемая мусульманская культура выдвинула плеяду замечательных ученых, мыслителей, поэтов, чьи идеи прямо или косвенно были обращены против догматов ислама.

Главными идейными направлениями, в русле которых развивалось свободомыслие, можно считать исмаилизм, суфизм, мутазилизм и перипатетическую философию, представленную крупными мыслителями — аль-Кинди, аль-Фараби, Ибн Синой, Ибн Рушдом. Свободомыслие нашло яркое выражение и в творчестве отдельных поэтов, ученых, мыслителей, прямо не связанных с указанными направлениями, таких, как аль-Маарри, Ибн-ар-Равенди, ар-Рази, аль-Бируни.

Необходимо оговориться: свободомыслием направления эти характеризовались в разной степени, не везде, не всегда и не во всех своих аспектах. Кроме того, перечисленные направления не рядоположены — они иногда перекрещиваются и переходят друг в друга.

ПОИСКИ ИСТИНЫ ПО ТУ СТОРОНУ «БОЖЕСТВЕННОГО ЗАКОНА»

Исмаилизм был одной из сект шиизма — второго (наряду с суннизмом) направления в исламе. Это течение возникло во второй половине VIII века, а его мировоззренческая система, по словам К. Маркса, «сложилась в результате воздействия на ислам **индийско-персидских учений**» [6]. Такое воздействие обнаруживается, в частности, в исмаилитском учении о переселении душ, которое, при всей своей фантастичности, сохраняло наивно-натуралистические представления древних народов о единстве живой и неживой природы. От неоплатонизма, видимо, исмаилиты восприняли учение о том, что бог порождает мировой разум, из которого проистекает мировая душа, создающая материю и оживотворяющая всю природу. Это учение исмаилиты связывали с главной своей концепцией — «скрытого имама», согласно которой мировая душа не только одухотворяет материальный мир, но и становится душой имама, переселяясь из одного пророка в другого — Адама, Ноя (Нуха), Авраама (Ибрахима), Моисея (Мусу), Иисуса (Ису), Мухаммеда и, наконец, Мухаммеда — сына седьмого имама (Исмаила). Эта концепция находилась в явном противоречии с официальной суннитской догмой ислама, гласившей, что времена пророков завершились приходом Мухаммеда — традиция приписывает ему такие слова: «После меня не будет пророка».

В исмаилитских организациях приобщение человека к высшему знанию означало проникновение его во внутренний смысл не одной какой-нибудь религии, а всех вероучений. Пророческая миссия рассматривалась как попытка передать людям сокровенное, вневременное божие Слово, которое, однако, утверждали исмаилиты, из-за догматизированного толкования искажается и утрачивается. Такой подход к священному писанию вел к замене религиозно-догматического взгляда на вещи философским мировоззрением, ориентированным на позитивное, научное знание. Средневековый мусульманский богослов Ибн Таймийя, приложивший много усилий для критики свободомыслия в исламе (и тем самым сохранивший для нас, как и другие ересиографы мусульманского средневековья, те страницы истории вольнодумства, которые иначе оказались бы безвозвратно потерянными), писал об исмаилитах из секты нусайрийя: «Дело же с ними в действительности обстояло так, что они не верили ни в одного из пророков и посланников божьих, ни в одно из священных писаний... Они основывали свои рассуждения на учениях философов-естествоиспытателей, а не богословов, подобно тому, как это делали авторы «Посланий Чистых братьев» [7].

Еще более радикальный скептицизм проявился в отношении к традиционным религиям другой исмаилитской секты — карматов. Под их антифеодальными лозунгами в конце IX и первой половине X века проходили восстания крестьян, кочевников и городской бед-

---

[6] К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V. 1938, стр. 127.

[7] Х. аль-Джарр и Х. аль-Фахури. История арабской философии, т. 1. Бейрут, 1957, стр. 228 (на араб. яз.). Тайное общество «Чистых братьев» (X в.) было тесно связано с исмаилитской идеологией. Религия, утверждали «Чистые братья», так запятнана невежеством, смешана с заблуждением, что ни омыть, ни очистить ее нельзя иначе, как с помощью гордой философской мысли, которой и питается здравый интеллект.

ноты в Сирии, Палестине, Месопотамии, Бахрейне, Йемене и Хорасане. Карматы не только отказывались исполнять какие бы то ни было религиозные предписания и обряды, но и выступали с разоблачением ислама, иудаизма и христианства как учений, построенных на преднамеренном и корыстном обмане народа. Именно в их среде, по-видимому, принадлежали авторы знаменитого в истории свободомыслия учения о «трех обманщиках».

Сочинения карматских идеологов, разумеется, до нашего времени не сохранились. Об их взглядах мы судим по трудам других средневековых авторов. Один из них — Низам аль-Мульк — в своей «Книге об управлении» приводит слова карматского вождя Абу-Тахира Сулеймана: «Трое внесли в человечество порчу — Пастырь, Лекарь и Погонщик верблюдов» (Моисей, Иисус Христос и Мухаммед). Более того, карматы рассматривали любую религию не только как обман, но и как духовное средство для материального порабощения людей.

К идеологии карматов сочувственно относились Рудаки, Насир-и Хосров, Ибн Сина. Карматское влияние мы обнаруживаем и в творчестве поэта и философа аль-Маарри, он писал: «Религия — это ложь и лицемерие; ее создала алчность, стяжательство сохранило, а власть традиции утвердила в душах... Двое живут на земле: один разумен без религии, другой религиозен при отсутствии разума»[8].

Представители другого идейного направления, в русле которого развивалось свободомыслие,— суфии жаждали видеть божественное в окружающем мире или в глубине своего истинного «я». Для них божество было предметом неизреченной любви, а в созерцательном плане — высшей красотой, не поддающейся описанию в соответствующих понятиях и образах.

Суфии заменили монотеистическую формулу ислама «нет божества, кроме Аллаха» другой — «нет сущего, кроме Аллаха» — пантеистической по своим конечным выводам. На этой общей основе и складывались их воззрения, обожествлявшие природу и человека. Разбирая поэзию суфиев, Гегель, в частности, писал: «Если, далее, в возвышенном в собственном смысле, как это тотчас обнаружится, лучшие предметы и богатейшие образы употребляются лишь в качестве украшения бога и служат возвещению великолепия и величия единого, так как они ставятся перед нашими глазами лишь для того, чтобы прославлять его как властелина над всеми тварями, то, напротив, в пантеизме имманентность божественного предметам поднимает само мирское, природное и человеческое существование на степень самостоятельного величия»[9].

Образцом самообожествления личности может служить аль-Халлядж, который заявлял: «Я есмь истина»,— подразумевая под истиной бога. За это по настоянию багдадских богословов он был предан мучительной казни. Ссылаясь на приписываемые Мухаммеду изречения, вроде «Кто познает себя, тот познает бога»; «Снабжайтесь божьими качествами»,— суфии описывали человека как наиболее совершенное и возвышенное существо или называли его «малым миром», в котором божество находит воплощение всех своих свойств и качеств.

Взгляды суфиев противостояли как схоластике богословов, так и рационализму философов. Двойственной была и их социальная роль: на одних этапах своей эволюции суфизм выражал пассивный протест угнетенных масс, а на других — использовался эксплуататорскими классами как учение, в котором люди искали прибежища от суеты постылого мира, уходя от социальной активности. Это направление, навлекшее на себя гнев «ортодоксальных» богословов в начальную пору своего развития, позже, в XI веке, было слито с официальной теологией знаменитым богословом аль-Газали. В последующие столетия суфизм вдохновлял творчество многих поэтов как мистического, так и пантеистического мироощущения.

ФИЛОСОФСКОЕ СВОБОДОМЫСЛИЕ В ЛОНЕ БОГОСЛОВИЯ

Суфии и исмаилиты широко применяли аллегорическое толкование священных текстов для приведения своих теорий в формальное соответствие с Кораном и хадисами. С той же целью к этому приему прибегали представители третьего направления в мусульманском свободомыслии — мутазилиты («обособившиеся»). Стремясь теоретически осмыслить и обосновать некоторые догмы мусульманского вероучения (к этому, по всей вероятности, их побуждали диспуты с христианскими теологами), они разрабатывали вначале проблемы божественных атрибутов, свободной воли, судьбы грешников в потустороннем мире и т. п. Однако со временем из круга их интересов ушла религиозная догматика, и они, по сути дела, ограничились чисто философскими проблемами, которые они пытались разрешить, опираясь не на религиозные, а на философские положения. К эволюции мутазилизма вполне применимы слова К. Маркса о том, что «философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере»[10].

Мутазилитов называли «поборниками единобожия и справедливости», поскольку краеугольным камнем догматической части их учения было утверждение абсолютной единосущности Аллаха и такой же — абсолютной — его справедливости. Сами по себе эти тезисы не могли быть никем оспорены, но выводы из них делались совершенно «еретические», подрывающие авторитет мусульманского вероучения. В самом деле, если в исламе признается абсолютная единосущность Аллаха, то в нем не может быть никакого множества, и потому он не может иметь положительных качеств, кои отличны от его сущности и могут существовать лишь в человеческом уме и в человеческой речи. А коль скоро Аллах лишен, в частности, атрибута речи, Коран не может быть предвечным словом божьим — он сотворен в определенное время, как обычное литературное произведение, и потому может служить предметом аллегорического толкования. Кроме того, заявляли некоторые мутазилиты, Коран не блещет подчас и стилистическими достоинствами — нечто подобное, а возможно, и более совершенное способен создать и смертный. Эти утверждения мутазилитов о земном происхождении Корана и непочтительные отзывы о литературной ценности его стихов вызывали особую ненависть богословов — ведь одно из краеугольных положений ислама, ставшее с X века официальным догматом, состоит в том, что стилистические достоинства Корана неподражаемы, и это служит очевидным доказательством истинности пророческой миссии Мухаммеда, а следовательно, всего ислама.

Другой «еретический» вывод мутазилитов состоял в том, что, если Аллах абсолютно справедлив, то нравственные нормы, предписанные человеку, должны согласоваться с человеческим разумом, ибо в противном случае они оказались бы бессмысленными. Следовательно, критерием нравственности должен быть человеческий разум, а не откровение. Из того же принципа божьей справедливости, считали мутазилиты, вытекает, что мир может быть только таким, каков он есть, то есть управляться присущими ему законами, и что человек наделен свободной волей,— иначе невозможна его ответственность за совершаемые поступки.

В атомистических теориях, развивавшихся многими мутазилитами, доказывалось, что все природные явления обусловлены свойствами, заключенными в самих материальных субстанциях; единственная функция творца состоит в том, чтобы наделить потенциальные свойства вещей еще одним атрибутом — существования. Но эта функция творца фактически определяется общим миропорядком, извечно «запрограммированным» в божьем знании. Поскольку же это знание не является атрибутом, внешним по отношению к сущности Аллаха, оно совечно его сущности, а следовательно, вечны и вещи, и их свойства. Мир творится из небытия, но это небытие есть нечто реальное, говорили мутазилиты и, таким образом, косвенно выступали против господствовавших в исламе представлений о сотворении мира.

При халифе аль-Мамуне и двух его преемниках (IX в.) мутазилизм был объявлен официальной доктриной Аббасидского халифата. Была учреждена даже своего рода инквизиция, преследовавшая тех, кто не соглашался с тезисом о сотворенности Корана во времени и другими положениями мутазилизма. Исходя из этого иногда заключают, что термин «свободомыслие» к данному направлению неприложим. Но это, несомненно, ошибочный вывод, поскольку он основан не на мировоззренческих положениях мутазилизма, а на временной особенности политической судьбы этого движения. Уже начиная с правления халифа аль-Мутаваккиля мутазилизм превратился в преследуемое течение, сами мутазилиты были объявлены «еретиками», а их сочинения изымались из обращения

[8] Ю. Кумейр. Философы арабов, т. 2. Бейрут. 1952, стр. 23 (на араб. яз.).

[9] Гегель. Соч., т. XII. М., 1938, стр. 377.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 23.

и уничтожались. «Речи этих людей, — говорили о мутазилитах ортодоксы,— сводятся к тому, что... нет бога на небе»[11].

ФИЛОСОФИЯ, НЕПРИМИРИМАЯ ПРОТИВНИЦА ТЕОЛОГИИ

В наиболее интенсивной форме работа свободной мысли проявилась в творчестве арабо-мусульманских философов — перипатетиков. Об особенности их деятельности немецкий марксист А. Колесник пишет: «От европейской средневековой философии арабская философия отличалась тем, что в области распространения мусульманской религии не сформировалась, не развилась схоластика. Философия и религия не были соединены между собой, т. е. философия не была подчинена мусульманской теологии»[12]. Для христианского философа и теолога Фомы Аквинского, например, религия воплощает высшую богооткровенную истину, а философия выступает в качестве смиренной служанки богословия, призванной толковать религию. По убеждению же философов мусульманского средневековья, высшая истина раскрывается в философии, а религия, выражающая в образно-символической, доступной форме нравственные нормы, нужна лишь для непросвещенной широкой публики. Логику, натурфилософию, метафизику и другие философские науки на средневековом мусульманском Востоке называли «рациональными», поскольку высшим критерием истины для философов служил разум, и в этом смысле их мудрость противопоставлялась «традиционным» наукам, так или иначе связанным с религией, с «истиной» откровения.

В эпоху средневековья мусульманский мир активно приобщался к философским и естественнонаучным традициям античности. Это был вполне закономерный процесс в условиях общества, в котором бурно развивались торговля и ремесла, а на их базе — математика, физика, химия, астрономия, медицина, география и другие теоретические и прикладные науки, требовавшие более адекватного отражения действительности, чего не позволяло религиозное мировоззрение. Интеллектуальные запросы общества привели к тому, что в центре внимания просвещенных кругов оказалось учение Аристотеля. Усвоение его учения в мусульманском мире имело, однако, ту особенность, что оно в значительной степени опосредовалось знакомством с произведениями позднейших комментаторов Аристотеля — неоплатоников и перипатетиков. В свою очередь арабо-мусульманские перипатетики и себя рассматривали как толкователей трудов Аристотеля (или Платона); между тем идеи их были вполне самобытны и выходили за рамки чисто аристотелевой проблематики, что определялось хотя бы различием между эпохами, в которые жили великий античный мудрец и мусульманские философы.

Восточные перипатетики создавали свои теории в период господства на всем Средиземноморье монотеистических религий, в период «теологизированных» обществ. Их эпоха ставила перед философией вопросы, которые мало заботили Аристотеля либо вовсе оставались вне круга его интересов. Аристотель, например, лишь вскользь говорит о религии вообще — в «Метафизике», в книге «О небе», «Метеорологии» и «Политике». Его не волновал вопрос о взаимоотношениях между философами, теологами и широкими массами верующих, проблемы пророчества, духовной и светской власти в государстве и множество других, имевших для средневековой философии Востока и Запада первостепенное значение. В философии Аристотеля, как и в философии доэллинистической эпохи, вообще практически не поднимался вопрос о свободе человеческой воли — там речь шла только о различии между «произвольными» и «непроизвольными», «волевыми» и «естественными» действиями людей. Между тем у философов мусульманского средневековья этот вопрос не мог не вызывать оживленных дискуссий хотя бы потому, что он непосредственно касался, например, догмата первостепенной важности — о потустороннем воздаянии.

С точки зрения борьбы против религиозного мировоззрения суть позиции восточных перипатетиков состояла в максимальном освобождении природных и общественных явлений от божественного провидения. Бог отодвигался у них на крайнюю периферию бытия в качестве безликого, абстрактного начала, имеющего весьма опосредованную связь с природными процессами и жизнедеятельностью людей, а то и вовсе не причастного к ним; либо он отождествлялся с общими закономерностями, управляющими Космосом, природой и человеческой жизнью; либо же трактовался как принцип, давший миру первый толчок, а затем устранившийся от всего, что в нем происходит. Таким путем мусульманские философы разрушали религиозно-фаталистические представления, утверждали вечность мира и его независимость от божественного произвола, подрывали веру в чудеса, доказывали незыблемость законов природы, отвергали божественное происхождение ценностей блага, нравственности и красоты.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО СВОБОДОМЫСЛИЯ

Таким образом, атеистические тенденции в духовной жизни средневекового мусульманского мира носили ярко выраженный характер, крайне смелый для той эпохи, в которой господствовала религиозная идеология. Однако подавляющее большинство даже самых свободомыслящих философов никогда не доходили в своих теориях до последовательного и безоговорочного атеизма. И дело здесь не только в том, что они допускали существование в мире некоего, хотя и совершенно абстрактного, безличностного божественного начала. Они считали, что для непросвещенной «широкой публики» необходимо сохранять веру в догматы традиционной религии. Поскольку религия является «необходимым политическим искусством», регулирующим межчеловеческие отношения, считали они, — она необходима обществу в той мере, в какой подавляющая его часть неспособна к восприятию философских знаний. Теология же должна быть поставлена вне закона как лженаука, бесполезная в познавательном отношении и вредная — в социальном, ибо она служит источником бесконечных распрей и военных конфликтов. Одна только философия, наука способна адекватно раскрыть истины теоретического и практического разума, и в идеальном государстве она призвана играть руководящую роль в лице философа-правителя, который вместе с тем должен обладать способностями к наставлению на путь истинный «широкой публики». Философия не должна противопоставлять себя открыто традиционным религиям, и ее поборники обязаны воздерживаться от разглашения своих взглядов перед не посвященными в их тайны, а если уж излагают их — то либо делать это в форме, не доступной пониманию «широкой публики», либо согласовывать рассуждения и выводы с Кораном.

Позиция философов в вопросе о соотношении философии, теологии и традиционной религии определялась их социальным статусом в «теологизированном» мусульманском мире. Эта «теологизированность» совсем не означает, что в мусульманском государстве безраздельно господствовал теократический принцип. Между богословами и правителями существовало как бы молчаливое соглашение о разделе сфер деятельности; правители обязывались признавать высший авторитет божественного закона, а богословы — освящать этим законом светскую власть. Таким образом, богословы играли роль приводного ремня между властями предержащими, с одной стороны, и вскормленными религиозной пищей массами — с другой.

Относительное устранение теологов от практической политической активности было не самоустранением, вызванным, как иногда полагают, их собственным нежеланием связываться со светскими властями, а скорее следствием их неспособности оказать правителям серьезную помощь в ведении государственных дел. Известный магрибский историк и социолог XIV века Ибн Халдун недвусмысленно высказывался против допущения теологов к государственной власти, включив в свое знаменитое «Введение» даже специальную «Главу о том, что ученые, занимающиеся кораническими науками, наименее способны из всех людей к управлению государством и решению вопросов управления». «Причина этого в том,— разъяснял Ибн Халдун,— что они привыкают к умозрительному мышлению, погружены в свои науки и оторваны от действительного мира и чувственно воспринимаемых вещей». Он противопоставлял богословам тех, кто занимается совсем иными науками, «кои самой своей сущностью требуют соответствия тому, что происходит во внешнем мире»[13]. А таковыми были светские, позитивные науки — достояние философов. Вот почему в средневековом мусульманском мире крупнейшие философы, как правило, были и политическими советниками (а нередко и лейбмедиками) правителей.

[11] См.: И. Гольдцигер. Лекции об исламе. СПб., 1912, стр. 102—103.

[12] «Deutsche Zeitschrift für Philosophie». Berlin. 1976, Jg. 24, № 8, S. 1011.

[13] «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв.». М., 1961, стр. 627.

Эта связь философов с правителями имела первостепенное значение и для собственно философской деятельности: от философов нельзя было ожидать, чтобы они открыто выражали свои взгляды, противоречившие принятым в окружающем их обществе ценностям, не только перед широкой аудиторией, но и перед просвещенным султаном или визирем, который был призван следить за сохранностью этих освященных религиозным законом ценностей.

Трагедия философов мусульманского средневековья заключалась в том, что они не могли рассчитывать на поддержку народа, который относился и их науке в лучшем случае равнодушно. Что же касается тех «средних» слоев общества, чьи интересы они объективно выражали, — ремесленников и торговцев, из которых в условиях Европы вырос молодой класс буржуазии, — то они не располагали сколько-нибудь значительной политической силой. И философам не оставалось ничего другого, как искать опоры у монархов. Но эта опора была очень зыбкой и ненадежной, а их положение в обществе было тем более уязвимо, что развиваемые ими идеи всегда могли дать повод для обвинения в любом из видов «ереси», о которых мы говорили вначале.

Философское свободомыслие и свободомыслие, имеющее целью облегчение жизни трудового народа, на средневековом мусульманском Востоке не совпадали. Дело здесь, разумеется, не в своекорыстии или злой воле философов. Такова была закономерность духовной жизни феодального общества.

Что же касается плебейских движений средневековья, то их социально-политические лозунги, как правило, облекались в форму религиозных учений. Чаще же всего восставшая беднота оказывалась в подчинении у своих вождей, которые превращались неизбежно в господствующую верхушку, претендующую на исключительное право толковать свою доктрину. Это, в частности, относится и к такому, казалось бы, тесно связанному с народными движениями учению, как карматское. «Эта религиозно-философская система, — писал о нем Е. А. Беляев, — конечно, была недоступна пониманию рядовых карматов. Да они и не интересовались богословско-схоластическими тонкостями, так как стремились к практическому освобождению от феодального гнета и эксплуатации... Высшее духовное руководство и политическая власть в карматской секте принадлежали незначительному числу верховных наставников, якобы обладавших особыми способностями, позволявшими им воспринимать и понимать истинную сущность вещей и явлений видимого мира и проникать в тайны невидимого»[14].

Антифеодальные выступления в идеологическом плане, как правило, принимали форму всевозможных «ересей», социальным содержанием которых было требование равенства; в «левых ересях» это было требование имущественного равенства, более умеренные ограничивались требованием равенства людей перед богом. То обстоятельство, что ислам был идеологией господствующих классов, обусловливало и обращение народных движений к религиозным учениям немусульманского происхождения, к таким, как манихейство или маздакизм, которые служили также знаменем движений, направленных против арабского владычества. «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»[15], — это высказывание Энгельса, относящееся к эпохе западноевропейского феодализма, приложимо и к народным движениям мусульманского средневековья. Будучи народными, демократическими по содержанию, они оставались религиозными по форме, в то время как идейные течения, ставившие целью освобождение науки от пут религиозного мировоззрения, вовсе необязательно должны были быть течениями, отражавшими чаяния и надежды народа. Но диалектика изменяла объективную функцию и содержания и формы этих движений: возникнув первоначально как выражение народного протеста, они, как правило, превращались со временем в орудие борьбы соперничающих друг с другом феодальных группировок; будучи равнодушными или даже враждебными светскому типу мышления, тем не менее как оппозиция господствующей религии они подтачивали убеждение людей в исключительности своего вероучения, сеяли в них скептицизм, толкали их на размышления и тем самым оказывали косвенную помощь недогматическому, научно-рационалистическому мировоззрению в его борьбе с противоразумными догматами теологии.

Несмотря на отмеченные слабости и историческую ограниченность, свободомыслие средневекового мусульманского мира знаменовало собою важную веху в истории атеизма. Философские идеи передовых ученых Ближнего и Среднего Востока, учения о превосходстве знания над верой, проникая в Западную Европу, помогали здесь прогрессивным деятелям бороться против религиозного обскурантизма, за торжество жизнерадостного, светского начала в мировоззрении людей.

Но значение духовного наследия, оставленного вольнодумцами мусульманского средневековья, этим не исчерпывается. Оно злободневно и в наши дни. Актуальность его определяется той большой ролью, которую играют вообще традиции духовной культуры в быстро модернизирующихся странах Азии и Африки, чье население исповедует ислам. Та часть интеллигенции в этих странах, которая желает как можно скорее освободить своих соотечественников от пут средневековых традиций, в частности от засилья религии, вдохновляется этим наследием в противоборстве ретроградным устремлениям консервативного духовенства, еще сохраняющего достаточно сильную власть над умами людей. Очевидно, что это наследие помогает в борьбе против идеологии, выработанной вчерашними колонизаторами и используемой их духовными наследниками в наши дни, — идеологии, утверждающей, что народы мусульманского Востока были и остаются до мозга костей религиозными нациями и в качестве таковых обречены и впредь плестись в хвосте научно-технической цивилизации Запада. Не может не интересовать оно и всех наших соотечественников, заботящихся об изучении и воссоздании славных страниц истории культурного развития нашей многонациональной страны: ведь таджики, узбеки, азербайджанцы и другие народы Советского Востока с полным основанием считают себя законными преемниками традиций передовой мысли мусульманского средневековья.

[14] Е. А. Беляев. Мусульманское сектантство. М., 1957, стр. 58—59.
[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр 314.

У кавказских мусульман сохранился обычай увозить невест, который состоит ныне в том, что молодежь того квартала, города или деревни, откуда берут невесту, собирается у ворот невестина дома и не отпускает невесту до тех пор, пока жених или кто-нибудь из близких родных жениха не заплатит сумму, которую потребует молодежь, или же молодежь со стороны жениха должна силой отбить невесту.

10 декабря прошлого года вечером в г. Баку была такая свадьба, но на этот раз кончившаяся очень трагично.

На этой свадьбе молодежь со стороны невесты была побита и невеста была отнята силой. 10 декабря жених был с побитой стороны, поэтому побитая молодежь в свою очередь хотела воспользоваться случаем и, побив противников, отнять невесту силой. Между тем власти города, видя, что масса не успокаивается никакими увещаниями, придала этому более серьезный характер, чем простой драке по поводу свадьбы, и послали за ротою солдат. И ночью в совершенно мирном городе, с совершенно мирными жителями начинается пальба в кого попало. Раздраженная толпа сначала из чувства самосохранения отвечает на ружейный залп массой каменьев. Но видя, что шутка разыгралась в слишком серьезную вещь, обращается в бегство, уводя с собою и пряча своих раненых товарищей. Власти приказывают солдатам влезть на крыши домов (здесь все дома с плоскими крышами) и оттуда поражать бегущих. Жертвами этой пальбы оказались 12 человек убитых и около 10 раненых...

«Северный вестник»

РУБАИ ИБН СИНЫ

Эпоха средневекового восточного ренессанса обогатила мировую культуру великими поэтами, учеными, мыслителями, но и среди этого созвездия умов ярко выделялся прославленный Абу Али Ибн Сина (980—1037 гг.). Как истинный гений, он проявил величие своего таланта во всех современных ему областях знаний. Он оставил великолепные труды по философии и медицине, социологии и этике, теории музыки и поэзии. Философ, он снискал у современников и потомков славу, не уступающую славе Аристотеля, автор «Канона медицины», он стал непререкаемым авторитетом на многие столетия для Востока и Запада.

Философ, проникающий в тайны человеческого организма, врач, познающий закономерности окружающего мира, он был для фанатиков религии чудовищным еретиком. Его проклинает восточный мистик аль-Газали за то, что ученый стремился познать мир, что верил в силу человеческого разума. Проклинают его и поборники христианства.

Но что значили подобные проклятия для образованного Востока и ищущего Запада? Ибн Сина для них — истинный властитель дум. Свет его мысли виден в поэзии Фирдоуси и Низами, Хайяма и Саади, Хафиза и Джами. Его труды с восхищением изучали Леонардо да Винчи и Везалий, его имя упоминает Данте.

Как истинный сын Востока, Ибн Сина часто облекал свои мысли о сущности мира в поэтическую форму. Его поэма «Урджуза» — это «Канон», изложенный стихами. Сам он написал о ней: «Служу людям этой поэмой, которая охватывает все части медицинской науки. Я разделил эту поэму должным образом. Я одел ее в совершенное одеяние и радовался ей, облаченной в мантию красоты. Она составлена в простом изложении, понятными стихами, так, чтобы было нетрудно ее читать».

Переведенная на латынь, французский, немецкий, английский, румынский языки «Урджуза» в течение шести столетий была главным учебником для студентов-медиков на Востоке и на Западе. Сегодня она — ценный исторический и литературный памятник.

Ибн Сина писал также газели, касыды и рубаи. Немногое из его поэтического творчества дошло до нас. Но и то, чем располагаем мы сегодня, говорит о великолепном поэте. Поэзия Ибн Сины мало известна широкому читателю. Несколько его рубаи, переведенных на русский язык доктором философских наук, знатоком наследия Ибн Сины Шукюфой МИРЗОЕВОЙ, мы предлагаем вниманию наших читателей.

Ибн Сина. Монумент работы Фуада Абдурахманова в Бухаре.

Казалось, нет тайн для меня во Вселенной,
Казалось, загадок нет в жизни земной.
Но знаний представлю себя властелином —
И вижу — нет, мир не открыт еще мной.

Кольцо Сатурна блещет на запястье у меня,
Науки все мирские давно осилил я.
Вселенная раскрыла все тайны для меня,
Но тайну смерти прячет ревнивая земля.

Как тяжко мудрецу среди невежд, ослов,
Он должен стать могилой сокровищницы слов.
А если в этом мраке сверкнет вдруг луч ума,
Забьют его копытами под дикий рев ослов.

Бродяга пьет вино — он царство обретает,
Властителя вино в блаженство погружает.
Для мудреца же в нем — и сила и услада.
Но всех иных вино — к бесчестию толкает.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ШАМАН

Русское «шаман» и «шаманить» — заимствование из эвенкского «шамен» — «буддистский монах». Первоисточник — древнеиндийские «шеман», «крамана» — «аскет-буддист».

ШАРИАТ

Слово «шариат» — свод мусульманских законов — происходит от арабского «шария» — «ясный путь» (по которому надлежит следовать верующим).

ШЕЙХ

Так у мусульман называются духовные руководители. На европейских языках — «шайк» — ближе к арабскому «шайих» — «старик». Первоначально так называли уважаемых пожилых людей.

ШТУНДИСТЫ

Просторечное (впрочем, часто употреблявшееся и в православной печати) название различных сектантских течений. Слово восходит в немецкому «штунде» — «час» (часы молитв), от глагола «штэен» — «стоять», то есть «остановка в беге времени» или «отрезок времени». В «штунде» тот же корень, что и в русских «стоять», «стать», «стол», «стул».

ЭДЕМ

По библейской легенде «эдем» или «эден» — место пребывания Адама и Евы до их грехопадения. Слово древнееврейское — «сад», «рай», «красивое, приятное место». В родстве арабское «аден» («эйден»). Отсюда название страны на юге Аравийского полуострова — Аден.

ЭКЗАРХ

В Древней Греции так назывался глава жрецов при храме, а сейчас в христианстве — высший церковный сановник, управляющий церковным округом — экзархатом. Древнегреческое «экзарх» переводится «из первых» — «экз» — «из», а «архе» — «главенство», «начало», сравните «архонт» — высшее должностное лицо в Афинах.

ЭКЗЕГЕТИКА

Толкование текста Библии. Древнегреческое «экзегезис» — «объяснение», «интерпретация». Восходит, вероятно, к глаголу «эгейро» — «пробуждать», «стимулировать», «воскрешать» (первоначальную мысль в толкуемом тексте).

ШКОЛЫ ГДЕ НЕ СТАВЯТ ОЦЕНОК

В. БРИКАЧ

Немало внимания в комплексе идеологической работы партийной организации Гродненской области уделяется атеистическому воспитанию. Это объясняется рядом обстоятельств, главное из которых — прошлое нашего края, а точнее говоря, наследие, проявляющееся, в частности, в том, что и сегодня еще часть населения верит в бога. Причем священнослужители у нас, как правило, пользуются среди верующих авторитетом не только в вопросах веры, но и нравственности, семейных отношений и т. п.

Партийные организации области приложили немало усилий для того, чтобы как можно полнее реализовать ленинское указание: «Борьбу с религией поставить научнее». У нас создано 254 общественных совета по атеизму, действуют более 830 организаторов атеистического воспитания, с лекциями по нравственно-атеистической тематике часто выступают многие лекторы областной организации общества «Знание». Повсеместно возрастает значение научного, комплексного подхода, планового начала в руководстве атеистическим воспитанием. Разумеется, параллельно идет дальнейшее совершенствование содержания, форм и средств этой работы. Мы стремимся к тому, чтобы и трудовое, и нравственное, и интернациональное, и эстетическое воспитание несли в себе также большой атеистический заряд.

Уже сейчас мы можем говорить о том, что в области сложилась определенная система атеистического воспитания населения. Здесь лекции и беседы, тематические вечера, массово-политическая работа в трудовых коллективах и по месту жительства. Оправдали себя такие формы работы, как вечера вопросов и ответов, циклы лекций по различным мировоззренческим проблемам, атеистические факультеты народных университетов и т. д. Но особую популярность завоевали, безусловно, школы начальных знаний о природе, обществе и человеке.

Сначала такие школы создавались в небольших населенных пунктах, удаленных от центров колхозов и совхозов, и были главным образом рассчитаны на пожилых людей, в основном верующих. Не все тогда шло гладко. Попытки ориентировать школы на одних верующих сразу не оправдали себя — пропагандисту было трудно устанавливать контакты с такой аудиторией. Чувствовалась настороженность, скованность. Постепенно в школы начали приходить и неверующие. Занятия стали проходить более живо и интересно. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что программа школ не ограничивалась чисто атеистической тематикой, но охватывала многие вопросы из различных областей знания — астрономии, физики, биологии, медицины, истории, обществоведения. Большое внимание уделялось знакомству слушателей с некоторыми проблемами индивидуальной и общественной психологии, нравственности, пониманию смысла жизни, счастья и назначения человека, соотношения общественного и личного.

Сегодня программа школ включает еще более разнообразный материал, относящийся как к естественнонаучной картине мира и ее философскому осмыслению, так и к проблемам морально-этического характера. Сообщение позитивных сведений сопровождается объективной критикой соответствующих религиозных идей и представлений. Таким образом, получаемый на протяжении двух лет систематизированный материал естественных и общественных наук должен пробудить у верующих сомнения в библейских утверждениях, заставить критически относиться к вероучению.

В области работают 202 такие школы, в которых занимаются почти пять тысяч человек. Особенно большое признание получили эти школы на селе. Их охотно посещают люди пожилого и среднего возраста, имеющие слабую общеобразовательную подготовку и не занимающиеся в системе политической и экономической учебы. Слушателей привлекает возможность в доступной форме познакомиться с законами развития природы и общественной жизни, вопросами морали и нравственности.

Многие слушатели, особенно люди пожилые, с большим интересом относятся к воспроизведению в лабораторных условиях ряда явлений природы. Даже обычный микроскоп открывает многим целый новый мир. Они задают множество вопросов, с вниманием рассматривают альбомы «Происхождение жизни на Земле», «Происхождение человека», «Происхождение религии» и другие. Возможно, такой подход для молодых слушателей и не совсем оправдан, но для людей старшего возраста он вполне приемлем. Всегда хороший результат дают и беседы, построенные на фактах, которые на первый взгляд кажутся «необъяснимыми», а на самом деле имеют строго научное обоснование. Особенно если такие занятия сопровождаются демонстрацией учебных и научно-популярных кинофильмов. Это подтверждает, в частности, опыт работы школ в колхозах «Вперед» и имени В. И. Ленина — Волковысского, «Молодая гвардия» — Зельвенского, «Прогресс», «Искра» и совхоза «Сопоцкинский» — Гродненского районов и многих других.

В городе Лиде, например, есть 10 школ начальных знаний. Слушатели их часто посещают местный планетарий, где постоянно действующий лекторий предлагает циклы лекций: «Основы научного атеизма», «Человек и природа», «Научно-технический прогресс». В Гродненском районе таких школ — 18; их посещают более 400 человек, в основном колхозники и рабочие совхозов. Большим успехом здесь пользуются выступления учащихся старших классов — членов клуба «Юный атеист». Слушатели — частые гости во дворцах культуры. И как результат — многие верующие перестали ходить в церковь, активно участвуют в общественной жизни своих коллективов.

Об эффективности работы школ начальных знаний свидетельствуют и другие факты. Бывшие верующие — семья Шафаревич из колхоза «Гигант» Лидского района, М. Т. Теслюк из колхоза «Вперед» Слонимского района, К. А Чудовский из колхоза имени Кирова Ошмянского района, А. И. Раповец и Н. И. Бенько из колхоза «Родина», Е. И. Пикта вместе с тремя взрослыми детьми, колхозница колхоза имени Кирова, В. И. Тур из колхоза «Большевик» Новогрудского района и другие, занимавшиеся в школах начальных знаний, отошли от религии.

Как известно, атеизм призван не только преодолевать религиозную веру, но и воспитывать людей в духе научного мировоззрения, коммунистической морали. Причем упор делается именно на позитивной стороне. Безусловно, для того чтобы созидательная сторона атеистического воспитания проявилась в полной мере, требуется учет специфики отдельных профессий, индивидуальных особенностей слушателей и т. п.

Одним из критериев эффективности той или иной формы атеистического воспитания является, в частности, и степень ее воздействия на верующих. До сих пор в этом смысле мы знали лишь такое средство, как индивидуальная работа. Теперь можно уверенно утверждать: с возникновением школ начальных знаний практика атеистического воспитания приобрела новую, весьма эффективную форму непосредственного воздействия на религиозного человека.

При анкетном опросе слушателей школы начальных знаний, организованной на Лидской обувной фабрике, почти все 30 человек (среди них 19 считают себя верующими) положительно отозвались о своей школе, содержании ее занятий. При этом девять человек из тех, кто относил себя к верующим, отметили, что учеба, беседы пропагандистов заставили их пересмотреть роль религии в их жизни, пробудили интерес к книге, кино, общественным делам. И еще одна характерная деталь: подавляющее большинство слушателей ответили, что полученными в школе знаниями они делятся с товарищами по работе, родственниками.

Процесс духовного освобождения человека далеко не прост, а сложен и длителен. Это — осмысление и сопоставление услышанного на молитвенном собрании, прочитанного в религиозной литературе с тем, что приобретено на занятиях в школе. И если в конце учебы у верующих появляются сомнения в истинности тех или иных положений религии, элементы критического отношения к своим взглядам, положительное отношение к научному знанию, если они начинают рассуждать, задумываться, то, следовательно, школы начальных знаний о природе, обществе и человеке успешно решают возложенные на них задачи.

г. Гродно Белорусской ССР

Анатолий Иванович Харя со своими учениками.

КОГДА ПОЮТ ПТИЦЫ

В. ЕВСЕЕВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Знакомясь с атеистической телевизионной программой «Спрэ лумине» в Кишиневе, я обратил внимание на один небольшой сюжет, в котором рассказывалось о музее природы, расположенном в здании бывшей церкви молдавского села со странным названием Буда. Относительно этого названия я слышал много различных версий, в том числе самых неожиданных. Согласно одной из них, жил будто бы некогда на этой земле монах-буддист. Но какими путями забрел он сюда и что здесь искал, выяснить так и не удалось. Каларашский район, где расположено это село, находится в самом центре республики и известен кодрами — массивами леса.

Добраться до села оказалось не просто. Дорога то забрасывала машину на поросшие богатой растительностью холмы, то резко опускала к их подножию на живописные поля. Наконец, когда мы в очередной раз взобрались наверх, передо мной раскинулась Буда.

В тот же день я пошел в местный музей, расположившийся в бывшей церкви. Приход здесь был не из богатых, с каждым годом редела паства. Последний священник уехал из села в 1950 году, и с того времени здание пустовало почти два десятка лет — до тех пор, пока в конце 60-х годов Анатолий Иванович Харя, учитель биологии местной восьмилетней школы, не организовал здесь музей природы.

Идея зародилась у Анатолия Ивановича давно. Он вырос в этом селе, свой край знает прекрасно и любит природу с малых лет. Анатолий Иванович поступил на биологический факультет Тираспольского педагогического института и, окончив его, стал учителем.

— Ведь как нередко бывает,— говорит он,— проходят люди ежедневно мимо растущих около их дома дерева или кустарников и даже не знают, как они называются. Или, скажем, любуются грациозной позой какого-нибудь зверька, слушают пение птиц и теряются в догадках: кто это? Но знание того, что растет и водится в твоем лесу, — лишь первая ступень в познании природы. Затем следует понимание ее. И тогда человек входит в нее не как потребитель, а прежде всего думает о приумножении ее богатств.

Разумеется, отведенных учебной программой часов для учителя-энтузиаста оказалось мало. И вот по его инициативе ребята решили создать в селе музей, экспонаты которого подробно рассказывали бы о растительном и животном мире их края.

Таких самодеятельных музеев у нас в стране много. И в любом областном, а то и районном центре можно найти в них разделы, в которых представлены растительный и животный мир края. Правда, при всей своей познавательности подобные разделы кажутся подчас какими-то мертвыми, формальными. В музее, который создан в Буде, те же чучела птиц и зверей. Но вот вы входите в помещение, а кажется, будто попали в лес. Вы видите, как ловит зазевавшуюся пташку куница, наблюдаете, как строит себе гнездо сорока. Тут же укоризненно смотрит на свою безответственную мать кукушонок... Иными словами, экспозиция составлена как бы «от ситуации». И при этом тут широко использованы сюжеты из молдавских народных сказок.

Все это — и деревья, и чучела птиц, зверей — делали вместе со своим учителем сами ребята. Полторы тысячи экспонатов! Какой любовью к своему делу нужно обладать, чтобы выполнить столь кропотливую работу. И какие нужно найти слова, чтобы приохотить к ней ребятишек. Ведь даже самые отчаянные непоседы, сорвиголовы, для которых посидеть спокойно и десять минут — трагедия, трудились здесь часами.

Популярность пришла к музею сразу. Со дня открытия в нем побывало уже свыше 50 тысяч человек. Стоит ли говорить, что его не один раз посетил каждый житель села. Шли даже те, кто в свое время скептически относились к этой идее. О музее стало известно далеко за пределами республики. Сюда приезжают из Архангельска и Закавказья, из Сибири и Прибалтики. Знакомились с музеем делегации из Румынии и ГДР.

Вот некоторые записи из книги посетителей: «...Благодарна за увиденное! Уверена в дальнейшем процветании этого музея». «Не перестаю удивляться энтузиазму этого дела. Впечатление незабываемое! Желаю больших удач Анатолию Ивановичу в его благородной работе». «Мне доставило большую радость увидеть музей природы в селе Буда. Здесь я многому научился. Желаю всем ребятам и их учителю больших успехов».

На мой взгляд, и коллективу школы, и местным органам власти удалось решить сложную и важную проблему. Здание церкви продолжает существовать как творение рук человека: сейчас специалисты определяют ценность этого памятника архитектуры. Здесь вновь звучит пение, но не церковного хора, а пение птиц. Оно записано ребятами на магнитную пленку в лесу и сопровождает каждую экскурсию.

Наконец,— здесь вновь идет разговор о доброте, но не о той, какую проповедовали священнослужители. Мы ведь строим общество, в котором будут жить люди не только сильные и уверенные, но и гуманные, чья доброта не абстрактна, а проявляется в конкретных делах. Вспомним, например, о том, как наши люди всегда готовы отдать своему товарищу кровь, если надо спасти ему жизнь, или о том, как старый рабочий помогает молодому постичь тайны профессии. Это доброта особая, рожденная социализмом, самим образом жизни советского человека. Воспитывается она в людях сызмальства, дома и в школе, в том числе и через приобщение к миру природы. Замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский писал в одной из своих статей: «Если ребенок вырастил розу для того, чтобы любоваться ее красотой, если единственным вознаграждением за труд стало наслаждение красотой и творение этой красоты для счастья и радости другого человека,— он не способен на зло, подлость, цинизм, бессердечность». Любовь к родной природе — одна из составляющих любви к Родине.

И когда видишь, с какой любовью, как увлекательно и интересно ребята из небольшого молдавского села рассказывают во время экскурсий о крае, в котором они живут, о своем музее, можно не сомневаться, что семена доброты, посеянные учителем в их душах, обязательно дадут добрые всходы.

Один из сюжетов молдавской сказки о пропавшем козленке. Фото автора.

В НАШЕМ КЛУБЕ

Одним из культурных центров, которые ведут работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, являются клубы, дома культуры и библиотеки. Интересную работу в этом плане ведет, например, Себе-Усадский сельский клуб. Вот уже более 30 лет руководит им Виктор Иванович Иванов. Постоянное общение с людьми, знание их интересов позволили ему стать настоящим духовным наставником сельчан.

При клубе организованы методические советы и атеистическая секция, выделены политинформаторы, постоянно работает агитбригада. В клубе проводятся лекции и беседы. Механизаторы, полеводы и животноводы колхоза принимают активное участие в работе драматического кружка. Самодеятельные артисты поставили за последнее время и атеистические спектакли — по произведениям С. Чавайна «Огненные деньги», М. Рыбакова «У чертова оврага», Н. Арбана «В стороне от жизни» и другие.

Сегодня Себе-Усадский сельский клуб стал подлинным организатором самодеятельного творчества колхозников, учащихся и интеллигенции на селе. Колхозные артисты выступают не только в своем колхозе, но и в окрестных селах, поселках района. Десятки раз они выступали с концертами в районном Доме культуры. Работа активистов не остается незамеченной. Они всегда удостаивались почетного права выступать на республиканских заключительных смотрах художественной самодеятельности, которые проходят в Йошкар-Оле, причем каждый раз получали высокую оценку жюри смотра.

Надо сказать, что Себе-Усадский сельский клуб не одинок. В 25 километрах от райцентра расположено одно из передовых хозяйств района — сельхозартель имени В. И. Ленина. В центре села Шиньша красуется сельский Дом культуры, которым уже давно заведует И. П. Тарасов, а художественным руководителем работает выпускница Йошкаролинского культпросветучилища А. В. Кузьмина.

Шиньшинский Дом культуры особое внимание уделяет пропаганде новых обрядов. Его сотрудники организуют торжественные проводы в ряды Советской Армии. Комсомольцы вручают призывникам подарки. Уезжая на службу, каждый будущий воин высаживает деревце у памятника, который воздвигнут в честь погибших воинов в годы Великой Отечественной войны. Начало этой традиции положил летом 1971 года комсомолец В. Филиппов, который посадил куст сирени у обелиска. А сейчас каждую весну здесь цветет сиреневый сад.

В. ГОЛУБКИН,
директор Октябрьской средней школы
Моркинский район
Марийской АССР

Как студенты

Когда кипел этот чудесный праздник, и водились хороводы, и шли штурмом на снежную крепость, никто уже и не вспоминал, как, собственно, возникла мысль провести его. А ведь всему этому радостному действу предшествовало стремление возродить добрую народную традицию. Инициатива тут принадлежала студентам Московского инженерно-физического института, занимающимся в школе современного бального танца,— это популярный хореографический коллектив из 120 участников. Хотелось, чтобы праздничное веселое гулянье вобрало в себя все лучшее, что было в старинном народном обычае: игры, забавы, песни, умение создать такую обстановку, когда все зрители одновременно становятся и участниками праздника.

Мы стали активно искать всевозможные описания — как в старину провожали зиму. Внимательно прочитали книгу Н. Румянцева «Православные праздники», другие книги, которые помогли нам основательно разобраться в основе праздничного обряда. Мы узнали, что в празднике проводов зимы отчетливо отразились пережитки дохристианских обрядов и представлений. Жестокие гонения православной церкви на «язычников» не могли уничтожить в памяти народа обычаи радостно встречать весеннее пробуждение природы, возвращение солнца и тепла. Наши студенты приносили русские народные песни, которые пели «на масляну», записи рассказов пожилых людей о том, как проходил этот праздник, художественные произведения, в которых он упоминался, репродукции картин, на которых он изображался.

Постепенно рождался сценарий, готовились костюмы, узорчатые платки, цветастые накидки, полушубки нараспашку... И вот в середине марта, когда студенты после каникул пришли в институт, они увидели во дворе фигуру Снеговика. На его снежной груди висел краткий призыв: «В Звенигород!»

Мы не случайно для проведения праздника выбрали этот подмосковный город на берегу Москвы-реки. В нем сохранились замечательные памятники древней русской архитектуры. Остатки древнего кремля — с белокаменными Успенским и Рождественским соборами, крепостными стенами и башнями. Все это стало ес-

зиму провожали

Н. КОШЕВЕРОВА, преподаватель школы современного бального танца Московского инженерно-физического института

тественной и красочной декорацией, на фоне которой разворачивался праздник.

Так под стенами древней русской крепости собрались студенты Московского инженерно-физического института провожать зиму.

В широкий круг ряженых «влетает» вестник весны — маленький «куличок». Это ему предстоит отомкнуть Весну-красну. Веселая пестрая толпа спускается с горы в долину. Парни несут чучело Масленицы, а девушки — изображение Ярилы. С гор катаются на санях. Водят веселые хороводы. Состязаются борцы. И конечно же, пекутся блины — их разносят в расписных лотках. Блинов хватило на всех.

И вот запели «Прощай, прощай, прощай, Масленица!». Ярким пламенем вспыхнуло чучело. Веселый хоровод заводит вокруг костра свой последний узор.

Пять часов продолжались проводы зимы. К празднику студентов присоединились местные жители. Домой ехали оживленные, с песнями. И долго еще потом шли в студенческом общежитии разговоры о празднике, удивительном обаянии народной традиции, о том, как важно беречь то лучшее, что получено нами в наследство от предков.

ЧТО ВОЛНУЕТ НАШИХ

НАМ, сотрудникам редакции журнала «Наука и религия», приходится порой слышать такой иронический вопрос: «А на кого, собственно, вы рассчитаны? Верующего вы все равно не убедите в том, что бога нет,— верующий ваш журнал и в руки не возьмет. А неверующий не нуждается в доказательствах отсутствия всевышней силы. Неверующий — без вас безбожник. Кто же вас читает?» Рассуждающий так думает, что привел весьма веский аргумент. На деле же сама такая постановка вопроса оказывается надуманной, несостоятельной. Журнал давно нашел своих читателей — и верующих и неверующих. И те и другие читают журнал и пишут нам письма — делятся своим мнением о прочитанном. Редакционная почта лишний раз доказывает безосновательность скептического вопроса: кому нужен журнал и кто его читает?

Письма от верующих людей занимают в нашей почте немалую часть. Каждый день мы имеем возможность познакомиться с цитатами из Библии, переписанными на тетрадный лист с особым тщанием. Такие «веские» цитаты, по мнению многих наших корреспондентов, должны убедить атеистов в их неправоте — бог, мол, есть, и эта мысль, подтверждаемая цитатами из священного писания, служит основой всякого письма от верующего нашего читателя. Именно читателя, потому что в подобных письмах есть, как правило, и отклики на то или иное выступление журнала.

«Выписываю ваш журнал с первого года его издания, — сообщает нам Б. В. Савинов из города Владимира. — И вот, получив шестой номер за 1977 год, решил написать вам возражение по поводу заметки «Прорубь» В. Степанова, пенсионера из Пензы. Когда он был мальчиком, его мать рассказала ему страшную историю о том, как чуть было не утонула в проруби...»

Далее наш верующий читатель говорит, что, вместо этой, по его мнению, сказки, мать должна была бы поведать сыну об Иисусе Христе как о милосердном самаритянине, и приводит евангельскую легенду, заключая ее словами, что страдания Христа дают «пример и повеление, как поступать в жизни».

Комментировать этот вывод или саму легенду мы здесь не станем, задача нашей статьи иная. Но выдержки из подобных писем мы могли бы приводить и еще. Многие из них весьма похожи друг на друга своей религиозной назидательностью. Человек, дескать,— лишь послушное орудие в руках божьих. Заметим, что такое убеждение нередко особо импонирует тем людям, кому легче жить, ощущая себя под властью какого-то сверхсильного верховного владыки, чем самому быть хозяином своей судьбы. По этому поводу можем привести письмо К. Ильина, нашего юного читателя. Имени своего он нам не назвал, зато очень образно и логично изложил основы своего мировоззрения, твердо усвоенного в школе:

«Здравствуйте, дорогая редакция! Я учусь в 3-м классе, мне 10 лет. Я живу в деревне Печёнкино, в ста километрах от Уфы. Моя бабка — чистый католик, так она верит в бога. Она и мне все внушает, что на свете есть бог и дьявол и нечистые силы. Но я ей не верю...»

И далее следуют стихи, где мало рифмованных окончаний и много эмоций. Простим же юному убежденному атеисту невежливое отношение к родной бабушке, оценим его чистосердечие. Ученик 3-го класса хорошо воспринял рассказы своего педагога. Классическая русская литература даже той своей долей, которая доступна третьекласснику, развила воображение ребенка, обогатила его ум и душу. К сожалению, не каждая школа может гордиться подобными убеждениями своих учеников. Читаешь иное письмо и диву даешься. А где же учителя, классные руководители? Разве они не слышат этих же вопросов от своих питомцев?

Ученица 8-го класса Лена Б. из Новосибирска пишет:

«Я даже не знала, что существует ваш журнал. Вот попался он мне, прочла — и возникло много всяких вопросов. Первый: правду ли говорят карты? Я научилась гадать от нечего делать, ради интереса, но выпало, например, на картах письмо, и оно пришло. Второй: правильно ли предсказывают цыганки судьбу по руке!»

Восьмиклассница Лена, ожидая ответа на страницах журнала, не назвала своей фамилии, понимая, что призналась в суеверии, а быть суеверной — значит быть темной, необразованной. Этого девочка и стыдится. Но взрослые люди, бывшие верующие, порвавшие с религией, откровенно рассказывают о своих заблуждениях.

В. Ф. Залевский из Баку так озаглавил свое письмо: «Свидетель против Иеговы» — и подробно повествует о злоключениях, постигших его и приведших в общину «свидетелей Иеговы». Успокоения душевного и радости он там не нашел. Какие же могут быть радость и покой, если из года в год, изо дня в день приходится ждать конца света — армагеддона? Тридцать лет без малого Залевский верил всему, что вещали его проповедники, что сообщала иеговистская литература, выпускаемая за границей и контрабандным путем доставляемая в нашу страну. Он жил в замкнутом, тесном мире своих единоверцев, посещал моления, которые довели его до психического расстройства. Но вот попалась ему как-то атеистическая книга, разоблачающая сущность этого религиозного течения, и человек задумался, ему пришли в голову свои собственные, а не проповеднические доводы и сопоставления. Раздумья привели к полному отрицанию религии:

«Сейчас мне 49 лет, я инвалид второй группы. Однако я рад, что освободился от иллюзий, так долго мешавших мне видеть радость настоящей жизни. Лучше поздно, чем никогда. День ото дня чувствую себя бодрее. Жизнь — вот самое настоящее чудо!»

Такие письма, где наш читатель пишет с волнением о том, что творится в его собственной душе — о сомнениях, исканиях, открытиях,— мы получаем часто. Человек пишет иной раз не потому, что ждет ответа на волнующий его вопрос, а просто чувствует необходимость поделиться своими мыслями.

Мировоззрение складывается из многих ощущений, понятий, заключений, к которым нужно прийти самостоятельно, самому понять их и осмыслить. Но

КОРРЕСПОНДЕНТОВ

на этот процесс влияет и окружающая обстановка, и все то, что хотя бы как-то задевает, затрагивает душу. А если эти явления расходятся с принципами морали, которым мы привыкли следовать, то такие расхождения часто воспринимаются даже болезненно. Тем более, если понимаешь, как вредно они отзовутся в неокрепшей душе. И тогда приходит письмо, продиктованное беспокойством не о себе, а о других, то есть об обществе. Вот, например, письма о ношении крестиков до сих пор не перестают появляться в нашей почте, хотя по этому поводу мы уже дважды высказывали свое мнение («Спор о крестике» — 1976, № 10 и «Останемся верны» — 1977, № 10) и приводили письма наших читателей. «Мода» эта по-прежнему задевает и обижает многих.

Но бывают в нашей почте письма, которые весьма грустно читать,— об укоренившихся нелепых обычаях, когда обряд извращают, приспосабливают для низких целей. Офицер запаса К. К. Аделов из города Фрунзе пишет с болью душевной о том, что у них в городе принято собирать деньги по случаю смерти родных, знакомых, не говоря уж о сослуживцах и их родственниках. Кажется на первый взгляд, что такой обычай можно только приветствовать. Люди близкие и малознакомые стараются в меру своих возможностей помочь семье, потерявшей кормильца, выразить участие соседу, в чей дом пришло горе, даже если этот дом незнакомого человека и находится на дальней от вас улице. Но вот в чем дело:

«Деньги идут на водку. Устраиваются богатые поминки за счет чужих людей, но страдают материально и родственники покойного. Я считаю, что пользоваться таким случаем для пьянства должно быть стыдно советским людям. Хорошо, если бы собранные деньги пошли детям, семье, а то сколько ни соберут — все пропьют. А не дать вроде бы стыдно — прослывешь бессердечным».

Возможно, что кто-то упрекнет К. К. Аделова в неуместной скупости, однако мы разделяем его возмущение. Деньги-то идут на пропой!..

Очень жаль, если на предприятиях города Фрунзе общественные организации поддерживают такие «поминальные» поборы. Быть участливым, отзывчивым отнюдь не означает, что следует потакать пьянству. Думаем, К. К. Аделов выражал свое мнение по этому вопросу в каких-либо общественных органах Фрунзе и, наверное, не нашел должной поддержки, поэтому и обратился к нам в журнал. И очень хорошо сделал. Мы писали об обрядах — какими им следует быть («Разговор не только о помолвке», 1976, № 12) — и всячески порицали излишние возлияния по любому поводу — будь то свадьба или поминки. Остаемся при этом своем мнении и теперь.

Широк и разнообразен круг моральных и этических проблем, с которыми обращаются к нам читатели. Ответы наши в основном — в содержании журнала. Бывает, что мы слышим и упреки. Одному кажется, что журнал публикует слишком сложные статьи, а другой считает, что слишком примитивные,— и это естественно. Дело в том, что наша обязанность учитывать запросы читателей самых разных уровней подготовки. Нужный материал должен найти на наших страницах и лектор-атеист, и член кружка юных атеистов, и верующий, желающий ознакомиться с законами мироздания, и учитель, проводящий занятия в школе, и просто так называемый массовый читатель, интересующийся этими проблемами.

Несколько лет назад в нашем журнале была опубликована страница с вопросами к читателям: «Наша анкета». Редакцию интересовало, каков круг читателей «Науки и религии» и в какой степени им нравится или не нравится то, что мы печатаем. До сих пор почта приносит изредка ответы на эту анкету. Попался кому-то старый номер журнала, и читатель — спасибо ему — счел своим долгом хотя бы с опозданием высказать свое мнение о журнале. Так пришло в редакцию и письмо от молодой крановщицы, написавшей о себе, что она окончила с отличием 10 классов и работает недалеко от Новосибирска. Сообщать фамилию, имя и отчество она не нашла нужным. А отвечая на вопрос: «Какие вам статьи не понравились и почему?», недавняя десятиклассница зачеркнула отрицание «не», перечислила то, что ей понравилось и уточнила: «Всякая статья мне понравилась хоть немножко».

Получаем мы письма и от фанатично верующих людей, которые грозят нам геенной огненной. Однако эти «грозные» послания нас тоже радуют. Эти люди тоже читают журнал. Значит, хоть малое зернышко атеизма попадает и на «неблагодатную» почву, и вполне возможно, что со временем, пусть даже очень не скоро, оно прорастет, хотя бы как «зерно сомнения». Мы не раз приводили на своих страницах письма бывших верующих, которых именно печатное слово заставило прийти к неизбежной мысли об иллюзорности веры в сверхъестественные силы.

Приятно, не скроем, получать от читателей слова благодарности. Вот, например, как начинает свое письмо Мустин Омиртай, наш давнишний читатель. Ему исполнилось 90 лет, но его убеждения не изменились с тех пор, как более полувека назад он стал атеистом и селькором.

«Благодарю вас за то, что научили меня, малограмотного сапожника, быть убежденным атеистом. Я только при Советской власти смог учиться. Более тысячи моих корреспонденций, начиная с 1922 года, напечатано в газетах, более ста из них — по вопросам атеизма».

Коммунист Мустин Омиртай (он член партии уже 50 лет) всю свою общественную деятельность по-

святил атеизму. Он читал лекции, разъезжал по районам Семипалатинской области, вел беседы, выступал на телевидении. Написал комедию, разоблачающую муллу, и с сожалением признается, что так и лежит его труд в домашнем архиве, потому что не нашлось тех, кто бы пожелал поставить на сцене это произведение. Но хранятся у него дома и многие награды: орден Трудового Красного Знамени, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медаль «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», грамоты. Живет он вместе с дочерью, заслуженной учительницей, в Талдинском районе Карагандинской области, в совхозе «Киргизия». О нынешней деятельности старого атеиста можно судить по его шутке:

«Служители религиозного культа давно уже просят Аллаха, чтобы тот поскорее забрал меня. А я им говорю, что торопиться мне некуда, дел на земле еще много. Да и куда спешить! Это вы, правоверные, говорю им, торопитесь. Вас ожидают в раю поцелуи красавиц-гурий и прочие райские прелести и блаженства, как написано в Коране, а вы ему верите свято».

Пожелаем автору письма еще долгих-долгих лет и крепкого здоровья!

Закончить этот наш короткий обзор читательских писем мы хотим письмом Э. В. Умновой из города Качканара, работницы городской медицинской библиотеки:

«Читаю с большим удовольствием ваш журнал. Нахожу много разных неожиданных тем — о природе, о людях, обычаях, новых открытиях. Человек показан разносторонне... Я узнала новое о декабристах, о картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван» и о многом другом... У меня трое детей, они учатся в 8-м, 6-м и 2-м классах. Старшая уже читает ваш журнал, пока еще не все, но думаю, что скоро будет читать все...»

Вот так и множится число наших новых читателей, наших корреспондентов. Вопреки сомнениям скептиков.

Е. СЕРГИЕНКО

Страшный подсвечник

●

Мы не знаем даже, с чего начать наше письмо. Дело в том, что самые близкие нам люди считают, будто бы мы с Сережей специально выбрали такой подарок, чтобы накликать несчастье на голову Гали. А мы и понятия об этом не имели. Мы — это молодая семья, комсомольцы, Сергей и Наташа. Мне 20 лет, мужу 24 года. Живем отдельно от родителей, но часто ходим к ним в гости, и отношения у нас с ними до того злополучного дня были прекрасными. Галя — сестра Сережи, он ее любит, как и должен любить брат сестру, и она его тоже. Все так и было до недавнего времени, а теперь и она и родители смотрят на нас с Сережей, как на врагов. И все из-за подарка. Но расскажем по порядку.

Пригласили они нас на день рождения Аллочки (так зовут Галю в семье), и мы с радостью побежали искать подарок. Долго искали по магазинам что-либо оригинальное, и выбор наш остановился на подсвечнике, выполненном в старинном стиле. Нам самим он очень понравился и показался достойным подношением. Купили и свечи, чтобы уж сразу же зажечь. Приходим в назначенный час со своим подарком и цветами, веселые и довольные, в отличном настроении, преподносим и высказываем самые добрые пожелания имениннице, а в ответ — молчание.

Мы долго не могли понять, что же произошло в доме, и вдруг Мария Николаевна (мама Сережи и Гали) со слезами в голосе сказала: «Если бы вы оба читали побольше литературы, то знали бы, что в день рождения ни подсвечников, ни свечей не дарят!»

Нам стало обидно, — откуда мы могли знать такие тонкости? — тем более, что в литературе ничего подобного нам не попадалось, а читаем мы много. Стоим, огорошенные обвинением в необразованности, и выслушиваем от Марии Николаевны, что принесли мы этот подарок с самыми темными намерениями. «Какая чушь! воскликнули мы. — Какие у нас могут быть «темные» намерения?» А нам заявляют, что подсвечники и свечи принято дарить в знак пожелания смерти. «Забирайте свой подарок обратно! — говорит мама. — И пусть он вам самим принесет то несчастье, которое вы желаете нашей Аллочке!»

Честное слово, ничего этого мы не знали. Мы стали оправдываться. Неужели же брат может пожелать такое родной сестре? А нам не верят. Сережа схватил подсвечник и кинулся из дому, чтобы выбросить подарок. Но мама воспротивилась: «Ага, ты нарочно хочешь выбросить здесь, чтобы несчастье осталось в нашем доме!» Кончилось тем, что она изломала свечи и злосчастный подсвечник. Пришлось уйти. Праздник был испорчен. Мы возвратились к себе домой очень расстроенные, у нас обоих разболелись головы, а у Сережи еще и сердце. Мы очень сожалеем о случившемся и не хотели бы, чтобы сестра считала нас какими-то «колдунами».

Наташа и Сергей СИМОНЕНКО

г. Запорожье

●

Да, есть с чего разболеться голове и сердцу. Грубый скандал с криком и бранью, с поломкой подарка испортил отношения в семье, те добрые отношения между родителями и детьми, которые должны быть устойчивы и при более веских причинах для их нарушения. А тут, подумайте, из-за чего? Пустячный, вздорный повод, не стоящий буквально выеденного яйца. А виной всему — суеверие. Вот уж воистину «вера всуе»! В № 12 нашего журнала за прошлый год напечатана статья «О вещих снах и всезнающем блюдечке», где идет разговор о суевериях и предрассудках. Никакой реальной почвы они под собой не имеют и даже как-то неловко снова повторять, что слово «суеверие» означает «вера всуе», то есть вера зря.

Нас очень взволновало ваше письмо, дорогие Наташа и Сережа. Но, пожалуйста, не принимайте близко к сердцу обвинения вашей мамы. Она погорячилась и, вероятно, уже сожалеет о случившемся, о своем нетактичном поведении. Каких только суеверий не попадается нам в письмах наших суеверных читателей! Мы могли бы составить длинный перечень, начав с тринадцатого числа и черной кошки. Но, признаться, в нашем «списке» известных нам предрассудков подсвечник в таком толковании еще не встречался. Ссора с родителями несомненно дурно отразилась на обеих семьях. Расстроились не только дети, но и родители. И снова, повторяем, повод не стоит выеденного яйца.

Декоративные подсвечники сейчас не такая уж редкость. Многие люди украшают ими свои квартиры. Началось это примерно лет десять назад, когда подсвечники только входили в моду, они имели большой успех как оригинальный подарок. Их дарили, что называется сплошь и рядом, — и на новоселье, и на юбилеи, и на день рождения. Редкий день рождения обходился без того, чтобы кто-то из гостей не преподнес «новорожденному» подсвечник. Дарили со свечами — с розовыми, голубыми или обычными — и тут же зажигали. Получивший это подношение лишь благодарил и радовался. Так что ваш подарок, Сережа и Наташа, вполне современен, и совершенно зря Мария Николаевна так поступила.

А теперь — о литературе. Нам не известно, в каких произведениях ваша мама вычитала, будто подсвечник накликает смерть. Возможно, в каком-то страшном детективном романе? Но виной тому фантазия автора, старавшегося произвести впечатление, напугать читателя. Нам же самим описание такой жуткой «характеристики» подсвечника не

попадалось ни в одной книге, а вот обычай зажигать свечи на именинном торте или пироге (сколько исполнилось лет, столько горит свечей) вошел в обиход и у нас. Такие свечки продают набором в коробках, их принято дарить именно в день рождения.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как в редакцию пришло письмо от молодой четы Симоненко. Мы надеемся, что они уже помирились и с мамой, и с сестрой. Но так как речь шла все-таки о ее дне рождения, то мы вместе с ее братом и невесткой желаем ей крепкого здоровья, успехов в труде и учебе, а кроме того, особенно желаем избавиться от суеверий. Как-то не к лицу они молодой образованной девушке.

Е. ПАВЛОВА

Возвращаясь к напечатанному

«Не верится, что это было со мной...»

Почти 15 лет прошло с тех пор, как в № 5 журнала за 1964 год появился рассказ о судьбе Аллы Хаенко из г. Херсона. Девочкой Алла попала в баптистскую общину, затем порвала с ней.

Как сложилась ее дальнейшая жизнь? С этим вопросом мы обратились к автору опубликованной в 1964 году корреспонденции — А. Автандиляну. Оказалось, все эти годы он не порывал связи с героиней своего очерка. И вот что он рассказал.

...Аллу выписали из родильного дома накануне 7 Ноября. Ее встретили муж и подруги с завода с цветами и подарками. Николай бережно взял малыша на руки и торжественно понес к машине. Домой ехали по праздничным многолюдным улицам, и Алле казалось, что весь веселый и праздничный город радуется вместе с ней. Она была счастлива!

Не сразу, не вдруг обрела Алла этот душевный покой, внутреннюю свободу. Ощущение полноты жизни, веры в себя и людей пришло после мучительных терзаний. Много лет минуло с тех пор, как молодая женщина ушла из религиозной общины, но и теперь нередко всплывают в памяти события, в водоворот которых она была вовлечена несмышленым подростком, хрупкой, болезненно впечатлительной девочкой.

Как это началось? Едва оправившись от тяжелой болезни, узнала Алла, что те люди, которых она с детства называла мамой и папой, — ей вовсе не родные. Значит, много лет они скрывали от нее правду, значит, она им чужая. Тогда зачем столько лет они были добры, внимательны, заботливы, делали все, чтобы девочка росла здоровой и веселой. Зачем? Если она им чужая. Эти мысли не давали девочке покоя, а поделиться сомнениями было не с кем. Алла хочет во что бы то ни стало узнать, кто же ее настоящие родители...

Именно в это время и стали проявлять к ней интерес члены местной баптистской общины. Они давно присматривались к Алле, знали, что она долго болела, много страдала. Они постарались найти слова утешения, а главное, убедили девочку, что помогут ей найти родную мать. Алла потянулась к новым людям, они разговаривали с ней как с равной — серьезно, уважительно. Стараясь помочь ей в поиске «настоящей» матери, новые знакомые постепенно, осторожно пробуждали интерес к своей вере.

Алла стала хуже учиться в школе, перестала участвовать в общественной жизни класса. Теперь после уроков она спешила к своим новым друзьям, с ними проводила все свободное время. В характере прежде веселой, жизнерадостной, общительной девочки появились замкнутость и отчужденность. Учителя и подруги заметили, что с Аллой происходит нечто странное, но решили: вероятно, это результат перенесенной болезни.

Все это время она вела дневник, в который аккуратно записывала свои мысли, чувства, впечатления. Эти записи могут ярко показать, что творилось в ее душе, сколько горьких слез было пролито в то самое время, когда ее сверстницы веселыми стайками гуляли по городу, ходили в туристские походы, участвовали в самодеятельности.

В общине Алле внушали: «Нужно быть подальше от людей этого мира, не поддаваться земным соблазнам». Девочка жадно впитывала каждое слово проповеди, тщательно записывала наставления, заучивала их и молилась, чтобы бог ее услышал. Наконец «бог услышал» — она обрела «родную мать». Одна из «сестер» общины взяла на себя эту роль. Вот ее письмо Алле:

«Дорогая доченька! Часто по ночам я вспоминаю о тебе и молюсь, чтобы бог послал тебе здоровье и хоть немного вселил в твою покорную и смиренную душу веру во всевышнего. Я знаю, ты была бы ему верной слугой, ведь у тебя добрая душа и ласковое сердце. Подумай, дитя мое, не кажется ли тебе, что болезни твои — это кара господня. Не думай, я не хочу сделать тебя такой, как я, монашкой, я просто хочу дать тебе совет, когда тебе трудно, больше молись по ночам, если хочешь, чтобы никто не видел».

И хотя сомнения посещают сердце Аллы, она продолжает слушать проповеди, посещает собрания, принимает крещение. В общине ее теперь называют «истинно верующей сестрой». Впоследствии Алла напишет:

«Сейчас мне даже страшно вспомнить те годы, которые я провела среди верующих, и очень жаль потерянного времени. Я слепо верила в бога, в бога, который украл у меня пять лет детства, для других радостного и счастливого. Я упорно молилась, молилась день и ночь. В 14 лет я не сумела разобраться в ложности пути, на который вступила. Сначала никто не знал о моих «братьях и сестрах». А когда узнали, этому не поверили, ведь я росла в здоровой, благополучной семье, всегда была активной пионеркой, участвовала в художественной самодеятельности, и вдруг на́ тебе! И вот теперь я обращаюсь ко всем, кто живет в мире иллюзий, потому что считаю своим долгом помочь верующим преодолеть заблуждения, занять активную жизненную позицию. Когда-то мне помогли мои товарищи по заводу — комсомольцы Таня Тертышник, Валя Семиряд и учительница Валентина Григорьевна Кучеренко — мы с ней большие друзья. Сейчас я вышла замуж. Мой муж Николай Лобанов — лучший друг и товарищ мне. Мы очень любим друг друга и счастливы. Он комсомолец, мечтает стать летчиком.

И дела на заводе меня радуют. Наш участок борется за звание участка коммунистического труда. Я верю, что наш коллектив удостоится этого высокого звания, добьется поставленной цели, ибо девушки нашего участка не только хорошие работницы, но и настоящие друзья и товарищи друг другу. Наш лозунг не «спасение души своей», а «один за всех и все за одного».

В другом письме Алла писала:

«Много добрых перемен произошло за последнее время. Во-первых, мы получили новую квартиру. Саша учится в первом классе на «хорошо» и «отлично». У нас родился еще мальчик. Живем мы с Колей хорошо уже девятый год. Я работаю на фабрике культтоваров, выпускаю цеховую стенгазету. С Валентиной Григорьевной мы видимся часто, а Таня Тертышник поступила в институт. Старое даже страшно вспомнить, не верится, что это было со мной не во сне, а наяву.

С приветом к Вам Алла Лобанова (Хаенко), Коля, Саша и маленький Андрейка».

А вот это письмо, в которое была вложена семейная фотография, я получил совсем недавно:

«У нас все благополучно. Здоровы, трудимся, отдыхаем. Мы живем рядом с летним кинотеатром «Дружба», так что часто ходим все вместе в кино. Саша учится в 5-м классе. Он уже пионер. Третий год на Доске почета. Увлекся фотографией, занимается в фотокружке, очень активный в классе. Маленькому Андрею уже пятый год. Он смышленый, славный мальчик. Я помогаю школе, как могу.

Правда, не бывает и без горя. Отец попал под автомашину и умер. Я потеряла самого дорогого и любимого человека. А через четыре месяца похоронила мать. Как видите, горе в одиночку не ходит. Итак, я опять оказалась одна, без родителей, которых так любила и перед которыми была так виновата. Верующие могут сказать, что мои беды — кара за отречение. Нет, просто жизнь идет своим чередом и потери неизбежны. Вот такие у нас дела».

За свою жизнь я встречал и других верующих, отошедших от религии. И почти всякий раз это происходило под влиянием коллектива, здоровой нравственной атмосферы. Судьба Аллы — еще одно тому подтверждение.

А. АВТАНДИЛЯН,
кандидат философских наук

Чужая родня

●

Три года назад в нашем журнале (1975, № 6) была опубликована статья В. Паршина «Устали бояться», в которой рассказывалось о детях семьи Лущенковых. Фанатично верующие родители приобщали к религии и детей. Ребятишки не знали детства. Жизнь их проходила в постах и молитвах. За общение с «безбожниками» отец бил нещадно. Но старшие дети не желали безропотно подчиняться деспотизму. Только форма протеста была своеобразной. Они украли в сельмаге деньги, чтобы накормить младших сестренок вкусным обедом и сводить в кино.

А как живут сейчас Лущенковы-младшие?

...Длинная разноцветная цепочка юных лыжников возвращалась из похода. Я спросил у сероглазого мальчугана в ярко-синей куртке: верно ли иду к интернату. Паренек утвердительно кивнул головой: «Ориентируйтесь по нашей лыжне. Мы в аккурат домой спешим, к обеду».

У директора Раисы Петровны Долговой усталое лицо: «Административные хлопоты замучили». Она приглашает меня сесть, а узнав о цели приезда, оживляется.

— Одну минуточку! Сейчас приглашу учителей и воспитателей групп, которые с Лущенковыми со дня приезда подружились.

Казалось бы, все просто: педагоги «подружились» с детьми. Это основа основ педагогики. Но в применении к Лущенковым-младшим это слово приобретает особый смысл. В школе, когда дети жили у родителей, главным было тихо просидеть на уроках. После занятий — стрелой домой. Ни о каких внеклассных мероприятиях Павел Лукич и слышать не хотел. Заикнулся как-то Дима о вступлении в пионеры, получил крепкую затрещину от отца. Сейчас все иначе. Основной упор учителя делают именно на внеклассную работу. Они подолгу и главное охотно возятся с ребятами, и дети платят им привязанностью.

Я перелистываю детские сочинения «На кого я хочу быть похожим».

«На нашу воспитательницу Нину Ивановну Кузьмичеву. У нее очень доброе сердце, и она все-все понимает», — пишет пятиклассница Любаша.

А ее брат Дима Лущенков подмечает: «Дома я боялся каждого дня, думал, что случится что-то страшное. Теперь не боюсь. Верю в свои силы. Хочу стать шофером. О разных профессиях нам интересно рассказывает Софья Николаевна Сотонина»...

Слушаю взволнованные рассказы педагогов:

—... Первые дни дети были замкнутые. Спрашиваешь их: «Ребята, может что-то не нравится?» И неизменный ответ: «Оставьте нас в покое, Христа ради».

— ...Главное, дети поняли, что цель наша не «ввести в грех», а забота об их здоровье.

Спустя два месяца братья пообвыкли: храбро сражались в «Зарнице», играли в футбол, строили планер в столярке. А сестренки все еще боялись гнева господнего. Ночью, когда все девочки спали, Женя и Люба тихонько нашептывали слова молитвы, крестились.

Летом в жару Женя не снимала с головы теплый платок, отказывалась купаться в реке. «Ты плохо себя чувствуешь, Женечка?» — спрашивали ее воспитатели и подруги. Потупив взор, девочка молчала: ведь отец предупреждал, чтобы не разговаривала с безбожниками: обязательно обидят. Но время шло, а никаких обид не было. Было другое — теплые и сердечные отношения. На день рождения — огромный, вкусный пирог, конфеты, подарки и поздравления. По субботам и воскресеньям вместо изнурительных молений — веселые игры, кино, интересные книжки и экскурсии.

На трикотажной фабрике Женя едва не перекрестилась. «Бесовские» машины сами красили полотно, украшали его цветочками или ромбиками. Всюду чистота и порядок. А управляли машинами девушки чуть-чуть постарше ее, Жени...

Той ночью она не стала молиться. «Ты что, Евгения, спятила?!» — шептала в самое ухо младшая, Люба, а Женя лежала и молчала.

Для пятерых детей Лущенковых педагоги не делали идеальной жизни, не ставили их в привилегированное положение по сравнению с другими воспитанниками. Однако в конечном итоге каждый из них чувствовал, что живет не просто хорошо, а отлично. Ребятам нравился принцип детского самоуправления, импонировало, что к ребячьему мнению прислушиваются взрослые. С Лущенковыми не заигрывали, а сказав однажды: «Вы здесь, как и все, — полноправные хозяева», ни разу не нарушили этот принцип. И дети учились анализировать и соизмерять свои поступки не по святому писанию, а исходя из морально-нравственных норм коллектива, в котором жили. Здесь они открыли для себя много нового, и главное то, что нельзя жить пассивно. Если хочешь чего-либо добиться, надо стремиться к этому, проявлять инициативу. И тогда ты все сможешь.

И вот в блокнотах учителей появились записи:

«...Люба решила стать пионеркой и «поднажала» на успеваемость. Теперь она учится только на «хорошо» и «отлично».

«...Появилась у Жени мечта — работать на трикотажке, стала учиться шить и вязать».

«...Толя и Дима бредят шоферской баранкой».

«...Все Лущенковы пляшут и поют в интернатском хоре».

Ребята наперебой рассказывали, как у Любаши «не совсем четко получается чечетка», а у Толика выходят «не те ноты на трубе». Потом в разговоре образовалась долгая пауза, и мне показалось, что Лущенковы не договаривают что-то.

— Знаете, — нарушил тишину восьмиклассник Толя, —когда нас спрашивают, почему мы здесь, мы или не отвечаем, или вспоминаем ту давнишнюю магазинную кражу. Нам так легче.

Женя и Любаша покраснели и низко опустили головы...

Напоследок захотелось мне повидать старшего сына Лущенковых — Андрея.

Окончив школу-интернат, Андрей поступил в Новоаннинское профессионально-техническое училище. Получил специальность электрика, устроился на работу. Места в общежитии не просил. Жил с родителями, которые из района переехали в город.

Андрей заметно подрос, возмужал. Готовится вступать в комсомол. Первым делом спросил меня о братишках и сестренках, рассказал, как они приезжали к нему в гости. Мы обменялись адресами, а я спросил, не лучше ли ему будет вместе со сверстниками и единомышленниками в общежитии. Андрей промолчал. Дома он только ночует, да и то не всегда. Чаще у закадычного друга...

Я мысленно ставлю себя на его место. Действительно, что можно ответить, когда одновременно есть отчий дом и нет его... Когда есть девушка и нельзя познакомить ее с матерью.... Когда родители — родня, но чужая...

В. ПАРШИН

Волгоградская область

Дочка рисует „святую Анну"

В. РАЗИН

● ТРЕТИЙ ЧАС подряд, приткнувшись со своим стульчиком к каменной стенке, дочь трудится. Увлеченно. Рука с зажатым в ней карандашом не знает отдыха.

Я рад. Мне приятно, когда дочка вот так, вдохновясь, вся уходит в работу.

Чтоб не мешать, держусь в сторонке. Брожу по маленькой треугольной площади.

Утром, когда мы пришли, эта крошечная площадь в старой части города, показалась нам тихой и малолюдной. Теперь, ближе к полудню, все изменилось. Один за другим подъезжают автобусы, выметывают целые стаи туристов — шумливых, охочих до впечатлений. На площади сразу по пять-шесть экскурсий. Литовская, польская речь, немецкая, русская...

Здесь, на этом пятачке, с которого, как утверждают, начинался Вильнюс, далекое средневековье оставило свой автограф. Точнее — три, воздвигнутые мастерами, умельцами. Костел святого Михаила, костел бернардинцев и костел святой Анны. Этот последний дошел до нас, ныне живущих, как некое откровение, как чудный дар, посланный через столетия.

Впервые прекрасную «Анну» мы с дочкой увидели несколько лет назад. Ириша тогда еще только-только сдружилась с карандашом и кистью.

Мы долго стояли ошеломленные. Онемевшие. Мы глядели — и не могли наглядеться. То была любовь с первого взгляда. Истинно.

«Анна» предстала перед нами во всем своем позднеготическом великолепии... На фасаде — замысловатый декор, загадочное и грандиозное переплетение линий, игра теней и полутеней. В неожиданной этой «Анне» было что-то от стройной, красивой женщины, крепко стоящей и вместе с тем грациозной и легкой. От музыки. Четкие ритмы, повторяющиеся мотивы. Была в ней удивительная, певучая какая-то пластичность. И был порыв.

В тот, первый, приезд Ириша рисовала большую башню «святого Михаила», старые улочки по-соседству. Что ей было по зубам. «Анну» — не отважилась. И мы решили: будет случай, приедем в Вильнюс еще раз. И уж тогда...

Брожу по площади, слушаю, что говорят экскурсоводы. Больше, конечно, интересуюсь «Анной».

...Считают, что костел существовал уже в 1500 году. Подтверждается это к примеру, тем фактом, что в мае 1501 года папа Александр VI специальным посланием отпустил грехи всем прихожанам, посещавшим этот костел в дни церковных праздников и приносившим пожертвования. Папа, кстати, не преминул напомнить, что святая Анна должна почитаться особо, поскольку она родительница той, что произвела на свет Христа.

Перед поездкой я полистал старый, еще до революции изданный энциклопедический словарь и нашел там нужную мне заметку. В ней говорилось: «Анна, Святая — по преданию жена св. Иоахима и мать девы Марии, которую она родила после 20-летнего бесплодия. О почитании ее впервые упоминается в IV веке у Григория Нисcийского и Епифания, но в VIII веке оно уже делается почти всеобщим. Полагают, что останки ее были в 710 году перевезены из Палестины в Константинополь. Римская церковь празднует ее память 26 июля, греческая — 9 декабря...»

А экскурсии все едут, идут.

...Костел построен из кирпича. И это удивляет специалистов. В Западной Европе для таких целей в ту пору использовали преимущественно камень. Здесь камня не было, применили кирпич, неподатливый, жесткий, неудобный в работе. Но из него, что называется, веревки вили. Отделка из тонкого, профилированного кирпича — как бы крученый шнур — обтягивает стрельчатые окна, украшает фасад, придает ему изящество, ажурность. А какое разнообразие форм кирпича, какое множество его изгибов!.. Придумать все эти комбинации, выполнить в материале, уложить — большое искусство...

...«Святая Анна» — шедевр литовской готики, последняя ее вспышка, взблеск. Небольшая, втрое меньше, чем соседствующий с ней костел бернардинцев. Но удачно поставлена, выдвинута вперед, и занимает здесь, в этом месте, доминирующее положение...

...Наполеон, увидевший костел в 1812 году, изрек такую фразу: «Если бы я мог, то на ладони перенес его в Париж...» Это, впрочем, не помешало его солдатам превратить костел в конюшню, а потом и поджечь.

...История, увы, не сохранила подлинных имен создателей «святой Анны». Есть только разного рода предположения. И, как всегда в таких случаях, — легенды. Одна из них, например, повествует: строительство вел старый мастер. Портал, всю нижнюю часть — строгую, сдержанную — соорудили по его замыслу. Но молодой помощник склонял к иному: ему хотелось, чтобы костел был как можно более нарядным, необычным. Старик не соглашался. И тут, на беду, в помощника влюбилась дочка старика. Молодые люди решили пожениться. Старый мастер воспротивился и пригрозил: если они пойдут против его воли, он бросит стройку, уедет, и помощнику придется взять все это нелегкое дело на себя. Угроза, однако, цели не достигла, молодые обвенчались. И помощник, уже сам, на свой риск и страх, продолжал возводить костел. Но кончилось все печально. Спустя несколько лет старый мастер вернулся в город и увидел уже почти полностью выстроенный храм. Увидел, и черная зависть наполнила его сердце. Он попросил своего бывшего помощника провести его на леса, в которые еще была одета «Анна», и столкнул оттуда. Красный цвет костела, говорит легенда, это кровь погибшего...

...Еще предание. Костел бернардинцев и «святую Анну» сооружали два друга. Порознь, понятное дело, каждый на свой лад. Но когда строительство было закончено, один из друзей, все из той же черной зависти, убил другого...

Так они выглядят — старинные предания, связанные с костелом святой Анны. Причем второе — выдумка уже хотя бы потому, что костел бернардинцев, как уточняют сами экскурсоводы, построен гораздо раньше.

Ну да это не суть важно: предание оно и есть предание. Другое обстоятельство вызывает недоумение. «Анна», пробуждающая в душе чувства высокие, чистые, и такие жестокие истории — зависть, убийство. Или, может быть, этому есть объяснение? Экскурсоводы на сей счет молчат.

Ну, а что же моя Ириша? Как там у нее?

Набросок, можно сказать, готов. Почти готов. Беглый, рабочий, он все же смотрится, даже производит впечатление. На меня, по крайней мере. Костел здесь прочно стоит на земле, есть в нем

и цельность, и собранность. Что до деталей, то они тщательно проработаны, и это создает отчетливое ощущение материальности. Весьма существенное обстоятельство. Так же, как и твердая, уверенная линия, четкий штрих, которые тоже были на листе.

Были. Но чего-то тут все-таки не было. Образ костела, этого маленького готического собора, кажется ущербным. Ему чего-то недостает, притом весьма важного, может быть, самого главного. Чего же?

Вот чего. Воздушности, легкости, устремленности ввысь. Здесь, в наброске, он явно тяжеловат, слишком монументален, хотя в натуре, в действительности этого нет.

Да, не дается нам «святая Анна». Пока еще не дается.

Дочь вздыхает, свертывает свою походную мастерскую, и мы, теперь уже вдвоем, прохаживаемся по маленькой треугольной площади. Рассматриваем мощные стены костела бернардинцев. Он в самом деле был сооружением не только культовым, но и оборонительным. От него брала начало защитная городская стена. С одной точки, с другой разглядываем второго соседа «Анны» — костел святого Михаила. Тут, как говорят все те же экскурсоводы, и ренессанс, и готика, и барокко, словом, смешение стилей. Линия в общем спокойная, но кровля островерхая, на башнях — купола. Заметно стремление строить броско, даже вычурно. Великий канцлер литовский, по прихоти которого возводился костел, таким, должно быть, и хотел его видеть — в качестве семейного мавзолея, усыпальницы.

Из трех этих костелов действующий — одна «Анна». Но служба уже кончилась, массивная дверь заперта. В костеле, вернее сказать, в бывшем костеле святого Бернарда — реконструкция. Здесь будет актовый зал художественного института, постоянная выставка студенческих работ. Новая жизнь и у «святого Михаила». При входе — табличка: «Музей архитектуры». Надо заглянуть.

Узкий дворик, стертые плиты, причудливая, через дворик, колоннада — разного роста каменные столбы.

Переступаем порог... Вот так храм божий, вот так усыпальница! Куда больше напоминает княжеский дворец... Ладно, осмотрим экспозицию.

Тут особо радуют глаз тщательно выполненные макеты. Каждый такой макет — это новый район городской или сельской застройки. Современные дома среди зелени, водоемы, детские площадки, удобные подъезды. Жирмунай, Лаздинай, Каролинишкес — уже построенные и обжитые районы Вильнюса, полюбившиеся населению. Конкурсные проекты новых предприятий и гостиниц, комплексов отдыха и водолечебниц, школ и спортивных сооружений. Строящихся, тех, что будут строиться в ближайшее время...

Покидаем музей, и тут же, во дворике, становимся свидетелями любопытного происшествия. Какой-то человек, уже немолодой, взбирается по лестнице на пристройку, прилепившуюся к стене. Рядом с лестницей мальчик и девочка, задрав головы, следят за каждым его движением. На покатой крыше пристройки жалобно мяучит кошка, неизвестно как туда попавшая. Человек подхватывает ее и бережно опускает вниз. Кошка спасена, ребята довольны, доволен, как видно, и спаситель.

Высоко вверх, словно бы вырастая из каменных плит, тянется серая, потемневшая от времени колокольня. На самой маковке — флюгер. Пытаемся его рассмотреть.

— О-о, это очень интересная башня! И флюгер. Видите изображение? Святой Георгий побеждает нечистую силу. Зло повержено, добро и справедливость торжествуют. Нестареющий сюжет...

Это спаситель пришел к нам на помощь. Открытое лицо, приветливая улыбка, на редкость ясные, цвета небес глаза.

На маленькой площади, куда мы выходим все вместе, разговор продолжается. Разговор, естественно, о том, что вокруг, — об этих трех костелах, и прежде всего об «Анне».

— Вы, наверно, уже слышали: она построена из кирпича тридцати трех различных форм. А почему, как вы думаете, именно тридцати трех? По количеству лет, прожитых Христом. Да, именно! Строители, видно, были, добрые католики, истинные христиане. И это приятно...

Наш неожиданный знакомый, человек, похоже, верующий, охотно с нами беседует, отвечает на вопросы. Рассказывает о себе.

Сам он из западнобелорусского села. Зовут его Пранас, Пранас Куцка. Всех детей в семье было одиннадцать, он, Пранас, десятый, почти что последыш. Жили трудно, Пранас перебрался в город. Здесь, в Вильнюсе, еще с довоенной поры. Уже долгие годы — председатель церковной двадцатки при «святой Анне». С этим храмом вообще связывает его многое. Было, к примеру, три роковых случая.

Два из них — во время капитального ремонта, последнего. Пранас, опытный реставратор, тоже участвовал в работах. Однажды, стоя на лесах, принимал сверху бадью с кирпичом. Бадья вдруг сорвалась, резко пошла — прямо на Пранаса. Он чудом успел отскочить, вжался в стену. В другой раз молодой, зеленый еще парень подавал ему металлическую трубу. Но очень неумело: Пранас потянулся, ухватил, а труба тяжелая, перевесила. Он едва-едва, непонятно даже как, сумел удержаться. Третий случай такой. Возле костела затеялась драка, не шуточная. Пранас кинулся разнимать — и сам получил, крепко получил, мог и к праотцам раньше времени отправиться. «Но все, слава богу, обошлось: святая Анна меня хранила. Да-да, это много значит — когда человек верит, верует. Когда он не один на один с жизнью, со всем огромным миром».

Мы слушаем — я и дочь — с интересом, со всем возможным вниманием. Должно быть, Пранасу нравится, как мы слушаем. Тон его рассказа становится все более доверительным. По той же, наверно, причине, ход мысли Пранаса вдруг меняет направление. Или, вернее сказать, делает крюк в сторону.

В его жизни было несколько встреч, которые запомнились навсегда. Одна — особенно. Как-то еще в войну, в сорок четвертом, он торопился в Вильнюс. Проходил воинский эшелон, и лейтенант, русский парень, взял к себе на платформу. Ехали недолго, часа два, за это время стали друзьями. О вере не было ни слова. Но они так хорошо говорили, так понимали друг друга, такое обнаружилось родство душ... Сегодняшняя встреча — встреча с нами — чем-то напоминает ему ту, давнюю.

Затем Пранас переходит от частного к общему — все в том же, своем плане. Конечно, рассуждает он, человек, и не зная бога, может блюсти себя, быть добрым, жить для других. Это так. Но лучше, если при всех своих положительных качествах он еще и верит. Почему лучше? Потому, что бог велел всем быть с ним, призывал под свое попечение. А главное — потому, что принес себя в жертву во имя всех людей, всего рода человеческого. Правда, Пранас хорошо знает: и верующий не всегда строго держит себя в нужных рамках, допускает какие-то отступления, грешит. Ну что ж, человек — всего лишь человек, он бывает слаб, подвержен каким-то влияниям. Словом, все это объяснимо, простительно. Минуты слабости, неуверенности минуют, и снова приходит ясность, а Святая троица — бог-отец, бог-сын и святой дух, это, по Пранасу, как бы три провода, которые сообщают верующему человеку все истинное, спасительное. И если оно находит в его душе отклик, то в ней как бы вспыхивает, загорается лампочка. Иначе говоря, этот божественный ток, эта святая сила как бы включает в душе человека некий светильник, нечто такое, что и есть, по сути, близость к богу, ощущение близости, озарение, благость, счастье...

Потом, через какое-то время, разговор наш вновь вернулся к исходному рубежу — к «святой Анне». Пранас спросил:

— Ну, а в самом-то храме вы уже были? Мессу слушали? Нет? Так если желаете, пойдем завтра вместе. Буду вашим гидом.

Вечером мы с дочкой сидели у себя в гостиничном номере. Ириша, примостившись у раскрытого окна, что-то рисовала. Я листал прихваченный из дому журнал. Мелькнули крупно набранные слова: «...И ПАЛОМНИЧЕСТВО К СВЯТОЙ АННЕ». Что-что? Это были стихи. Стихи Тристана Корбьера, перевод с французского. Я быстро пробежал страницу. Любопытно. И притом кстати.

— Дочь, послушай...

Бесплодный берег океана.
Все голо — как морская гладь.
В часовне ждет Святая Анна,
Чтоб утешать и ободрять.

Она добра, святая эта,
И внуком Иисус ей был;
Теперь она в парчу одета.
И деревянный торс подгнил.

С ней рядом маленькая Дева
Сидит с веретеном своим;
Иосиф скромный в угол слева
Забился: свят он, но не чтим.

Паломники... По травам тощим
Они шагают. Шум и гам.
Святая Анна — радость тещам
И утешение мужьям.

Из всех приходов, без оглядки,
Из Плугастеля, Лок-Тюди,

Идут, чтоб здесь разбить палатки:
Три дня, три ночи впереди.

Три странных дня, три ночи
странных.
Так повелось уж с давних пор,
Хор ангельский и песня пьяных
В один сливаться будут хор...

На другой день — это было воскресенье — мы встретились с Пранасом возле «Анны». В наш первый, давний приезд в костеле шел ремонт, не удалось даже заглянуть. Теперь мы все увидим.

Служба уже началась. Все места на выстроенных в два ряда деревянных скамьях заняты. Люди стоят в проходе, позади скамеек, вдоль стен. Многие — опустившись на колени. Хотя за порогом — безоблачный день и высокие стрельчатые окна пропускают достаточно света, здесь, в костеле, ярко горит, разливая электрическое сияние, большая люстра, горят пирамиды электросвечей. Впереди, у алтаря, в светлом облачении священнодействует пожилой седовласый ксендз, рядом с ним — двое помощников тоже весьма почтенного возраста.

Пранас, войдя, несколько раз осенил себя крестным знамением, подался чуть в сторонку, преклонил колено. В эти минуты лицо его очень серьезно, а взгляд кажется отчужденным, весь он немного иной, новый, нам еще неизвестный. И мысли сейчас, наверно, о чем-то своем, о высоком, может быть, неземном.

Я понимаю: сначала бог, нами Пранас займется позже. И не спеша оглядываю костел.

Мне уже известно, что в прошлом он не раз горел, рушились его кровля, стены. Но если во внешнем облике, несмотря ни на что, сохранена верность стилю, духу далекого времени, то внутри, как считают, теперь, увы, не то. Готику крепко потеснило барокко, чем и нанесло ей непоправимый ущерб. Повидимому, это так, хотя мне, сказать по правде, все равно нравится. Поскольку вообще нравится «Анна».

Когда-то, в пору военной молодости, мне случалось бывать в больших готических соборах в Австрии, Германии. Запомнилось впечатление: огромное, несоизмеримое с человеком пространство собора, устремление к небу его сводов, нечто величественное и гордое. Но под высокими этими сводами чувствуешь себя неуютно, силы они тебе не сообщают, напротив, давят своей громадой, принижают, умаляя твое человеческое «я», как-бы внушая — сурово, властно — мысль о суетности и тщете всего мирского.

Здесь, в костеле святой Анны, такого не ощущаешь. Здесь все как-то иначе, человечнее, что ли. Так мне, во всяком случае, кажется.

По форме — это обычная базилика, довольно строгая, без особых, как говорится, излишеств. На сводах затейливый, из тонких кирпичных жгутов, декор. Из таких же жгутов аркатурный пояс под хорами — длинная связка миниатюрных арок. В апсиде, в самом ее верху, летящий голубь как символ святого духа, фигура Христа. Пышный алтарь с неизменным распятием. Главная достопримечательность — большая, в богатом окладе, икона: святая Анна, святая Мария, Христос-младенец, все вместе, можно сказать, по-семейному. Слева и справа, на стенах, раскрашенные рельефы: «страсти господни». Манерная стилизация, отнюдь не украшающая интерьер, — подчеркнуто экзальтированный драматизм, сцены страданий, изображенные с жестокой натуральностью.

Вступил орган. Костел заполнили чистые, неторопливые звуки. Разлились на голоса, поплыли, как бы подражая друг другу, перекликаясь между собой. Старая, может быть, чуть-чуть наивная, но столь милая сердцу полифоническая музыка.

Немного погодя, в унисон органу, запели голоса живые, целый хор. Запели негромко, как-то проникновенно. Жаль только, непонятно, что они поют, о чем.

Подошел, стал рядом Пранас. Взгляд мягкий, просветленный, ублаготворенная улыбка.

— Я ваш.

Как заговорщики, клоним к его голове две свои. Полушепотом, чтоб никому не мешать, Пранас вводит нас в курс происходящего, поясняет.

Эти дни июня, оказывается, посвящены Иисусу Христу и его сердцу. Все службы — о нем, сегодняшняя тоже.

Длится она довольно долго. Пение то смолкает, то начинается вновь. Звенит колоколец, как бы подчеркивая порыв и устремленность молящихся к всевышнему. Священник и его ассистенты, выполняя ритуал, проходят через весь костел с кропильницей. Потом причащают желающих. Потом все слушают проповедь. Под конец — в сопровождении органа и хора — поют. Пранас тоже тихонько подпевает, раз — другой сбивается, но, не смущаясь, продолжает дальше. Пение это, как объяснил нам наш гид, про Христа, про его сотворенное из святого духа сердце — вместилище всех обращенных к нему сердец.

После мессы, поскольку кукушка давно уже прокуковала, я пригласил Пранаса где-нибудь с нами перекусить. Он немножко поколебался, потом, к нашей радости, приглашение принял, и мы двинулись в поисках вкусной еды. В маленьких кафе было тесно, людно, а нам хотелось иного. Наконец мы нашли то, что нужно. Это называлось ресторан «Медининкай».

Древнее, какое-то крепостное сооружение. Толстые, грубые стены, крутые ступени вниз. Нависающие своды, полумрак, глухие ниши. Тяжелые стулья с высоченными резными спинками: четыре стула у стола — кабина, маленький отсек.

Пока строгий, исполненный собственного достоинства официант делает свое дело, Пранас рассказывает, как возникло это оригинальное заведение. Постройка действительно очень старая, чуть ли не времен оборонительной стены, проходившей поблизости. Долгое время все тут было в запущенном состоянии, а недавно решили эту древность поставить, так сказать, на службу людям. Пранас тоже здесь потрудился. Откуда это название? Неподалеку находились главные городские ворота, и от них шел шлях к старинному замку Медининкай. Ворота, кстати, существуют и поныне. В обиходе многие называют их святыми. Тому есть свое объяснение. Все городские ворота имели святых покровителей. Здесь эту функцию выполняла дева Мария. Монахи-кармелиты, которые несли одно время охрану, поместили икону на воротах. А вскоре стали происходить чудеса. Первое связано с Северной войной. Когда к городу подошли шведы и начали его штурмовать, монахи, защитники обратили свои молитвы к божьей матери. И тут, по преданию, поднялся вихрь, разметал врагов, задержал их на время. Другие чудеса... Выпал, к примеру, малыш из окна, сильно расшибся, но его понесли к иконе, помолились. Пресвятая дева помогла: выжил...

Стол меж тем был накрыт, и фирменная закуска «Медининкай» — ассорти из карбонада в окружении свежих огурцов, помидоров, зеленых листиков салата — выглядела в высшей степени аппетитно.

— Ну так что ж, Пранас, за наше знакомство, за встречу!

— Да-да, именно. За нашу чудесную встречу!..

Должно быть, Пранасу хотелось продолжить уже начатую тему — о чудесах. Да и обстановка располагала: подземелье, притушенная колпачком лампа, таинственный сумрак вокруг, отделяющий наш отсек от остальных. Он снова стал рассказывать.

— Недавно, знаете, по радио — зарубежная станция — сообщили о таком случае. Умер человек: клиническая смерть. Душа умершего, расставшись с телом, отлетела прочь. И вдруг услышала глас божий: ты, мол, хороший человек... А ему, господу, все о нас известно, у него все, как на кинопленке заснято. вся наша жизнь, каждого из нас... Да, ты, значит, человек хороший, поживи еще. Возвращайся. И душа вернулась, нашла свое тело. И стал человек жить себе дальше...

Другой случай — это уже не заграничный, не по радио. Ксендз — перед распятием — отпускал грехи. Подошел со смиренным видом человек. Но святой отец знал: на самом деле он грешен, что многое за ним водится, и не хотел ему отпускать. А грешник тот приходил уже не раз. Как вдруг все увидели: распятие протянуло вперед руку. То есть Христос сам простил этому человеку все его прегрешения. И тогда ксендз понял, как велика милость господня.

Выбравшись из гостеприимного подземелья, мы долго гуляли, сидели в цветущем сквере, следя за полетом стрижей — стремительным, неуловимым — в предвечернем синеющем небе. Ириша пристроилась рисовать по соседству, а я все слушал и слушал Пранаса. Как мне казалось, он с особым чувством, с каким-то внутренним волнением говорил о всеблагости, безмерном великодушии господа, приводя в подтверждение новые и новые истории.

Я слушал. Ничего не ставил под сомнение, не высказывал даже малейшего недоверия к рассказу, боясь ненароком обидеть этого милого, славного человека. Я хотел что-то понять для себя, в чем-то разобраться. Почему он так лег-

коверен? Все его случаи, истории — с чужих слов. Насколько они подлинны, соответствуют ли действительности — такого вопроса для него не существует, над этим он, как видно, особенно не задумывается. И собирает, копит. Зачем и почему? Потому что истории эти, как он сам говорит, укрепляют его веру? Это главное, надо полагать?

Я слушал про милость господню, а в голове у меня гвоздем сидела Аблинга, где мы с дочкой побывали еще раньше. Та самая Аблинга, расстрелянная и сожженная, о которой в Литве знает каждый.

На второй день войны ворвавшиеся в тихую и мирную деревню гитлеровцы учинили там зверскую расправу. Старики, женщины, молодая свадьба молили о пощаде. Но пощады не было. В последней своей надежде люди обращались к богу. Они тоже верили в его всеблагую милость. Уже под выстрелами, обливаясь кровью, они на вытянутых руках поднимали к небу детей: «Обрати свой взор, господи, защити!!!»

Теперь на месте уничтоженной деревни, на склоне Жвагиняйского кургана, впечатляющий, уникальный мемориал. Жители Аблинги, — вся деревня! — будто восставшие из пепла, из могилы, воскресшие в деревянных столбах-скульптурах. Скорбные лица, вопрошающие глаза, немой укор бесчеловечности, жестокости, злодейству. И эта надолго остающаяся в памяти сцена: уже сражен пулей отец, а мать держит над головой девочку...

Мы шли по узким улочкам Старого города. Время от времени Пранас показывал какую-либо достопримечательность, вспоминал связанную с ней историю, поверье. Потом мы шли дальше.

На углу возвышалась театральная тумба, залепленная афишами. Одна из них извещала: концерт в малом зале барокко. Бах, Гендель, Лист, Шуберт... Именно сегодня и даже в ближайший час.

— А где это — зал барокко?

— Недалеко отсюда. В бывшем костеле бонифратов. Теперь там один из концертных залов филармонии. Полгода назад открыли...

Через каких-нибудь тридцать — сорок минут мы уже сидели на мягких, белых стульях, любовались настенной росписью, искусно сработанной лепниной на сводчатом потолке. Уютный, небольшой зал с бережно сохраненными атрибутами прежнего костела как нельзя лучше подходил для таких вот собраний. Мы сидели и слушали музыку.

Сначала это был орган, он один. Мерное, медлительное шествие, торжественная мелодия, некое волшебное песнопение, проникающее в душу, властно берущее тебя в полон. Как сказал поэт:

Открылось небо над тобою,
ты слушал пламенный хорал.

Странное дело: та же, вроде бы, органная музыка, что и утром в «святой Анне», то же старинное многоголосие. Но здесь, в этой обстановке, в этой «светской» трансформации, оно кажется совсем иным. В нем и сила, и богатство красок, интонаций. И ч е л о в е к, образ человека — не коленопреклоненного, страждущего, молящего. Нет! Вполне уверенного в себе и своем праве на радость и счастье. Земное счастье.

Позже к органу присоединились скрипка, альт. А потом женский голос, может быть, самый красивый и приятный из всех женских голосов — глубокое, чистое меццо-сопрано.

— A-a-ve, Ma-ri-i-a!..

Чародей Шуберт. То был нам подарок, нам всем. Но особенно, думаю, Пранасу, который, наверно, по-своему понимал и чувствовал это пение, эти слова.

...Будь нам о-хра-но-ю свя-то-ю
и ти-хий сон нам нис-по-шли!..

Он сидел рядом, и я видел его лицо, взволнованное, по-детски беззащитное. Глаза Пранаса были полны слез.

Концерт ему очень понравился. Он был от него в восторге.

— Праздник с неба свалился. Как это прекрасно! Как это поднимает настроение, укрепляет дух. Это просто необходимо в нашей жизни. Классическая музыка, хорошие исполнители — божественно! Наше с вами знакомство, и этот чудесный вечер. Такая счастливая мысль — пойти на этот концерт...

По дороге сюда Пранас рассказывал, что видел как-то сон: костел бонифратов отремонтирован, и в нем снова служат мессы. Теперь, после концерта, я спросил:

— Так как же? Сожалеете, что сон не подтвердился?

Пранас серьезно взглянул на меня:

— Как вам сказать... Людям нужно и то, и это.

Каждое утро, как на работу, мы шли в Старый город, на маленькую треугольную площадь. Шли к «Анне». Дочка устраивалась рисовать, а я бродил вокруг да около, заглядывал в костел. Или читал где-нибудь в тенечке, под деревьями.

В один из таких дней, найдя себе удобное местечко, я сел и развернул газету. И тотчас был, что называется, атакован тремя вихрастыми сорванцами. Вооруженные рогатками, разгоряченные то ли боем, то ли охотой, они носились вокруг меня, стреляли, падали, что-то кричали.

На маленькой площади появился Пранас. В простых, рабочих брюках, с тележкой, специально приспособленной для уборки.

Я уже знаю, Пранас рассказывал: он убирает территорию возле «Анны». Бесплатно, так сказать, на общественных началах. Сам взялся за это дело: столько приезжих, гостей, должно быть чисто...

Издали машет мне рукой. Потом, закончив работу, подходит, садится рядом. Интересуется, не скучаю ли.

— Да нет, — показываю на орущих мальчишек, — тут не соскучишься.

— А-а, чудный народ! — просиял Пранас. — У меня самого двое. Дочь и сын, тоже школьники.

На правах знакомого я спросил — вопрос возник сам собой:

— А в костел ребят своих водите?

Пранас понял, в чем суть вопроса. Он вообще понимал все с полуслова, с полунамека. И, по своему обыкновению, стал отвечать подробно, откровенно.

Да, в костел его ребята ходят — когда есть время и желание. Он их не принуждает, предоставляет им такое право — ходить или не ходить. Но вместе с тем, как и другие верующие родители, говорит, что это хорошо — посещать храм, жить с богом в сердце. Хотя считает справедливой и иную постановку: дети еще не понимают, что такое бог, не могут понять. И не надо приучать их искусственно, внушать идею бога. Вырастут, сами решат, как им быть, как к этому относиться.

— Однако дома, Пранас, в своей личной практике вы такую постановку не приемлете. Отчего же?

— Когда родители берут детей в костел, они желают, — и от души, конечно, — желают им добра.

— Но ребята ходят в школу, а там, понятно, воспитывают по-другому...

— Да, конечно.

Получается: кто кого пересилит? А в детской душе — разлад: дома надо говорить и думать так, в школе — иначе.

Пранас все это отлично понимает. Как понимает, очевидно, что отсюда зачастую и неискренность, и двуличие, и стремление приспособиться.

Он вздыхает. Должно быть, мы вновь, как это уже случалось, подошли к какой-то трудно разрешимой для него задаче.

Сам он, хоть и всяко бывало, сумел сохранить душевную чистоту. Сумел, посчастливилось. А вот как его дети, удастся ли это им? Как пойдут они по жизни?

Сам он старался быть всегда честным. И прежде всего — перед самим собой, перед собственной совестью.

Давным-давно, еще в молодые годы, Пранас работал в детдоме, воспитателем. Это было вскоре после войны в небольшом местечке. Ребята очень разные, повидавшие много горя, на первых порах пришлось с ними трудно. Потом они к нему привыкли, даже привязались, конечно же, и он к ним. Но возникли другие сложности. Его подопечные обращались с вопросами, самыми разными. Насчет бога тоже. Сказать им: верю, мол, что бог есть, он считал себя не вправе. Другие пришли времена, учили теперь не так. Сказать, что бога нет, он тоже не мог, не хотел кривить душой, поступать вразрез со своими убеждениями. И он счел за благо уйти с этой работы, хотя и жаль, очень жаль, было расставаться с ребятами...

Мы встречались с Пранасом все дни, пока жили с дочкой в Вильнюсе. Он водил нас по городу, показывал не знакомые нам еще костелы — и те, что продолжают действовать, и те, что уже служат людям в каком-либо ином качестве. Удивительно, сколько он знал о каждом храме! И охотно, с увлечением рассказывал. Конечно, говорил и о себе, о своей вере, о том, как он ее понимает. Иногда это были довольно четкие логические построения, иногда отдельные, обрывочные соображения, высказанные как бы мимоходом.

Человек мыслит, у него есть душа, рассуждал Пранас, а она ищет возвышенного, ищет какой-то гармонии в мире, в отношениях между людьми. В самой себе наконец. И обрести ее, эту гармонию, помогает бог, помогает вера в него.

Но прийти к вере человек должен

сам, своим умом. Должен ощутить в этом потребность. Только тогда его вера будет истинной, и он найдет в ней удовлетворение, радость, покой, все то, что ищет.

К тому же, по мнению Пранаса, религия не мешает жить. Можно, и уповая на господа, быть полезным обществу человеком. Правда, он знает немало примеров, когда нерадивые люди прикрываются верой: я, дескать, молился... Это нехорошо, нечестно, говорит Пранас, прежде всего дело, труд на общее благо. Как-то при мне он раскланялся с прохожим, тепло ему улыбнулся. Пояснил: «Из нашего прихода. Вместе работали. Какой мастер, какой энтузиаст! Если бы каждый вот так на своем месте...» В костеле святого Николая указал на высокого, седого ксендза: «Очень уважаемый человек, люди специально приходят его послушать. Хорошо говорит о нашей советской стране, о любви к родине, о строительстве новой жизни, о том, что все мы должны быть активными участниками...»

Сам Пранас, по его словам, тоже всегда старался быть деятельным, активным. Перебрал, перепробовал немало разных профессий: танцевал в ансамбле, был гримером, работал в тресте зеленых насаждений — украшал город. Это помимо тех, о которых я уже упомянул. Теперь — «возраст, что ли?» — больше по душе работа тихая, свободный распорядок дня. Занялся уборкой улиц. У него два участка — возле костела святого Рафаила и на улице Горького. Территория возле «Анны» — это уж так, для своего прихода, некое внутреннее побуждение.

А может, дело и не в возрасте? Может, диктует потребность быть больше наедине с самим собой и своей верой, с думами о боге? Может, все-таки религия жить мешает?

В последний вечер я его спросил:

— Каким же вы представляете себе вашего бога?

— Он всем доступен,— отвечал Пранас.— Он добр, сама доброта, воплощение доброты. Но к нему тоже надо с добрым, чистым, открытым сердцем. Согласие, понимание, терпимость, душевное единение — вот чего хочет бог. И тот, кто к этому стремится, находит дорогу к господу. Словом, надо быть хорошим, честным человеком и тружеником, чтобы найти этот путь. И еще: надо быть убежденным в том, что бог существует. Вера должна быть истинной, настоящей. Только тогда эти поиски окажутся плодотворными.

Заключил он примерно так:

— Вообще же нужно добиваться еще более полного взаимопонимания тех, кто верует, тех, кто колеблется, и тех, кто не верит. Как хорошо, что мы живем в согласии и дружбе в нашей большой стране, где так много народов, наций, вероисповеданий. И мы добьемся, непременно добьемся, чего хотим,— построим счастливую жизнь для всех, построим коммунизм. И жизнь наша, хорошая здесь, на земле, продлится и там, еще более прекрасная, вечная.

— Вы в самом деле верите, что нас ожидает еще и другая жизнь?

— Да, верю. И это правильно, логично. Здесь люди живут по-разному, не всем удается достичь, чего хотели бы, на что могли бы рассчитывать. По многим причинам. Разве это справедливо? Все должно быть исправлено там, в другой нашей жизни. Иначе просто быть не может, иначе какой же смысл в том, что мы вообще появляемся на свет, в том, что с нами происходит.

— Откуда у вас такая уверенность, Пранас? Никаких же тому доказательств, никаких свидетельств. Наука, да просто человеческий разум этого не приемлют, не допускают.

— А, наука — я ее уважаю,— но она здесь ни при чем. И разум тоже. Такие истины познаются только откровением.

Какой живучий «аргумент», идущий еще от Фомы Аквинского, от его сверхразумных истин. Тех самых, что будто бы господствуют над сферой разума, здравого смысла, что вне пределов постижимого. Так сказать, высший род бытия, относящийся к области веры.

Подолгу беседуя с Пранасом, внимательно следя за ходом его рассуждений, стараясь их понять, я не раз мысленно удивлялся. Неужели этот умный, думающий человек не замечает шаткости, условности, иллюзорности своих представлений, своих взглядов? Или, может быть, дело в том, как он относится к такого рода иллюзиям? Как их понимает? А может, дело тут в жажде веры? В жажде неутолимой, всеподавляющей? Пранас хочет, очень хочет верить в некую высшую, неподвластную людям справедливость. Мне, правда, человеку неверующему, не совсем понятную. Для него это чрезвычайно важно: чтоб над людьми, над всем миром был некто мудрый, великодушный, вечный. Такое устройство жизни, как видно, больше отвечает его умонастроению, духовному складу. Возможно, ему больше по душе не реальность с ее напряжением, трудностями, борьбой, с ее порой нелегким счастьем, а иллюзия, некая взлелеянная мечта, надежда, пусть даже самая слабая? Или все это просто дань идущей от предков традиции, привычке? А может, дело тут в чем-то еще? Истина, как известно, не лежит на поверхности.

За время нашего знакомства я проникся искренним уважением к этому человеку. Но образ его мысли... Откровенно, мне бы очень хотелось, чтобы этот образ мысли претерпел изменения, и взгляд Пранаса прояснился. Чтобы он торопился быть счастливым, здесь, в этой нашей единственной, земной жизни. Вместе со своей семьей, своими детьми. Очень хотелось бы...

Мы прощались с городом. Прощались с «Анной». С нашим другом Пранасом Куцкой. Мы от души желали ему всего, что только можно пожелать человеку, к которому испытываешь симпатию, судьба которого тебе небезразлична.

Дочка рисует «святую Анну»

Всего сто лет, уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в феврале 1878 года

Мы считаем особенно любопытным и своевременным указать на факт, обнаруженный недавно одним процессом, происходившим во Франции, именно на существование в этой стране католической раскольничьей секты, напоминающей поразительным образом некоторые из наших раскольничьих толков...

Подобно нашим беспоповцам, они решили, что так как «настоящих» епископов и священников взять более неоткуда, то и самих духовных треб исправлять более некому, а потому их следует заменить простыми молитвами. Римской иерархии они не признают и единственным авторитетом своим считают священное писание. Иметь какое-нибудь отношение к правительству они считают грехом, потому что правительство это, признающее конкордат, — правительство еретическое.

...В последнее время во французской литературе появилось несколько исследований о наших русских раскольниках, и авторы этих исследований особенно настаивали на том, что противообщественный характер некоторых наших раскольничьих сект (духоборцы федосеевцы, бегуны и пр.) составляют отличительную особенность русского народного характера... Несмотря на органическое несходство православия с католичеством, оказывается, что в обеих религиях возможны секты противообщественного характера, в основе которых лежит убеждение, что господствующее вероисповедание уклонилось от своей чистоты...

«Голос»

Некоторые жители нашего города (Екатеринослава. — **Ред.**), преимущественно из интеллигентного класса, желая почтить память Н. А. Некрасова, возымели желание, чтобы в сороковой день его кончины отслужена была по нем панихида в одной из местных церквей. Так как устройство подобного рода панихиды требовало соблюдения известных формальностей, то заранее было получено надлежащее разрешение начальства. Начальник губернии с удовольствием изъявил на это согласие, а архиерей обещал даже сам служить. Говорили, что преподаватель русской словесности в духовной семинарии скажет слово о значении Некрасова как поэта вообще и народного поэта в особенности. 5 февраля утром в соборе собрался маленький кружок людей — ценителей таланта Некрасова. Они естественно ожидали, что после обедни отслужена будет панихида исключительно по Некрасову. Панихида действительно была отслужена, но не по Некрасову, а по убиенным и павшим на поле битвы во время войны, и только в конце, как бы для очистки совести, был помянут «недавно умерший раб божий Николай». Удивительное дело! Даже в таких вещах, как панихида, и по отношению к таким людям, как Некрасов, у нас опасаются действовать начистоту.

«Неделя»

ПОВЕСТЬ, предлагаемая вниманию читателей, посвящена духовному становлению личности. Герой повести, школьник-старшеклассник, ведет дневник, на страницах которого старается выяснить для себя суть и смысл таких нравственных понятий, как долг, честь, совесть. При этом автор не вводит нас в мир обыденной жизни подростка, он сосредоточивает все свое внимание на раскрытии его духовного поиска. Сергей Разин типичен. Правда, не в том смысле, что все или большинство 16-летних такие. Нет, они могут быть такими, а могут быть и другими, они разные, так же как и двадцати-, и сорока-, и 60-летние. Но в становлении их духовного мира, мира их нравственных ценностей есть ключевые вопросы, к решению которых так или иначе подходит каждый.

Следует иметь в виду, что перед нами не учебник по этике и не философская статья. Это повесть, художественное отображение живой мысли, попытка представить себе ход размышлений молодого человека. Думается, что попытка удалась. И хотя повесть не событийна, она дает возможность представить реальный характер ее героя — обыкновенного юноши, скромного, склонного к философскому осмысливанию того, что его окружает, стремящегося основательно разобраться в тех вопросах, которые его волнуют. Для юности — это черта характерная. Вместе с тем это — то качество души, которое следует пробуждать и воспитывать.

Замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский сознательно стремился к тому, чтобы его ученики-подростки становились «маленькими философами». Решение этой задачи он считал чрезвычайно важным для формирования правильного мировоззрения, для того, чтобы у молодых людей вырабатывались самостоятельный характер, самостоятельные суждения и, наконец, самостоятельная линия поведения. В этой самостоятельности Сухомлинский видел залог развития, роста человеческой личности. Способность и потребность выработать собственное отношение ко всему, «что видит подросток вокруг себя, особенно же способность мерить человека — это ступенька развития, которая в большой степени определяет новые мысли, переживания, тревоги, заботы подростка, кажущиеся учителю и родителям неожиданными» *,— писал Василий Александрович в одной из своих последних книг.

Повесть С. Соловейчика «Великий переучет» как раз и является попыткой в литературно-художественной форме показать рост человеческой личности. В ней многое для себя, для толчка своим мыслям найдет подросток. Много интересного найдут и взрослые, те, кто озабочен воспитанием юношества. Думаю, что с интересом прочтут эту повесть учителя и, безусловно, она может оказать пользу пропагандисту атеизма — в ней есть попытка показать, что же такое напряженная духовная жизнь без веры в бога.

Конечно, не все мысли Сергея Разина — авторские мысли. Мыслит, сомневается, ищет 16-летний мальчик. Автор вместе с героем пытается разобраться в жизненных противоречиях, но было бы наивно искать в повести окончательные, исчерпывающие ответы на все вопросы.

Сегодня педагогика стоит перед проблемой — научить учащегося думать самостоятельно. Как это сделать? Предлагаются разные методики — не будем здесь вдаваться в педагогические тонкости. Здравый смысл подсказывает, что для этого необходимо, во-первых, уважать собственную мысль учащегося (пусть она будет наивна, в некоторых отношениях беспомощна, противоречива, не во всем доказательна и еще много чего «не», но она — его собственная, им выстраданная, им для себя открытая). И, во-вторых, признавать право на возможную ошибку (думать безошибочно невозможно). Вот поэтому-то нельзя нам строго судить и Сергея Разина.

Сергей думает о мире, ищет в нем свое место. Он хочет многое знать, обрести идею, которая составила бы смысл его существования. Он ищет и свой нравственный принцип жизни, свое понимание существа нравственного, то есть человеческого.

* В. Сухомлинский. Рождение гражданина. М., 1971, стр. 69.

Повесть

С. СОЛОВЕЙЧИК

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕУЧЕТ

ВСЯКОГО РОДА ФИЛОСОФИЯ

Открыл новую чистую тетрадь, отогнул обложку, примял ее, чтоб не мешала, и странное чувство меня охватило...

А может, хватит? Может, пора перестать описывать мою жизнь, бросить это занятие, в котором я приобрел некоторую противную бойкость? Какой смысл в дневниках? Разве я и сам, без тетради, не помню любую подробность любого моего дня? Какая, в сущности, тоска — описывать незначительные события маленькой жизни!

Нет, дневник не нужен. Это ясно. Или не так. Дневник — но какой-то другой...

Словно проснулся в эти дни. Словно родился — не заново родился, а впервые, только что родился, не было меня вчера на земле, а сегодня — появился: «Здрасьте! Вот он я. Серега Разин!»

А может быть, человек на то и обречен — постоянно просыпаться? Живет, живет — и вдруг по какой-то причине, сам не зная отчего, он сбрасывает с себя оцепенение и оглядывается: «Где же я был прежде?» Но проходит время, и новая жизнь тоже оказывается сном, и опять человек, вздрогнув, просыпается, опять, недоумевая, смотрит вокруг и с трудом припоминает: «А что за сон я видел? Что там было, во сне?»

Значит, вся жизнь — постепенное пробуждение? Освобождение от сонного небытия, из которого мы появляемся на свет?

Вот что будет в этой тетради: всякого рода философия. Собрание домашних сочинений на свободные темы. На очень свободные темы. Так и назову ее: «Всякого рода философия». Мне надо размышлять о том, как жить, а не описывать всякие несущественные подробности. Пусть моя рука больше не напишет слов «вчера» и «сегодня». Только «завтра» — это единственное, о чем стоит говорить. Торжественно объявляю войну глаголам прошедшего времени! Ничего о том, что было, никаких подробностей, никаких «событий», никаких «я сказал» — «он сказал» и, тем более, «она сказала». Я хочу не исповедоваться, а причаститься... К чему причаститься? Не знаю.

Учиться размышлять, не уклоняясь в сторону. Думать упорно. Об одном и том же, часами, неделями, годами. Думать до головной боли! Избавиться от детских мечтаний, когда только задумаешься над чем-нибудь — и уже другое в мыслях, а там третье, и скоро оказывается, что ты не думаешь, а просто рисуешь в уме разные картинки. Нет, не мечтать, а вертеть мысль и так и этак, сосредоточиться на ней, превратить в нечто дельное.

Но откуда вообще берется мысль? Откуда берется возвышенная мысль?

Наверно, от размышлений на возвышенные темы.

Да, конечно, я понял: низ-

Журнальный вариант.

Сначала он приходит к простому выводу: если я верен своим убеждениям, поступаю по убеждению, мой поступок можно назвать моральным. Сергею кажется, что «теория верности» — его собственное очень важное открытие. Так ли это?

Да, человек должен быть верен своим убеждениям, не должен идти на сделку со своей совестью. Но можно ли считать это единственным и универсальным критерием нравственного? Ведь вор поступает в соответствии со своими воровскими убеждениями — но это же безнравственно. У Достоевского Раскольников убивает старуху в соответствии со своими убеждениями, но он же бесчеловечен. Стало быть, верности убеждениям для нравственности мало, хотя, что и говорить, отвратительно, когда люди думают и говорят одно, а делают прямо противоположное.

Мысль юноши ищет более определенные показатели, он начинает понимать, что человек должен сверять свои поступки со своим человеческим достоинством, с честью порядочного человека, с желанием творить добро и не делать зла. Ясно, что и убеждения человека должны быть нравственными. Люди ответственны не только за свои дела и поступки, но и за свои убеждения, свои помыслы, свои намерения.

Именно в этой связи вопрос о воспитании человека сейчас ставится как комплексная проблема — речь идет о воспитании целостной личности, способной к полнокровному развитию своих интеллектуальных, нравственных и физических сил, гармонической личности, умеющей жить высокими помыслами, с большим накалом страстей, постоянно проявляя свою добрую волю.

Для коммунистического человека нет идейности без доброты, а доброты без идейности. И то и другое — ценности, которые могут быть реализованы в труде на благо людей, в труде, приносящем радость. Труд таким становится только тогда, когда он вливается в жизнь органически и занимает в ней достойное место.

Человек живет тем полнокровней и радостней, чем активней удалось ему осмыслить и освоить тот мир, в который он входит, — мир отношений с людьми, мир чувств, мир сердечных пристрастий и сердечной озабоченности.

И когда Сергей Разин в конце повести приходит к мысли, что все его размышления не нужны, бесполезны, мне кажется, это можно объяснить только юношеской запальчивостью, максимализмом, естественным стремлением к действию. Но мы-то понимаем, что если бы Сергей не прошел путь размышлений и самоанализа, вряд ли он с таким нетерпением старался бы найти активную жизненную позицию. И конечно, однажды начавшийся плодотворный процесс духовного поиска у героя повести, надо надеяться, будет продолжаться всю жизнь.

Повесть С. Соловейчика показывает напряжение мысли, ее борьбу, работу духовных начал в человеке, рост и развитие именно тех сил, которые религия старается объяснить сверхъестественными мистическими причинами. Повесть атеистична в самой своей сути, и, вместе с тем, она одухотворена поисками идеи, нравственного кредо, активной жизненной позиции. На мой взгляд, это удачная попытка ответить на актуальные проблемы воспитания нового человека — человека твердых коммунистических убеждений и высокой коммунистической нравственности.

В заключение я хотела бы посоветовать читателям повести не пытаться «одолеть» ее за один вечер — это не простое чтение, но чтение, требующее особого расположения души, готовности размышлять вместе с автором и героем. Именно такое неторопливое, вдумчивое чтение поможет проникнуть в не совсем обычный строй повести, поможет лучше понять характер ее героя.

Т. САМСОНОВА,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института методов обучения Академии педагогических наук

кий предмет — низкая мысль. Высокие предметы — высокие мысли. Может быть, потому и привязывают духовное к идее бога, что бог, дух — это высокое, нематериальное. Но разве в обычной жизни нет высоких тем? Я понял сейчас, почему мне стали противны прежние мои дневники. В них разговор о мелком, а значит, низкие мысли...

Всякого рода философия. Заниматься такой домашней «философией» смешно? Пусть. Я должен научиться думать.

Но стоит ли тратить на это время? Ведь страшно подумать: пройдут десятки, сотни, миллионы лет, а я буду лежать там, в земле, оцепенелый... Руки мои, ноги, весь я... Вот рука — сейчас она держит перо и пишет... А потом? По сравнению с тем, вечным, миллиардным сроком — что эта моя маленькая жизнь? Глоток воздуха, передышка между двумя небытиями. Так что же, провести эту коротенькую жизнь, огрызок какой-то, а не жизнь — провести этот драгоценный огрызок в размышлениях о жизни? В философствовании? Какой в этом смысл?! Да если даже один день, один вечер профилософствовать, так ведь взамен этого живого дня и вечера — миллиард лет мертвых. Мой живой день — миллиард мертвых лет. Так неужели и этот миллиард растрачу впустую?

Как бы это лучше прожить мое живое время? «Чтобы умирая...» Да нет, мне неинтересно, что я буду думать, умирая. Важно, что я думаю сейчас, когда я живой, вот он, весь живой, каждым мускулом, и вот сердце мое бьется, и все — почки, селезенка, что там еще? Поджелудочная железа? И железа работает, все работает, и легкие дышат, весь я живой... Так что же я такое сейчас, как я живу этот свой день, эту свою минуту, равную миллиарду лет? Рассматривать прошлое, уже случившееся, все равно что глядеть в подзорную трубу с обратного конца. Попробуем обратить увеличительные стекла в будущее! Как жить? Как это все обставить получше, чтобы без истерики и паники, но и не поглупому, осмысленно? Думать или не думать? Вот вопрос, посложнее знаменитого «быть или не быть». Такого вопроса нет — быть! А вот как быть — думая быть или не думая? Сознательно быть или как попало?

Нет, этого вопроса тоже нет для меня.

Пусть тетрадь будет лабораторией. Может быть, в ней я добьюсь какого-то результата. Ого, мне нравится это слово — «результат»! Человек — существо мыслящее, говорящее и действующее? Согласен, при условии, что слово ведет к результату, действие — к результату и мысль — мысль тоже с результатом. Какое расточительство — иметь ум и не пользоваться им!

Нет, я неправильно написал. Не всякого рода философия, не все, что в голову придет, а переучет. **Великий переучет.** Все, что есть в моей душе, вытряхнуть, разложить, учесть и составить список наличных ценностей и недостач... Отойдите от меня, я закрыт на переучет!

О НАЧАЛЕ МИРА

Как хорошо быть новичком! Прийти в компанию, где ни одного знакомого; на улицу, где никогда не бывал; рассматривать непонятные книги; какую-нибудь «Магнитную гидродинамику».

Если бы я стал заниматься философией всерьез, я попытался бы развить «философию начала мира». Ее постулаты? Пожалуйста.

Мир только начинается.
Каждый день — день
рождения.

Властители мира — новички.

Ну, и так далее. Да и весь наш мир — разве он не новичок? Разве он не попадает все время на неизвестную улицу? Сейчас людям кажется, что мир стар, а миллион лет назад был молод. Но ведь и миллион лет назад у людей было точно такое же ощущение.

Мир всем и всегда казался старым. Может быть, из этого как раз и следует, что он всегда молод? Старость его — иллюзия, молодость — реальность. Мир всегда в начале мира.

Я сейчас лягу спать, утром проснусь, и в каком мире я проснусь? В новом. В самый первый его день!

Мир уже «готов»? В мире все было, все установилось, все сказано? Нет!

Я не могу объяснить этого, но у меня предчувствие, что сейчас и вправду начинается новая жизнь. Где-то она таится, не видна на поверхности, я не мог бы назвать ее приметы. Я просто чувствую ее. И надо быть на уровне той, новой жизни, в нее войти, а не в старую. Не ошибиться поездом!

Вчера пришлось оторваться от тетради. Философия — философией, а мусорное ведро, простите, выносить надо, и с Алешкой заниматься надо — сам он ни за что за уроки не сядет, а ведь уже в третьем классе... Передаю ему богатый опыт десятиклассника и внушаю гениальную мысль: учиться очень легко, если учиться! Сижу с ним, а сам думаю о своем. Твержу себе, что надо научиться постоянно думать об одном и том же. Вчера подумалось так — а сегодня? Может быть, мысль к утру захиреет, повернется своим глупым боком? Некоторые люди выглядят очень умными, если смотреть на них спереди, а профиль у них глупый.

Новый день пришел и прошел. Смотрел и думал: как же так — все новое? Откуда я взял — ничего окончательного? Что за комедия — новый мир, начало мира? Посмотри, говорил я себе, как все прочно устроено, заведено, как все крепко сбито, сколько всего понастроено, и дороги проложены, укатаны, асфальтированы. Все улицы покрыты асфальтом — где новые пути? Какой-то бред, легкомысленная фантазия...

И все-таки — все-таки мысль пережила этот день, хотя с трудом. Все-таки я смотрю на все другими глазами.

Ах, только бы скорее начиналась действительная жизнь! Надоели все эти полузнания, полузаботы. Рукава засучены, руки чешутся. Я знаю то, чего никто не знает: мир такой же новичок, как и я сам. Мы с миром сверстники, мы с ним легко договоримся.

О ВОЗРАСТЕ

А не странно ли, что видимая мною действительность отличается от действительности всех знакомых мне людей тем, что меня в этом мире — нет? Любой человек может встретить меня на улице, а я не могу. Любой может позвонить мне по телефону, а я не могу. Пробовал набирать свой собственный номер: занято. Единственный человек на свете, до которого я не могу дозвониться, это я сам! Меня нет в окружающем мире, я себя не встречал ни разу. Все могут узнать меня по голосу, а я своего голоса не слыхал! О всяком человеке я могу думать, держа в голове еще и других людей. Но стоит сосредоточиться на себе, как все остальные мгновенно выпадают из сознания. В точном смысле слова «короткое замыкание»!

Рисунки В. Кауфмана.

Интересно. Пять минут назад я не понимал этого.

Мир и люди — вот они, и они прекрасны. А я? Почему я все время забываю, что я живой? Или это особенность многолюдного и суматошного города — человек теряется в нем и теряет себя?

И все равно я есть, есть, есть!

Но только в странном состоянии я существую. Никакое другое время жизни не определяется в такой степени возрастом, как мое. Тридцать лет человеку или пятьдесят — безразлично, он вспоминает об этом раз в году. А если ему нет шестнадцати — ему напоминают об этом каждую минуту...

И вот, раздумывая, я прихожу к выводу, что, по всей вероятности, я нахожусь сейчас в самой значительной точке жизни. В каждой жизни таких точек три: рождение, взросление, смерть. Рождение и смерть от меня не зависят. Но взросление, второе рождение, воз-рождение — эту операцию я должен провести вполне сознательно!

Но что это значит — «возраст»? Чем отличаются 16 лет от 18 или 20?

Вот, наверно, мера всякого возраста: ожидание. А что — ничего! Если развить этот взгляд, то можно оторваться наконец от паспорта, от количества лет. Возраст ведь не количественное состояние, не годами исчисляется, а вот чем — надеждами. Чем больше ожиданий, тем моложе человек! В этом смысле юность — рай. Ведь главный признак ада — принципиальная невозможность на что-нибудь надеяться, о чем объявлено с мрачной прямотой: «Оставь надежду, всяк сюда входящий»... Адское существование отличается тщетностью любых усилий: никакой надежды!

А мы полны предчувствий, ожиданий и надежд.

Это по глупости? Большая часть моих надежд не сбудется? Прочь, скучные пророки! Я обязан надеяться! В этом, если угодно, мой долг. Быть может, в этом и состоит роль юности — пополнять мир надеждами!

А хорошо бы корректировать свою сегодняшнюю жизнь по будущей. Сделал такой-то шаг, такой-то поступок, заглянул в зеркало будущего и увидел себя ожесточенным и усталым. Значит, опасный шаг! Быстрее исправлять! Какой промах природы — не позаботиться об устройстве обратной связи между человеком и его будущим!

О БУДУЩЕМ

Все-таки нам повезло: мы можем читать Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова — в подлиннике, на русском языке. Родился бы я французом или немцем — и что же? За всю жизнь не прочитал бы Чехова по-русски. Чехов для меня — свидетель. Да, так я его на этот раз воспринимаю — беспристрастный свидетель на процессе века, вернее, на процессе двух веков. Судятся век нынешний и век минувший — который из них лучше? Такой суд необходим. Как вывести достоверное суждение о нашем времени, если мне не с чем его сравнить? Суждение без сравнения невозможно.

И вот передо мной картина, созданная авторитетным свидетелем. Не доверять Чехову я не могу.

Выходит, что и сто лет назад люди точно так же, как и сегодня, говорили о важности науки и точно так же говорили они, будто наука отживает свой век и становится предрассудком (а сегодня эту мысль выдают за новейшую и моднейшую). И точно так же сетовали на то, что молодежь измельчала — все, вроде бы, то же самое.

Но главное для Чехова и его времени — скука.

Я не подсчитывал, а надо бы подсчитать, как часто встречается у Чехова слово «скука». У него скучают все, о ком бы он ни писал, — гробовщик, княгиня, помещик, актриса, ссыльный, художник, ученый — всем скучно, все видят вокруг себя только скуку, все изнывают от скуки и не видно ей конца... Всем скучно и всегда скучно!

А не так ли и во всей русской литературе прошлого века? «Деревня, где скучал Онегин...» — у Пушкина, «Скучно на этом свете, господа!» — у Гоголя, «Скуки ради» — у Чехова... Да, еще у Лермонтова: «И скучно, и грустно...» И у Блока в «Двенадцати», уже в нашем веке — последний, истошный крик: «Ох ты, горе горькое! Скука скучная, смертная! Скука!»

Скука смертная. Скука — смерть. В бедности, в богатстве, в деревне, в городе, всюду

— скучно! Вот свидетельство, и кто оспорит его?

Чехов же и ответ дает — как уйти от этой смертной скуки. Я и не знал прежде, что он философ, что все его последние рассказы — философские. Вот он, ответ, выписываю из «Скучной истории»:

«В моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного, нет того, что называется идеей или богом живого человека. А коли нет, то, значит, нет и ничего».

Без идеи нет ничего! Скука! Пустота!

Понятно, понятно... поэтому герои Достоевского и Толстого почти никогда не скучают. У них были идеи — пусть спорные, пусть странные, пусть страшные, как у Раскольникова, а все-таки идеи! Но это — у единиц. А в основном — скука, желтая скука...

Вот что, в частности, дала революция, вот ее драгоценный подарок: найден выход из этого смертного тупика, и впервые у каждого человека появилась **возможность** жить с общей идеей!

Эта общая и вместе с тем практическая, то есть и высокая, и жизненная идея — идея коммунизма, другой нет. Разве что идея бога, но ее уже и для Чехова не было, Чехов в бога не верил. Как бы она ни была возвышенна, идея бога не может привести хотя бы к тому, например, чтобы люди все работали и хоть когда-нибудь жили в достатке. Она на это и не претендует. Если бы я верил в бога, может быть, мне было бы и хорошо, нашел бы какое-то утешение, какую-то «идею». Но голодные-то остались бы голодными! Что же — отвернуться от них? А кто устроит их жизнь, кто объединит их?

И вот, размышляя, я должен сделать вывод: единственная стоящая общая идея — это идея коммунизма. Идея коммунизма — основная ось нашего, XX века. Вот это мне надо научиться понимать!

ОБЩАЯ ИДЕЯ

Попробую разобраться, что же это такое — «общая идея».

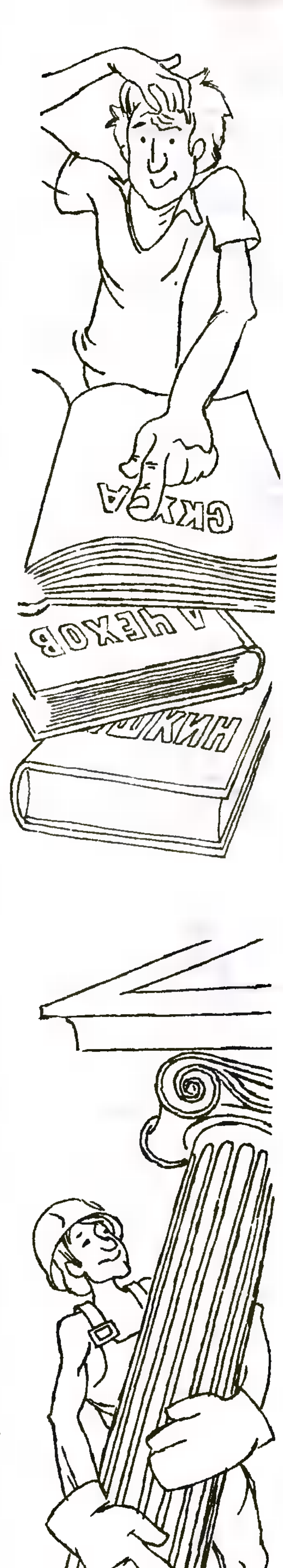
Идея, тем более общая — это идеал.

В чем мой идеал?

Случайно напал на точную мысль. Именно: «В чем мой идеал». Не «кто», а «в чем». Мой идеал не человек, а образ жизни. Идеальная жизнь вокруг меня, для всех, лучший из мыслимых образов жизни. Не идеальный человек, а идеальный мир.

Кажется, я набрел сейчас на что-то очень важное, на какой-то решающий принцип... Но не будем отвлекаться! Сосредоточенность!

Итак, мой идеал — не образ человека, а образ жизни. Этот

искомый образ жизни — коммунизм. Почему? Потому что богатство приходит — ого, как интересно! — не от того, что хорошая техника (вернее, не только оттого), а оттого, что все люди без исключения хорошо работают, полностью выкладываются. Источник богатства не машина, а человек! Вернее, человеческое братство. Без общего братства нет общего богатства!

Но что значит «хорошо работают»? И при капитализме люди хорошо работают. А это вот что: не просто работают, а все время стараются улучшить свою работу и всю жизнь вокруг. А когда люди вот так стараются, у них, естественно, сами собой развиваются способности. И так каждый человек раскрывает себя, становится лучше, чем был прежде, становится «максимальным» человеком — в том смысле, что проявляет максимум своих духовных, душевных и физических сил.

А вот это и есть цель коммунизма, вернее, для того и нужен коммунизм — чтобы каждый человек раскрылся, развил свои силы. Тогда он становится красивым человеком и вся жизнь его красива. Красивое общество красивых людей. И никакой скуки, ни для кого!

И вот что еще хорошо, еще одно прекрасное следствие: у всех людей будет чистая совесть! Никто не исключение, ни у кого нет привилегий на развитие, ни материальных, ни духовных привилегий, и можно будет пользоваться богатством с чистой совестью, не страдая от того, что кто-то живет в темноте и нищете. Коммунизм — это общество людей с чистой совестью, единственная возможность жить в полном достатке, оставаясь до конца честным!

Значит цель — не благосостояние само по себе, а такое, которое ведет к развитию духа. И цель — не усовершенствование (какое длинное слово!) нравственности, а такое развитие, которое ведет к богатству.

И одно без другого не существует, не может существовать!

Ведь коммунизм — это полная свобода для каждого человека, а как может существовать свобода, если не все люди живут с «общей идеей», с идеалом? Ведь что-то же должно всех соединять!

Свобода без идеала — всеобщий разброд и смертная скука.

Идеал без свободы — мечтание, пусть и прекрасное.

Жизнь с идеалом и свободой — вот настоящая жизнь!

Причем она недоступна для кого-то одного или отдельной группы людей. Она или для всех или ни для кого!

Потрясающая мысль пришла сейчас в голову.

Ведь обо всем этом — о свободе, идеале, добре и зле, о духе и материи — обо всем этом люди думают и спорят тысячелетиями. Говорят же: «вечные вопросы». Так что же, не думать о них на том основании, что люди и поумнее меня прежде думали и ни к чему не пришли? Нет! Наоборот! Именно потому, что это вопросы «вечные», мы обязаны, я обязан думать о них, ибо те, прежние, умерли, их нет, а мы — живые, и, значит, наша очередь думать над этими же самыми вечными вопросами. Если мы не станем думать («бесполезно», «надоело», «не мое дело») — мы будем предателями, не выполним своей роли живых людей, предадим страдания и мучения прежних поколений. Словно те строили пирамиду или лучше сказать— храм, довели его почти до конца, а мы пришли им на смену и говорим: «А зачем, собственно, нужен этот храм?» И прекрасное здание, на которое столько сил и жизней положено, стоит недостроенное, разрушается, рассыпается в пыль. Это просто нечестно — не думать над вечными вопросами!

Но главная моя мысль, главный результат — я чувствую его! — даже не в этом, а вот в чем. А может быть, все эти вечные вопросы и неразрешимы до конца, пока не построено общество свободных, развитых людей, людей с идеалом и чистой совестью? То есть наверняка они неразрешимы, потому что пока в реальности не достигнут идеальный образ жизни для всех, наши представления в чем-то неправильны или ограничены. Мы пытаемся найти идеальные решения для неидеальной жизни, а это невозможно!

Выходит, построить коммунизм — это и значит решить вечные вопросы, над которыми бились люди, вот что получается. Их не только «умом», чистым размышлением надо решать, никакой ум с ними не справится, их надо решать в жизни!

Итак, вот моя общая идея, которая связывает воедино все мысли, чувства, желания, представления, цели, поступки. Стоит ли для нее, для этой общей идеи жить? Стоит! Скучно ли с ней жить? Нет. Наконец, осуществима ли она? Да, потому что она научна. Не я ее тут в тетрадочке придумал, великие умы над нею бились.

Если бы кто-нибудь стал со мной спорить, я спросил бы:

— Ты можешь жить без общей идеи?

— Нет.

(А скажет «да, могу», то нечего и спорить с таким человеком, тоска.)

— Хорошо, не можешь. Какую же ты знаешь другую общую идею, ради которой стоит жить и которая способна помочь жить всем?

Вот и весь спор.

ВТОРАЯ ОСЬ

Общая идея — вот одна ось времени. А вторая координата?

Опять-таки надо сравнить, чтобы понять. Сравнение же простое. В прежние века было «науки юношей питают, отраду старцам подают...» А теперь не об отраде речь и не о питании юношей, теперь без науки — нищета.

Вот в этом суть. Ученые всегда были, и наука развивалась всегда, и всегда мир изменялся («Дорогая, мы живем в изменяющемся мире», — сказал Адам Еве, когда их прогнали из рая), — но вот мышление людей меняется!

Нет, и это неверно. Мышление тоже всегда менялось.

Сейчас подумал: корень НТР надо искать опять-таки не в машинах, пусть даже в электронно-вычислительных, а в людях! Становится значительнее роль, и вес, и ценность ума, «мозгов»... Нет, неточно. Становится значительнее роль...

Никак не найду.

Нет, не в уме дело, ум всегда ценили или, во всяком случае, давно стали ценить.

А, понял — меняется роль интеллигентности!

Что такое интеллигентность? Интеллигент — человек, который стремится к самому высокому уровню. Во всем: в общем своем развитии, в своих профессиональных умениях, и в отношениях с людьми. Убери хоть одну из этих составляющих, и перед нами кто угодно, только не интеллигент.

Так, понятно. Понятнее стало, к чему стремиться. К интеллигентности! Кто сегодня человек? Ну, конечно же, — ускоритель революции, всякой: социальной, научной, технической, культурной, духовной!

Кто же может реально ускорить революцию? Человек с высокой общей культурой, с высокой профессиональной культурой, с высокой культурой человеческих отношений и — обязательно с «общей идеей». Такой человек все может.

ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРИБОР

Дайте мне измерительный прибор, чтобы я мог точно отличить правду от неправды, хорошее от дурного, честного человека от нечестного! Что было бы с наукой, если бы физиков вдруг лишили всех их метров, гальванометров, манометров, омметров, потенциометров и так далее? Да они плюнули бы, физики, на свою работу, разбежались бы из лабораторий и подались бы в лирики. Что, собственно, отличает «физика» от «лирика»? Только измерительные приборы. У физика они есть, а у лирика нет, и в этом вся разница. У лирика один-единственный измерительный прибор — его сердце. Но прибор ничего не измерит, его можно отдать в металлолом, если нет эталона, по которому этот прибор устанавливается. А где эталон человеческого сердца?

Наверное, в искусстве. Пушкин, Толстой, Достоевский — вот эталоны. Вернее, они все вместе и с ними еще десятки имен и составляют искомый эталон. И так было всегда, еще до изобретения бумаги, книгопечатания и вообще письма. Когда Гомер пел свою «Илиаду» на греческом базаре, если только он пел на базарах, что он делал? Он привозил и демонстрировал людям эталон человеческого сердца, чтобы все могли сверить свои сердца, как сейчас сверяют часы.

МОРАЛЬ

Почти две недели прошло, а тетрадь лежит... Если так будет продолжаться, из моей идеи «Великого переучета» ничего не выйдет, и придется мне потом опять мучиться и ругать себя. Не отступать! И не бросать ни одной мысли, пока не додумаешь ее до конца. Отучить себя от куцых мыслей!

Начнем рассуждать так.

Я пришел на пригородный вокзал, дал кассирше 50 копеек и жду билета. А она билета не дает и, мало того, утверждает, что никаких денег не брала. Я возмущен, я кричу кассирше: «Обманщица!»

Но предположим, я подошел не к кассе, а к автомату. Сунул в щель драгоценный мой полтинник, жму на все кнопки, стучу по железному ящику кулаком — ни билета, ни ответа. Только привет — привет полтиннику! Что делать? Стучу, рычу, исхожу злостью и возмущаюсь, но мне и в голову не придет кричать автомату, что он вор и обманщик. Автомат не может быть вором, даже если он оберет меня до ниточки. Я не могу сказать, что он поступил неморально. Он просто испорчен, и мне не повезло. Мораль тут ни при чем. Слово «мораль» относится только к тому, кто имеет выбор, кто сознательно выбирает поступки. Сумасшедший в смирительной рубашке не совершает дурных поступков, но про него ведь не скажешь, что он «морален». И раб не может быть моральным или аморальным, в том, в чем он не свободен.

Тот, кто честен из трусости или потому, что он — как автомат, тот вовсе не честен.

Что ж, это кое-что проясняет. Но только кое-что. Это дальние подступы. А что же все-таки морально? Что хорошо и что плохо? Где «измерительный инструмент»?

А может, мораль — это вроде игры? Смешно спрашивать, например, откуда взялись правила игры в прятки или в подкидного дурака. Можно считать, что они всегда были и всех устраивают. По крайней мере, до той поры, пока все строго соблюдают их.

А если один соблюдает, а другой подсматривает в чужие карты?

Я новичок, я хочу вступить в игру. Я прошу: объясните мне правила. Объясняют; начинаем играть. Я все время проигрываю. Сначала мне кажется, что я проигрываю по неопытности. Я начинаю что-то подозревать, приглядываюсь к партнерам и вдруг замечаю: они играют совсем по другим правилам! По их правилам, например, можно и даже необходимо жульничать. Кто кого обжулит — тот и молодец, потому что выиграл. Сделав это открытие, я кричу: «Да ведь вы же не по правилам!» Мне говорят: «Как не по правилам? По правилам. Кто кого обжулит, тот и выигрывает».

«Но мне объявляли совсем другие правила!» — кричу я в возмущении. «А это уж твое дело, не будь дураком». — «Выходит, мне подсунули не те правила?» Смеются. Это хорошо еще, если смеются, а то ведь могут продолжать уверять меня, будто я и впредь должен играть по тем, неверным правилам...

Вот ведь какое дело. Но что дает мне это рассуждение? Ничего. Ах, нет, не так! Чтобы вырваться из этой путаницы, надо поставить вопрос по-другому: а что считать выигрышем в жизни?

Всегда, когда мерцает решение задачи, сначала появляется какое-то томление. Надо передохнуть и собраться с мыслями.

Нет, мне вовсе не обязательно решить все мировые вопросы самому, непременно самому. Возьми любой учебник этики — и там все про все написано, и про мораль, и про счастье, и про любовь — про что хочешь. Но для них, для ученых, мораль, счастье и любовь — это научная проблема. А для меня это жизнь. Мне надо все обдумать не для науки, а для себя. Почему «надо»? Разве

всем надо? Конечно, всем, но только это такое подспудное, спрятанное, что о нем никто не говорит вслух и потому никто и не подозревает, что и другие, что и все мучаются. Лев Толстой сказал вслух, что вот он мучился и мучится, и все стали говорить и писать: «Лев Толстой мучился над вопросами жизни». Просто потому, что он признался в этом. Но если бы он на самом деле был единственный, то он был бы не Лев Толстой, а сумасшедший. В том-то и дело, что каждый, каждый без исключения, человек, я уверен в этом, мучится и бьется над «проклятыми» вопросами, и никакая наука, никакой Лев Толстой не могут заменить мне эти мучения или облегчить их. Точно так же, как Лев Толстой не может быть счастлив за меня, так же не может он быть и несчастлив вместо меня. Я сам должен быть и счастлив и несчастлив, иначе эти слова теряют смысл.

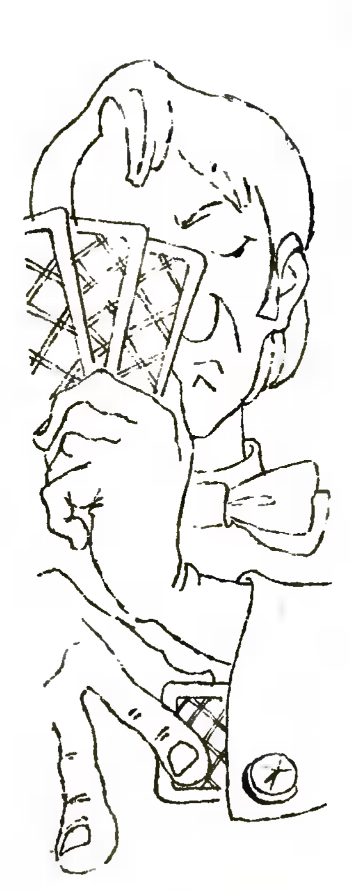
ВЫИГРЫШ И ПРОИГРЫШ

Проявлю упрямство и продолжу свое размышление. Речь шла об основаниях морали, и я подобрался к мысли, что «правила игры» у людей могут быть разные. Одни выигрывают, другие проигрывают, но непросто разобраться в том, что считать выигрышем и проигрышем в жизненной игре.

Выигрыш — получение какой-то ценности. Чтобы судить о выигрышах и проигрышах, надо иметь некую шкалу цен. Естественно, если у моего партнера иная школа, чем у меня, у него будут другие представления о ценности.

Значит, абсолютных ценностей не существует? И надо лишь определить, что ценно для меня и для общества? Не попаду ли я в круг банальных истин? Нет, так я никакого результата не получу.

Всегда у меня: строишь, строишь, а выходит нечто совершенно банальное. К тому же я только отодвинул решение, а не приблизился к нему. Моральные мерки не могут быть металлическими метрами — приложил, отмерил, а что в излишке — то грех. Если есть точное перечисление грехов, то человек лишается возможности судить о поступках: ему остается сравнивать поступок со списком. Но тогда человек и не нужен, такое сравнение произведет машина. Вместо совести можно поставить маленькую ЭВМ или включаться в общую сеть вычислительных устройств. Но все, что в принципе может сделать машина, не является человеческим. Наверно, электронно-вычислительные машины для того и появились, чтобы полностью высвободить в человеке человеческое, сорвать маски с механичности, подделанной под человеческое.

Что же человеческое лежит в основе морали, такое, что недоступно машине-автомату и связано со свободой выбора? Ах, вот оно что... Выбор! Не шкала, не прейскурант в основе, не список, не мертвое, а живое. Поступок, выбор!

Я вспомнил, к чему подбирался в прошлый раз, и даже волнение ощутил, да потом увлекся другими рассуждениями. Ну-ка, попробуем.

А может, выбор и есть нечто фундаментально-основное, что лежит в основе всех «прейскурантов»? Главный признак моральности?

Какой же выбор? Между чем и чем?

Ура, я кажется нашел... только не спугнуть мысль. Вот она.

Что привлекает людей всегда, при всех обстоятельствах?

Верность!

Что отвратительно всегда и для всех?

Предательство!

Даже чужое предательство отвратительно...

Так нельзя ли вообще все «моральное — неморальное» определить через понятие «верность»? Взять в качестве измерительного инструмента слово «верность»? Всякий поступок, который человек совершает, оставаясь при этом верным, из побуждений верности, — всякий такой поступок морален. А поступок, в котором заключена хоть капля неверности, измены, предательства, — аморален.

Но получится ли?

Посмотрим.

Итак, если я верен убеждениям, поступаю по убеждению, мой поступок всегда можно назвать моральным. Хотя бы с чьей-то точки зрения, потому что мораль разная. У капиталиста одна, у рабочего другая, у вора третья. Слово «мораль» вообще нельзя употреблять без определения: коммунистическая, буржуазная... Но в основе всякой морали — убеждения, что-то такое, чему надо быть верным.

Убеждения меняются? Что ж! Введем правило: «Можно изменить убеждения, но нельзя изменить убеждениям». По-моему, очень хорошее правило. Вот здесь-то и человеческое, здесь отличие от машины. Перемена убеждений — долгий, мучительный процесс. Вор становится честным человеком. Меняет мораль. Легко ли? Сомнения, страдания. Много событий должно произойти, чтобы изменились убеждения! И само это мучение, сами эти страдания хотя бы отчасти искупают тот грех аморальности, который есть во всякой измене и перемене взглядов. Но эта перемена доступна человеку, а машине нет.

А если человек легко меняет свои убеждения?

Значит, у него вовсе нет их, потому что в самом понятии «убеждение» заложено представление о прочности, стойкости. Такой человек и есть аморальное существо. Его поступок никогда нельзя предсказать, он не знает **верности.**

Нет, это мое рассуждение никуда не годится, и «верность» ничего не объяснит, если не ввести уточнение. Все дело в том, чтобы не изменять высшему — высшему долгу, высшей цели. Истинно морально то, что приближается к высшей морали!

Многие революционеры были из дворян. Но они действовали против дворянства. Изменили ему? Да! Ради чего? Ради всего народа. Дворянство — часть, а народ — целое. Они изменили дворянству ради всего народа. Это более высокое. Если человек изменяет части ради целого, низкому ради высокого, он совершает высокоморальный поступок. Если же наоборот — это аморальный поступок. Человек, который предает себя ради семьи — моральный человек. Родину или общее дело ради семьи — аморальный.

Я перебрал сейчас в уме с десяток «острых» примеров: измена в любви, Анна Каренина, воровская шайка — все получается. С точки зрения «теории верности» можно многое объяснить. Теория работает!

И вот хороший признак ее работоспособности: из нее можно делать неожиданные выводы. Например, сейчас подумал — вывод о верности смыслу дела.

Попытаюсь сформулировать, что это значит.

Ах, черт, никак не дается.

Ну, примерно так.

У каждого дела есть свой смысл, и в то же время оно, это дело, может быть средством для достижения какой-то другой цели. Радости науки — в науке, но можно заниматься наукой, чтобы сделать карьеру.

Так вот, если я занимаюсь наукой потому, что люблю заниматься наукой, — это морально. И если я занимаюсь наукой, чтобы принести пользу людям — это морально (потому что свойство науки — приносить пользу). А если я использую это занятие для чуждой ему цели, для карьеры например, это аморально. Я предаю науку, а всякое предательство... и т. д.

Если я ухаживаю за девушкой, потому что люблю ее, это морально, если для выгодной женитьбы — не морально.

Если я занимаюсь общественной работой потому, что она доставляет мне удовольствие, — это морально. Если для характеристики — аморально.

Кажется, я нашел универсальное средство и могу ответить на любое «что такое хорошо» и «что такое плохо»!

Да здравствует Сергей Разин, изобретатель «теории верности»!

Но неужели никто до меня не додумался до такой простой вещи? Нет, этого быть не может. Да я и сам без рассуждений отличаю подлый поступок от благородного, и все различают. Просто стал ясен механизм различения, а это уже кое-что.

О ЧЕСТИ

Да, вот что придает нам мужество, вот что нас держит, я понял: чувство чести. И струсил бы, да не можешь. Честь даже Грушницкого на дуэль потащила.

Но откуда появляется у человека чувство чести?

«Незапятнан» — вот слово-разгадка. Ни разу не оступился. Никто не может сказать обо мне дурного. Значит, мне можно доверять. Но это и меня бережет от дурного поступка: отец, дед не совершили ничего дурного, все честны, все берегли честь, а я ее потерял? Поэтому так держались люди за фамильную честь, за честь семьи.

А ведь и в самом деле, человек должен принадлежать к какому-то сообществу людей и поддерживать его честь. Без этого он вроде сирота. Сиротское чувство одиночества, необязательности, случайности. Случайно родился, случайно умрет, вне связи с предшествующими и последующими людьми. И как такому доверять? Известно ли ему чувство чести? У людей есть основания сомневаться в этом. Пушкин посмеивался над теми, кто очень уж кичится незнатностью рода, и выписывал свою родословную. Даже ему была нужна семейная честь, даже ему было мало того, что он — Пушкин.

Да, у человека может быть и собственная честь, но ему легче держаться прямо, если он бережет честь рода и народа. Честь связывает нас, лишает свободы — но какой свободы? Свободы совершать дурные поступки. Но зато честь дает нам возможность гордиться. Сам я ничего особенного не совершил — а все же горжусь отцом, семьей, страной. Честь дает гордость даже незначительным людям, «посредственностям», и в этом тоже ее смысл, это справедливо.

Но возьмем совсем «маленького» человека, человека без родословной. Что у него, меньше предков, чем у какого-нибудь князя? Да ни на одну единицу не меньше! Чем-чем, а предками никто не обделен, никто не появился из пустоты и никто не может похвастаться перерывом в череде поколений, приведшей к его рождению. Может, все те, прежние, безвестные поколения были только подготовкой к тому, чтобы появился я, появились мы; может, там накапливались какие-то генетические силы, способности — и все это передавалось мне, нам, и они все вместе, из своих могил (священных могил предков) смотрят теперь на меня с надеждой?

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ГЛУПЦОВ

О, эту пошлость я уже слыхал и не раз: дескать, жизнь жестока, и кто в ней не подлец — тот глупец.

Я не согласен. Ни с чем не согласен! Ни с тем, что люди разделяются на подлецов и глупцов, ни с тем, что я при этом делении глупец.

Хотя нет, почему же?

Сейчас подумаю...

А был бы какой-то суд... Вне времени и пространства... И в нем не прокурор, не судья, а защитник. Добровольный адвокат. Ведь есть же добровольные сыщики, вроде Шерлока Холмса? Почему не быть и добровольному адвокату?

Итак...

Господа судьи! Господа присяжные заседатели!

Люди и джентльмены!

Наш процесс начался не на этой неделе — он идет от века; процесс ведется не в этом зале — он всюду и везде, где сталкиваются глупец и подлец; но где они не сталкиваются? Утверждается, что в мире существуют только два типа людей, а именно — глупцы и подлецы. Понятие «честь», «доброта», «жалость» и «стыд» здесь пытаются объявить устаревшими, они изгоняются из обиходной речи. Как заявил адвокат противной стороны, «тут нечего обсуждать», и на мой вопрос, значит ли это, что он зачисляет себя в категорию подлецов, мой коллега, не вздохнув, не покраснев и нимало не смутившись, а, наоборот, с вызовом и даже с гордостью ответил: «Разумеется». Подлость перешла в наступление, подлость перестала стыдиться, подлость в открытую заявляет: «Кто не подлец — тот глупец».

Таков конфликт. Всякий, кто заботится о чести, кого грызет совесть, кто испытывает жалость, кто знает стыд, — всякий человек такого рода объявляется глупцом, идиотом; утверждается, что ему нет места в этом мире. Напротив, всякий, кто может сегодня, не моргнув глазом, говорить обратное тому, что говорил вчера, кто умеет промолчать, выгодно устроиться, кто за версту чует, что выгодно, а что невыгодно; кто льстит полезному человеку и равнодушно проходит мимо бесполезного; кто насмехается над гонимыми, — всякий такой человек отныне, если процесс будет проигран, сможет открыто объявить себя подлецом. Слово «подлец» теряет оскорбительный смысл, а благородство навсегда нарекается глупостью. Если и прежде говорили с оттенком восхищения, но все же иронически: «Каков подлец, а?», то завтра последние следы иронии исчезнут, останется одно лишь восхищение: «Каков подлец! Ура!» И подлец, когда ему в глаза скажут, что он подлец, сможет ответить: «Да, а что?» Если и раньше честного, но не умеющего устроиться человека называли дураком или чудаком, то теперь каждый бросит ему в глаза пренебрежительно — «Идиот!» И он сам будет чувствовать себя глупцом, чувствовать себя виноватым, сам будет презирать свое благородство и считать его болезнью, пороком, слабостью...

Серьезнейшая ситуация! Я прошу вас, господа судьи, господа присяжные заседатели, я требую отнестись к этому процессу с величайшим вниманием и с полным сознанием своей ответственности.

Что станет с миром, если подлецы выиграют? Детям невозможно будет дать в руки книгу, в выгодном свете представляющую благородство и честь, — такая книга будет обманом, она может совратить юношей с пути, который будет считаться единственно достойным человека — с пути подлости. Всякий дурной поступок будет заранее оправдан в общественном мнении, и чем крупнее подлость, тем больше будет она вызывать восхищения. Вместо личных заслуг будет процветать личное выслуживание. Подлец, добившийся успеха, — вот кто станет героем времени. Но если мы начнем мерить людей успехом и только успехом, то в мире действительно все станет возможным, он превратится в мир людей, «способных на все», подлец станет воевать с подлецом, размер подлостей будет возрастать с невероятной быстротой.

Но, к счастью, это невозможно.

Вот я вижу их, этих людей, которых я защищаю. Они не

умеют выходить сухими из воды, они не успевают спрятаться, когда идет дождь, и промокают до нитки. Когда общая беда — она прежде всего касается их. Все землетрясения потрясают их дома. Они винят самих себя в своих бедах, даже иной раз стараются учиться у подлеца ловкости и расчетливости, но ничего не идет им впрок, ибо они не могут понять подлость и примириться с нею. Их осыпают насмешками, поэтому они выглядят слабыми. Никто не знает, сколько сил нужно человеку, чтобы оставаться честным. Но даже из этих своих побед над собой они не извлекают никаких выгод, потому что честность невозможно обменять ни на что существенное — честность не товар, она не продается; стыдом невозможно похвалиться, совестью нельзя одеться. Подлость кичится своей подлостью, совестливый стесняется своей доброты. Такова природа этих человеческих качеств.

Нет, я не настолько наивен, чтобы сидеть сложа руки и ждать, пока у подлеца разгорится на щеках румянец стыда, — бесполезное ожидание. Я не настолько наивен, чтобы ждать чудесного избавления мира от подлости. Я не стану уверять также, будто в совести, чести и доброте таится награда человеку и будто эта награда вполне заменяет материальные блага. «Ты беден, зато ты честен» — это грубый обмен, я не стану прибегать к этой формуле. Никаких «зато»! Никакого умиротворения!

Вот характеристика мира, доступная каждому человеку: чтобы оценить мир, надо задать простейший вопрос: «Кому в нем хорошо живется? Честным или нечестным? «Глупцам» или «подлецам»? И если окажется, что подлецы в почете, что они пользуются всеми благами жизни, что они преуспевают, — значит этот мир устроен дурно и его устройство надо изменить. Если же в почете честь, благородство, доблесть, если подлец не смеет поднять головы — значит этот мир идет к лучшему, значит смысл слов восстановлен, потому что справедливость торжествует тогда и только тогда, когда каждому слову придают именно тот смысл, который в него заложен. Я буду бороться за такое время, когда у всех людей слово «подлец» будет означать именно то, что оно означает, когда благородных людей не станут называть «идиотами», а будут считать их просто людьми, когда подлец будет унижен, а благородный возвышен.

Я вижу ваши скептические улыбки, я вижу, что вас даже и не пугают мои речи. Но если в мире все делятся на глупцов и подлецов, хотя я с этим не согласен, хотя я считаю, как уже говорил, что мир делится на людей и подлецов,— но если вам угодно такое разделение, я делаю выбор, и я покидаю свою адвокатскую кафедру и с радостью сажусь на скамью глупцов!

ДИРИЖЕР

Не очень люблю ходить на симфонические концерты, сам не знаю отчего. Слушать пластинки — сколько угодно, если есть настроение. Наверно, в этом-то и причина: я люблю слушать ту музыку, какую люблю, и тогда, когда есть настроение. К тому же, в нашем городе, по-моему, плохой оркестр, или, вернее, плохой дирижер, или то и другое — плохо. Это не музыка. В музыке главное собранность, цельность, а немузыка распадается на куски. Музыка всегда интересна, немузыка — скучна. В последний раз мы с мамой ходили слушать «Девятую» Бетховена — что за тоска! Я сидел и злился на Бетховена — как можно так скучно, так длинно, так невдохновенно писать музыку! И что в нем находят, в этом Бетховене? Ужасный хор, бесконечный... Еле досидел до конца, а через несколько дней достал пластинки с хорошей записью — и слушал их, не отрываясь, и сейчас слышу ее, великую «Девятую». Вот, быть может, отчего некоторые люди никак не полюбят серьезную музыку: они наивно верят, что раз играют в зале и люди слушают — значит, это хорошая музыка и только им одним скучно. Или, рассуждают, если передают музыку по радио — значит это хорошая музыка, не станут же передавать плохую! А на самом деле порой такое передают, что и вправду надо скорей выдергивать вилку из штепселя... Потом в газетах высмеивают: дескать, некультурные, выключают радио, когда передают серьезную музыку. А они культурные! Но внутренняя культура не позволяет слушать плохую музыку, немузыку — она раздражает.

Но хватит о немузыке, не будем портить себе настроение. Поговорю лучше о настоящей музыке — точнее просто о музыке.

Из людей, занимающихся музыкой, меня больше всех поражают дирижеры.

Что, по существу, делает дирижер? Он из звуков оркестра лепит что-то определенное, законченное и совершенное, живущее всего несколько секунд — и тут же распадающееся. Ни у какого другого художника нет такого податливого и оттого такого неподатливого материала. Если бы

скульптору предложили вылепить бюст из мыльной пены, то после двух-трех попыток он сел бы и расплакался — вся его работа тут же превращается в грязную лужицу! Но, предположим, скульптор достигает совершенства — он в доли секунды взобьет пену в изваяние. И все равно через мгновение — лужа. Чуть опустил руки — лужа. Вскоре он догадывается, что единственный способ — постоянно лепить, не переставая взбивать пену, он поймет, что его работа имеет смысл только пока он работает, а чуть опустил руки — пена и воспоминание...

Но мыльная пена — гранит по сравнению с тем материалом, какой находится в распоряжении дирижера или пианиста. Звуки оркестра распадаются быстрее мыльной пены — и все же из этих звуков надо создавать нечто такое же монументальное, как из гранита, меди и бронзы. С той же точностью резца. В этом особое положение музыки среди других искусств: она абсолютно не терпит неточности! Неточная линия у художника — просто не совсем удачная линия среди сотен других. Один неточный звук в оркестре — фальшь, из-за которой не слышишь и оркестра. Слышишь только фальшь. Никакой расплывчатости, приблизительности, неуверенности. Все в мире допускает сомнение, но дирижер — единственный человек, который не имеет права сомневаться во время исполнения. Не может сомневаться, не может поправиться, ничего не может: у него под руками — глыба гранита, и каждый удар должен быть точным до миллиметра. Да еще при этой абсолютной точности и дисциплине — максимум свободы и вдохновения, чтобы у слушателя возникло впечатление, будто музыка создается у него на глазах. Вот где трудности! Тут нужна бездна знаний, бездна чувства, бездна воли, бездна фантазии. У дирижера не может быть всего понемножку — счет идет на бездны, на Монбланы, на миры, и только так! Все эти огромности вкладываются в одно мгновение и исчезают в следующее...

Не то ли и всякий человеческий труд, человеческая жизнь. Жесткая дисциплина — и фантазия. Годы работы, а результат — на мгновение. Хаос впечатлений, случаев, желаний, целей, поступков, сведений, событий — а ты, дирижер, держи все в руках, охвати разумом все сразу и не упускай из виду никакой частности, собирай все в одно мгновенно преходящее и веч-

но-гранитное, пробивайся сквозь сложности и достигай классической ясности и простоты. Ты будь собран, строг, точен, скуп на жесты — и в то же время от тебя должно исходить вдохновение и воодушевление...

Мы все — дирижеры собственных жизней, она непослушна нам так же, как непослушен оркестр дирижеру. Это только кажется, будто стоит маэстро взмахнуть палочкой, и польется чудесная музыка... Черта с два! Уверен, что даже гениальные дирижеры страдают от непослушности оркестра — и от собственного бессилия, от невозможности добиться идеального слияния звуков.

Жизнь непослушна нам, как оркестр дирижеру, как струны рояля пианисту, но так же, как дирижер и пианист добиваются господства над музыкой, — так и мы должны добиваться господства над своей жизнью.

«ОРЕЛ» И «РЕШКА»

Ну да, конечно! Во всех сложных вопросах нет, не может быть однозначного и простого, как орел и решка ответа. Тут другая логика, вот в чем дело! Музыка и существует — и исчезает. Тут орел и решка сразу. Не «орел» и не «решка», а «орел» и — в то же время «решка». Монетка не падает, а стоит ребром, вот и вся разгадка. Вечно стоит ребром!

А как монете ребром стоять? Только в движении, только пока она крутится волчком. Прекратилось движение, упала монета — и тут тебе или «орел», или «решка», но это не ответ. Именно потому не ответ, что движение прекратилось. Ответ — в движении!

Монета кружится, кружится, музыка возникает и исчезает, орел и решка в одно время, и так во всем, во всем! Ты и свободен — и не свободен. Ты и один — и «все», ты и свои интересы соблюдаешь, и в то же время общие. Это одно и то же? Нет, такой ответ — все равно, что монета с двумя орлами или с двумя решками. Это не одно и то же и не разное, это одно и то же — и вместе с тем разное! И совпадение, и различие!

Как себе это представить? Но как представить себе бесконечность? Как представить пятое измерение? Мало ли вещей, которые невозможно представить себе? Не может ведь быть, чтобы мир был устроен так же просто, как кухонная плита...

Я взрослый — я не взрослый. Не в чем-то взрослый, а в чем-то не взрослый, а сразу и то и другое, и в каждом поступке — и то и другое. Почему я хочу знать свою судьбу — и не хочу, почему я живу сразу и в настоящем и в будущем? Потому, что я живой, а все живое подчиняется обыденной логике. Монетка крутится и крутится!

Тут все противоречиво, одно в другое проникает, я даже представляю себе это — как свет в свет, как два течения в реке смешиваются и противоборствуют.

Тут борение — еще одно важное слово. Все, что само собой, — то плохо или недостаточно хорошо, то близко и «решке» или и «орлу», то есть и остановке. Все, что в борении и поддерживается борением, то хорошо. Борение, движение. Велосипедист не может стоять на месте — только крутить педали — и вот весь ответ. Не «орел», не «решка», не «да» и «нет», а движение, борение, преодоление!

Опять я доволен, опять просвет! Пусть не ясность, а только просвет, только предчувствие ясности. Хорошо, когда просвет. Это, пожалуй, даже лучше, чем чистое небо — глазу не за что зацепиться. А вот тучи, тучи, безнадега, и вдруг — просвет, надежда...

И что же это со мной происходит? Я каждый вечер доволен сегодняшним, а каждое утро — недоволен вчерашним. Утро начинается с неудовлетворения, а вечером — ничего. Но, может быть, это лучше, чем если бы было наоборот? И лучше, чем всегда быть довольным или всегда недовольным? Просвет, да здравствует просвет!

Окончание следует

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

✦ЭКЗОРЦИСТ✦

Это слово стало популярным на Западе в последние годы, в США вышел даже фильм с таким названием. «Экзорцист» — священник, изгоняющий злого духа. Слово составлено из латинских «экз» — «из» + «оркус» — «ад», «преисподняя». А. Вальде полагает, что «оркус» могло произойти от латинского «арцео» — «закрывать» (в смысле заканчивать жизнь).

✦ЭКСТАЗ✦

Экстаз бывает не только религиозный. Но происхождение этого слова связано с верой в богов: в Древней Греции, где оно родилось, считали, что в экстазе человек вступает в непосредственное общение с богами. Греческое «экстазис» состоит из «экз» — «из», «вне», «снаружи» и «стазис» — «положение», «состояние». Таким образом, дословно — «вне состояния» (нормального).

✦ЭКУМЕНИЗМ✦

Сейчас этим словом обозначают объединительное движение христианских церквей. Восходит к греческому «ойкумена» — «Вселенная» и далее к «ойкос» — «дом». А отсюда идут слова «экономия», «экономичность» и другие.

✦ЭЛ✦

Задолго до нашей эры у многих народов Востока был бог по имени Эл, он же Ил и Ал. Его имя стало нарицательным названием бога вообще. Этот корень сохранился в библейском элохим (множественное число от элох — боги), в исламском Аллах, в вавилонском Бел (да и в самом слове Вавилон: «Баб-Илу» — «ворота бога»), в финикийском Ваал, в названии посмертного местопребывания праведников — «элизиум». Имя Илья возникло из «Ил» + «Яхве». И в других распространенных именах содержится этот корень: Елизавета, Эммануил, Михаил, Даниил и т. д.

✦ЭНТУЗИАСТ✦

Энтузиаст — человек, воодушевленный высокой идеей. В основе этого слова лежит корень «тэос» — «бог»: древние греки считали, что восторженный человек одержим богом. «Энтос» означало: «в боге» (душа, мысли — данного человека).

✦ЭНЦИКЛИКА✦

Так называются церковные циркуляры, в частности важнейшие послания папы римского. Греческое «энкюклиос» — «круговой»; «кюклос» — «круг», «кольцо», «группа», «колесо», «глаз», от «кюклоо» — «двигаю по кругу», «переворачиваю». Отсюда «циклон», «цикл», «циклоп», «энциклопедия» — дословно «круг образования».

✦ ЭРОС, АМУР, КУПИДОН✦

Греческий бог любви Эрос (или Эрот) (отсюда «эротика», «эротизм»). Впервые имя этого бога встречается у Гесиода (нач. VIII в. до н. э.) в его книге «Теогония». Как произошло это слово, имеющее значение «любовь», «довольство», «наслаждение», «жажда»? Этимологи-грецисты не дают однозначного ответа. Есть предположение, что существует родство со словом «аэрос» — «полет», от «аэр» — «воздух».

С именами римских богов любви разобраться гораздо легче. «Амур» — от латинского «амаре» — «любить», «Купидон» от латинского «купидо» — «желание» и «купио» — «хочу».

✦ ЭСХАТОЛОГИЯ ✦

Так называется религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. Древнегреческое «эсхатиа» — «конец», «граница», «эсхатос» — «последний», «крайний», «самый отдаленный», «худший». «Логос» — «учение», «слово».

✦ЭФИР✦

В Древней Греции был бог Эфир — олицетворение лучезарного небесного воздуха. Позднее под эфиром стали понимать ту среду, которая заполняет все мировое пространство. По-древнегречески «эфир» — «айтер». Восходит к «айто» — «свечу», «горю», «зажигаю» и «айтар» — «огонь», «пламя».

✦ ЮНОНА ✦

Верховная богиня древнеримского пантеона, жена Юпитера. Произошло от «ювенис» — «молодой», «цветущий». В родстве русские «юность», «юный», немецкое «юнг», английское «янг», французское «жён» и слова с тем же значением в других языках.

Сатирическая легенда «Чудо святого Антония» — остросюжетная, игровая пьеса, написанная в манере бытовой драмы, занимает в творчестве Метерлинка особое место. На торжественную панихиду по умершей домовладелице госпоже Ортанс приходит неизвестный старик, объявляет себя святым Антонием Падуанским и собирается воскресить усопшую. Наследники в смятении. Конечно, цивилизованные буржуа начала XX века, отдающие дань церковным обрядам лишь по традиции, и мысли не допускают, что перед ними посланник господа бога, скорее всего это какой-то мошенник или просто сумасшедший.

Как бы там ни было, от него надо скорее избавиться и продолжить подготовку к похоронам, да и со смертью горячо любимой Гортензии прибавилось немало хлопот с наследством. Однако незнакомец, несмотря на все преграды, чинимые наследниками, проникает в комнату покойницы. Трехкратное «встань» — и Гортензия поднимается из гроба. Но практичных людей не так-то просто провести. Как говорит доктор, если она жива, — значит она не была мертва. Тут нечего удивляться, нечего кричать о чуде. И даже когда Антоний лишает «воскресшую» голоса (за то, что она тоже усмотрела в нем нищего мошенника и обрушила на его седую голову поток брани), наследники, знакомые с современной наукой, объясняют все естественными причинами: в ним проник опасный преступник, обладающий сильной нервной энергией, его необходимо сдать властям. И только когда наручники защелкнулись на руках старца, все успокоились. Слава богу, все осталось на своих местах. Никакое чудо не может поколебать налаженный ход событий.

Чудо человечности

Т. ПРИХОДЬКО

Мария — А. Ветлинская.
Святой Антоний — В. Дворжецкий.

Чтобы ярче показать эгоизм, корыстные интересы, религиозное ханжество буржуа, Метерлинк сталкивает наследников со святым, пришедшим, как подчеркнуто в пьесе, по их же собственным молитвам. Но и чудо и образ святого Антония в сатирической легенде имеют совершенно иное значение, чем в религиозных текстах. Как справедливо отмечает один из критиков, Антоний у Метерлинка — скорее святой с народных религиозных картинок.

В житиях, переосмысленных социальными низами, главное внимание уделялось не страданиям, не лишениям праведников, впоследствии награжденных святостью за все невзгоды, а рассказам о том, как святые направляли свою чудодейственную силу на спасение угнетенных, исцеление больных, помощь нищим. В драме Матерлинка святой Антоний воскрешает богатую домовладелицу, и это чудо крайне нежелательно ее наследникам, получившим каждый свою долю. Такой сюжет уже сам по себе определил ироническую трактовку чудесного, социальную направленность сатирической легенды.

Спектакль, поставленный Московским театром киноактера, — именно сатирическая легенда. Режиссер и автор сценария, в котором использованы и другие произведения Метерлинка, — известный советский кинорежиссер Савва Кулиш — умело включает произведение, написанное в самом начале века, в контекст нашей современности. Однако действие не просто перенесено в современное буржуазное общество. В спектакле создается многозначная ситуация, которая актуальна и для прошлого, и для настоящего.

История чудесного воскрешения воспроизводится на экране как сюжет телефильма, который смотрят и обсуждают родственники, приехавшие в гости к богатой домовладелице госпоже Ортанс. Таким образом, чудо сразу же предельно отстраняется от религиозного содержания, оно всего лишь художественный вымысел, прием, позволяющий автору строить социально значимую концепцию человеческих отношений. Но разговор о чуде не снимается. Недаром спектакль назван — «Чудо».

Так о каком же чуде идет речь на сцене и помогающем ей экране?

Фильм и сидящие в гостиной зрители — как два взаимоотражающих зеркала, изображение которых многомерно и бесконечно. От событий начала века протянуты смысловые нити к сегодняшнему времени. Буржуазный мир мало изменился, все повторяется. Слепой старик (образ, перекликающийся с персонажем драмы «Слепые»), по-прежнему тревожно вопрошает: «Что здесь происходит?» — и не находит ответа. В спектакле его облик социально конкретизирован. Это не слепорожденный. Он ослеп на войне, и для него чудо — способность видеть. Чудо в интерпретации С. Кулиша — великий естественный дар природы, который отнят социальной катастрофой. И разговор о чуде переходит в область конкретных общественных сил и коллизий.

Одинокая беспомощная фигура старика с черной повязкой на глазах противопоставлена суетящейся, оживленной толпе. Кого здесь только нет: банкиры, промышленники, анархисты, военные, представительницы различных женских организаций и даже современные хиппи — все слои буржуазного общества — и сегодняшнего, и вчерашнего, и полувековой давности; общества, застывшего в своей неизменности, монотонной повторяемости.

Родственники умершей госпожи Ортанс собрались все вместе впервые за 20 лет, и то ли по привычке, то ли потому, что им нечего сказать друг другу, говорят каждый о своем. Кто возмущен, что ему мало досталось из наследства, кто строит планы по переоборудованию дома, кто сообщает рецепты от старения — диссонирующее многоголосие, пестрая какофония обособленных мнений, привязанностей, стремлений. Они сходны только в одном — в безнадежной разобщенности. В этой среде нет и не может быть ничего необычного, здесь только две истины: жизнь, приносящая иногда радости, подобные той, какую испытывают сейчас наследники умершей домовладелицы, или смерть, рассуждения о которой подаются буржуа-дека-

дентом Виктором как сложные философские истины, а на деле выступают в виде пистолета, наставленного в свой собственный висок или в лицо слепого отца, получившего ту долю наследства, которой не удостоили сына.

Носитель чудодейственной силы в спектакле — святой Антоний, как уже говорилось, сочетает в своем облике возвышенное и значительное с обыденным и прозаическим. Только что над его головой зажегся ореол — символ святости и благости — и вот он — уже старик, помогающий служанке носить воду, принимать венки. Настойчиво-торжественные требования объявить господам, что он пришел воскресить усопшую, сменяются вполне «мирским» поведением: в ожидании наследников Антоний вынимает из сумы красный клубок и принимается вязать. Юмористические ситуации, создающиеся при столкновении повседневного и необычного, снимают житийный смысл легенды. Святой свободен и от условностей буржуазных приличий, и от приземляющей обыденности. Источник чудодейственной силы Антония переносится в область естественных человеческих отношений. Ореол над головой старца появляется и исчезает — в зависимости от того, «какие у него мысли». Когда служанка согласилась на воскресение хозяйки, хотя при этом она и лишится завещанных ей денег, — Антоний «просиял» в знак одобрения. Но как только он узнал о неслыханно богатых родственниках госпожи Ортанс, которые увиделись лишь на панихиде, — свет над его головой погас.

Конфликт обозначен — отношения искренности, бескорыстия противопоставлены расчетливости, эгоизму, затянутым в корсет буржуазных приличий. В столкновении наследников с Антонием и обнаруживается скрытая сущность буржуазной морали.

Четкий реалистический абрис разобщенной толпы родственников сменяется средними и крупными планами. Благопристойный отец Октавиан, который только что самозабвенно руководил отпеванием усопшей, увлеченно играет с наследниками в карты. Набожная сестра Беатриса не прочь вместе с другими наследницами поделить косметику умершей. Густав и Ахилл вплотную занялись составлением планов переоборудования дома, из которого еще не вынесли хозяйку-покойницу.

Еще один поворот действия — и наследники превращаются в толпу безмолвных теней, марионеток, застывших в подобострастном ожидании воли вернувшейся к жизни домовладелицы. Но кульминационный момент перенесен режиссером на включенную в спектакль сцену избиения Антония наследниками.

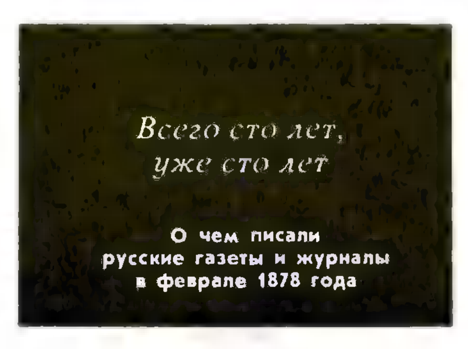
Покров благообразия сорван окончательно, и перед нами — толпа, корчащаяся в судорогах жестокости от страха очутиться вне привычного положения вещей. Сатирическая легенда приближается к социальному памфлету. Таково чутко угаданное художником-постановщиком требование современности. Мотив житийного чуда, отстраненный от религиозного содержания, сниженный юмористическими ситуациями, обыгранный на уровне повседневного быта, стал поводом для обнаружения истинного лица благопристойных буржуа. А разговор о чуде перешел в новое русло.

Сначала Антоний стойко выдерживал натиск наследников, пытавшихся угрозами, хитростью, силой выгнать его из дома. Но потом, обессилевший от черствости и тупости окружающих и неблагодарности самой воскресшей, старик уже не в силах противостоять яростной толпе. Сила и слабость Антония — в характере человеческих связей и отношений, среди которых он оказывается. Так раскрывается источник чудодейственной силы и значение чуда в спектакле. Чудо — это необычное, непривычное в буржуазном обществе явление истинно человеческих отношений. Чудо — это все естественное, что спутано и сковано сложившимися связями лицемерия, корысти, религиозного ханжества. Место такому чуду в буржуазном обществе — за решеткой или в сумасшедшем доме, оно преследуется и изгоняется. А возможно ли преодоление жизненной инерции, всех канонических моральных норм?

В этом плане важен и интересен введенный режиссером в спектакль образ Марии. Этот персонаж — собирательный из нескольких пьес Метерлинка («Мария Магдалина», «Слепые»). При всей многозначности образ Марии имеет четкую социальную характеристику: она дочь госпожи Ортанс, которая ушла из дома богатой матери в колонию хиппи. Ее внебрачная дочь названа в честь бабки Гортензией. Именно поэтому Марии, ко всеобщему неудовольствию родственников, завещана большая часть наследства. Ее вернули в дом, чтобы сообщить волю умершей. Но как она распорядится наследством? Будет ли маленькая Гортензия повторением своей бабки? Мария — единственная из толпы родственников, чье отношение к Антонию невраждебно. Диалог Мария — Антоний беззвучен, но от этого не менее выразителен и многозначен. Мария сначала удивленно, потом все более пристально вглядывается в пришельца. Да, он не такой, как все. Он, как говорят, помогает нищим, исцеляет калек и больных. И вот маленькое чудо свершилось — Мария уходит вслед за Антонием. Может быть, это всего лишь художественный вымысел? Экран телевизора погас. Все родственники в сборе. Дочь Марии — еще одна Гортензия. Круг замкнулся, рассказ можно начинать сначала. Но вот дверь в гостиную начинает открываться...

А вдруг сейчас этот налаженный веками порядок нарушит чудо — чудо человеческого добра и любви, чудо преодоления жизненной инерции, всех канонических установок?

«Наш спектакль, — говорит режиссер, — о самом большом чуде — человечности». Спектакль, продолжим мы, который стал новым, оригинальным решением известной пьесы, спектакль, который познакомил нас с чудом творческого поиска — одним из проявлений многоликого чуда человечности.

Заслуживает упоминания кризис, который переживает в настоящее время на Западе масонский орден. Недавно главная ложа французских масонов («Великий Восток») предложила сделать формальное исключение из масонских правил обязательной веры в бытие божие, что доселе считалось существенным основным пунктом исповедания масонов. На место обязательного признания «великого зодчего» Вселенной ложа проектировала внести в масонские правила обязательное признание свободы совести... Чрез это масонство должно сойти с почвы деизма, на которой оно до последнего времени держалось, и перейти на страшный путь атеизма. В самой Франции 76 масонских лож протестовали против такого ужасного шага и предпочли быть лучше исключенными из союза с «матерью» французских лож, чем броситься в бездну атеизма.

«Церковный вестник»

Нам передают из Ташкента, что в местный музей прислан из Каракола интересный экземпляр ствола дерева, называемого «асамуса», то есть в русском переводе «посох Моисея». По туземным преданиям, Моисей посохом именно из этого дерева извлек воду из скалы во время странствования израильтян по пустыне. Таким же посохом во время перехода евреев через Черное море он разделил воды; вследствие этого туземцы считают это растение священным и употребляют его на делание посохов муллам.

«Голос»

Напрасно современные философы, гуманисты и другие так называемые друзья человечества пытаются доказать нам и себе, что все вопросы жизни могут правильно решаться ко благу человечества и без помощи христианства. Эти взрослые дети человечности напоминают собою неблагодарных наследников огромного богатства, которые в своем довольстве и роскоши жизни забывают помянуть добрым словом тех, от кого они унаследовали свое богатство. Все эти возвышенные взгляды, все эти, в сущности, высокие учения, все эти одушевленные разглагольствования на тему высшего блага и счастия человечества — ничто более, как отрывки из полноты христианского учения.

«Странник»

К. ЯМ, кандидат философских наук

500 лет со дня рождения Томаса МОРА

ЧЕЛОВЕК ВСЕХ ВРЕМЕН

РОДОНАЧАЛЬНИК утопического социализма, оригинальный представитель гуманистической литературы XVI века, побудивший Эразма Роттердамского написать бессмертную сатиру «Похвала глупости», отец новой английской прозы, автор «Истории Ричарда III», создатель сотен эпиграмм, сатир, миниатюрных комедий, Томас Мор (1478—1535 гг.) открыл эпоху английского Возрождения, породившую Вильяма Шекспира и Фрэнсиса Бэкона.

Уже во время учебы в Кентерберийском колледже Оксфордского университета Мор интересовался античной философией и литературой, особенно его привлекали «коммунистические» идеи Платона, философское наследие Аристотеля и Эпикура, поэмы Гомера, драмы Софокла, сатиры Лукиана. Знакомство с оксфордскими гуманистами, прежде всего с Джоном Колетом, определило круг научных и философских интересов Мора: он изучает древние языки, геометрию, астрономию, переводит на английский биографию итальянского гуманиста и философа Пико делла Мирандола.

Получив юридическое образование, Мор, благодаря незаурядным способностям, честности и трудолюбию, совершил небывалое в истории Англии восхождение до лорда-канцлера королевства.

В мае 1515 года Мор в составе королевского посольства едет во Фландрию с важным дипломатическим поручением Генриха VIII. Именно здесь он приступает к работе над книгой, принесшей ему славу и признание всего человечества. В 1516 году в городе Лувене выходит «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия».

«Утопия» Мора, открывшая новое направление в развитии мировой общественной мысли, состоит из двух частей. Основное содержание первой части — разоблачение политических и социальных порядков английской действительности периода первоначального накопления.

В начале XVI века в недрах английского феодального общества зарождаются капиталистические отношения. Развитие сукноделия, овцеводства, повышение цен на шерсть привели к превращению значительной части земель в пастбища и к сокращению хлебопашества, в результате чего бывшие крестьяне, покинув свои разоренные деревни, пополнили толпы нищих бродяг. «Ваши овцы, обычно такие кроткие, довольные очень немногим,— писал Мор, обращаясь к английским лордам,— теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города».

Томас Мор с беспощадной правдивостью нарисовал мрачные сцены огораживания и превращения в пастбища отобранных у английского крестьянства общинных земель. В XXIV главе «Капитала»

К. Маркс, говоря о неизлечимых пороках раннего капитализма — безработице и нищете, продажности властей, преступности и бесчеловечных законах,— ссылается на «Утопию».

Трагическая судьба английского крестьянства эпохи первоначального накопления побудила Мора к поискам новых принципов государственного устройства, где не будет вопиющих социальных контрастов: нищеты и роскоши, подневольного труда и праздности, общенародной придавленности и неограниченного деспотизма. Мор высказал заветную мысль: источник социального зла — частная собственность, необходимой предпосылкой установления справедливого общественного строя является обязательное ее уничтожение. Впервые в истории общественной мысли он создал идеальную модель социалистического общества, основанного на общественной собственности и социальном равенстве.

Определяющей чертой экономического строя «Утопии» (по-гречески — «место, которого нет») является общественное производство, развитием его управляет сенат. Труд обязателен для всех членов общества, в том числе и женщин, распределение жизненных благ производится по потребностям. В результате покончено с нищетой и голодом, установлены справедливые общественные отношения. Труд из средства наживы стал почетным видом добровольного долга. Всем гражданам обеспечено «наибольшее количество времени... для духовной свободы и образования».

Проблема социального освобождения человечества стояла в центре социологической теории Мора, мечтавшего, что придет

День этот — рабства конец, этот день — начало свободы.
Он — и печали предел: радость с него началась.

Томас Мор подверг уничтожающей критике английскую абсолютную монархию, беспощадно эксплуатирующую своих подданных. Страстно ненавидя тиранию, он был убежденным защитником народовластия. В эпиграмме «Какая разница между тираном и властителем» он вскрыл антиобщественную сущность тиранического правления, основанного на рабском положении народа. В ряде других эпиграмм мыслитель отверг католическую доктрину божественного происхождения королевской власти.

Для родоначальника утопического социализма идеалом государственного устройства общества был республиканский строй Утопии, основанный на периодической выборности и сменяемости должностных лиц. Демократизм политического строя Утопии, возможность действенного контроля граждан над деятельностью государственной власти определялись экономическими основами общественного устройства. Общественное благополучие, подчеркивал Мор, может быть только там, «где нет никакой частной собственности».

На заре развития капитализма писатель сумел увидеть и беспощадно заклеймить эксплуататорскую сущность буржуазного государства: «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах».

Доводы просвещенного разума не в состоянии повлиять на монарха, убедить его в необходимости общественных реформ. Между тем заботиться о благе народа — первый долг любого правительства. Развивая эту мысль, Мор формулирует закон, согласно которому честь, безопасность и благополучие государства основываются на благосостоянии народа. Однако государства не хотят следовать такому принципу, и это порождает целый ряд социальных зол: существование «огромного числа знати», живущей, как трутни, в полной праздности; войны, требующие содержания огромных армий.

Коммунистическая утопия Мора была выражением антибуржуазной политической программы европейской гуманистической мысли XVI века, по словам Энгельса,— «первой формы буржуазного просвещения» [1]. Отдельные его представители стали глашатаями настроений и чаяний того класса, который был предшественником современного пролетариата. Это объясняет, почему социальный идеал «Утопии» близок к сформулированному Марксом идеалу высшей стадии коммунистического общества — от каждого по способности, каждому по потребностям.

В отличие от Мюнцера Мор считал строй без частной собственности не воплощением царства божьего на земле, а наиболее полным отражением естественных потребностей человечества. Атеистическая концепция истории приводит Мора к необходимости подробно изложить свое отношение к религии, и здесь наглядно видна неизбежная историческая и теоретическая связь утопического социализма с конкретными формами атеизма и свободомыслия.

В Утопии принято свободное исповедание нескольких религий. Наиболее распространенным объектом почитания служат небесные тела (Солнце, Луна, планеты) или люди, заслужившие почет и уважение сограждан. С христианством жители Утопии знакомятся в период, когда их исконная культура и религия достигают значительного развития. Таким образом, христианство не является ни всеобщей, ни единственной религией. Каждый член общества может исповедовать любую религию. Атеисты, отвергающие мысль о загробном воздаянии, не подвергаются ни преследованию, ни наказанию. Религия объявляется частным делом каждого жителя Утопии, если, разумеется, она не наносит ущерба общественному благу.

Устранение всякого принуждения в сфере религиозной жизни, обеспечение свободы верований позволяют утопийцам разобраться в сущности религии. В результате большая их часть «верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума». Утопийцы называют его отцом и видят в нем творчески-активное начало мира. Таким образом, жители Утопии приходят к философской религии, содержащей исходные идеи деизма. После Мора эту идею разрабатывали крупнейшие представители европейской философии — Чербери, Локк, Юм, Фонтенель, Фенелон, Мальбранш, Лейбниц, Вольтер. Здесь уместно вспомнить

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 21.

Марксову оценку деизма: «Не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии» [2].

Непримиримый враг схоластики и догматизма, Мор подверг острой критике католическое духовенство, погрязшее в невежестве, разврате и чревоугодии. Неуч, эксплуататор, сдающий в аренду землю, владеющий городами, сотнями слуг, алчный разбойник, отнимающий у бедняков последние гроши,— таким предстает в эпиграммах Мора служитель церкви. Выступая против религиозного фанатизма, писатель стремился к реформе церковной организации в духе раннего христианства. Важной частью этой программы была идея выборности священнослужителей тайным голосованием. Демократизм церковной организации, по мнению Мора, поможет церкви избавиться от кастовости и изолированности, приведет к более тщательному отбору священнослужителей.

Мор допускал лишь мирные средства и методы пропаганды религии. Устами своего героя, главы государства Утопия, он провозглашал: истинной может быть только одна религия, но истинность ее должна проявиться без борьбы и вооруженных столкновений. Религиозные войны не только ослабляют силу и единство нации, но могут привести к тому, что «наилучшая и святейшая религия погибнет под пятою суетнейших суеверий».

Видимо, в силу именно этих взглядов Мор оказался принципиальным противником религиозной Реформации XVI века. В полемике с Мартином Лютером и Уильямом Тиндалем он решительно осудил протестантский раскол, так как видел в нем разновидность войны, ведущей к насильственному свержению существующего общественного строя и религии.

Полностью разделяя гуманистическую концепцию социальной ответственности человека за содержание и смысл своей деятельности, идею автономии разума и свободы личности, Мор категорически отверг один из основных догматов протестантизма — учение о предопределении и оправдании верой. Оценивая эту позицию Мора, необходимо помнить, что и в период первоначального накопления, и в позднейшие времена буржуазной истории, лютеровское оправдание верой, принципиальное разделение добрых дел и спасения означало абсолютное оправдание бесчеловечной эксплуатации и угнетения. «**Лютер,**— как образно заметил Маркс,— победил рабство по **набожности** только тем, что поставил на его место рабство по **убеждению**» [3].

Мор, несомненно, понимал, что протестантизм XVI века был враждебен культуре гуманизма и Возрождения. Основные положения протестантского богословия, тяготея к средневековой схоластике, были чужды «естественной религии» создателя «Утопии». Критикуя социальную программу Реформации, Мор писал, что Лютер учит народы покорно сносить самую тяжкую несправедливость. Философская религия Мора существенно отличалась и от ортодоксального католицизма, и от протестантизма.

Особенно резко выступил Мор против стремления протестантских государей возглавить национальные церкви. Когда в 1534 году английский парламент объявил Генриха VIII главой церкви, Мор категорически отказался принести присягу верности королю. Мыслитель понимал, что английский вариант Реформации приведет к усилению монархической власти, а следовательно, к еще большему обнищанию крестьян.

Настойчивое противодействие новым противонародным актам, верность принципам веротерпимости и свободомыслия привели Мора на скамью подсудимых. Бывший канцлер Англии, ученый и поэт, горячий поборник равенства и справедливости был обвинен в государственной измене. В заключительной речи на суде Мор пояснил, что его отрицательное отношение к назначению Генриха VIII главой церкви — дело его личной совести. Вместе с тем он подчеркнул, что английская Реформация подрывает христианское единство, завещанное священным писанием, а также противоречит идеалу европейской цивилизации под эгидой католической церкви, сторонником которой, несмотря на критическое отношение к католицизму, Мор оставался до конца жизни.

Королевский суд признал Мора виновным и вынес ему смертный приговор. Убежденный в правильности своей позиции, Мор отверг предложение отказаться от своих заблуждений и просить прощение у короля:

Гавань обрел я уже. Вы, Судьба и Надежда, прощайте.
С вами я кончил расчет, ныне ловите других.

6 июля 1535 года величайший мыслитель Англии был обезглавлен. Свою смерть он встретил мужественно. За минуту до казни сказал палачу: «Постой, уберу бороду, ее незачем рубить, она не совершала никогда государственной измены».

Трагическая смерть великого гуманиста явилась началом его подлинного бессмертия и немеркнущей славы. «Золотая книга», изданная около ста раз на большинстве европейских языков, стала источником нового направления общественно-политической мысли — утопического социализма. И до сих пор идут споры по поводу исторической роли создателя этой теории. Буржуазные исследователи пытаются представить его прежде всего как правоверного католика. В этом они опираются на церковных деятелей. Ведь еще в 1886 году Т. Мор был причислен католической церковью к лику блаженных, а в 1935 году канонизирован. Отдавая таким образом «должное» погибшему на плахе мыслителю, Ватикан преследовал свои собственные узкополитические цели. Однако истинный облик писателя-борца не имеет ничего общего с созданным богословами образом «святого».

Заключительная глава «Утопии» ясно показывает, что Мор принципиально отрицал за христианством способность утвердить общечеловеческие этические ценности. Его коммунистические гуманистические идеалы не имели ни теоретической, ни этической опоры в христианстве. Как отмечал известный советский историк И. Н. Осиновский, ренессансное религиозное свободомыслие Мора, по существу враждебное католицизму, Реформации и Контрреформации, не было формой гуманизации христианства, а представляло собой этап буржуазного религиозного свободомыслия, сыгравшего важную роль в истории европейского атеизма [4].

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 144.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422
[4] См.: И. Н. Осиновский. Томас Мор. М., 1974, стр. 83—97.

Благородные идеи Мора оказали влияние на развитие общественно-политической мысли от Кампанеллы и идеолога диггеров (пролетаризирующейся английской бедноты XVII в.) Д. Уинстэнли до эпохи французского Просвещения XVIII века. Мировоззрение Вераса, Руссо, Мабли, Морелли, Гаспара Борье, Юпея, Ретифа де ла Бретона, Марешаля формировалось под заметным воздействием коммунистических идей Томаса Мора. Через французских просветителей XVIII века идеалы «Утопии» восприняли представители утопического социализма XIX века Кабе, Вильгардель, Дезами, Сен-Симон, Оуэн, идеи которых, по определению В. И. Ленина, стали одним из источников марксизма.

В России первое известное упоминание о Томасе Море принадлежит В. К. Тредьяковскому. В 1764 году в «Преуведомлении от трудившегося в переводе» к 11-му тому «Римской истории» Ш. Роллена он характеризует Мора как «славного и мудрого человека». В 1786 году в восьмой части журнала «Детское чтение для сердца и разума» был напечатан краткий очерк жизни Мора, в котором неизвестный литератор сочувственно описал его трагическую гибель.

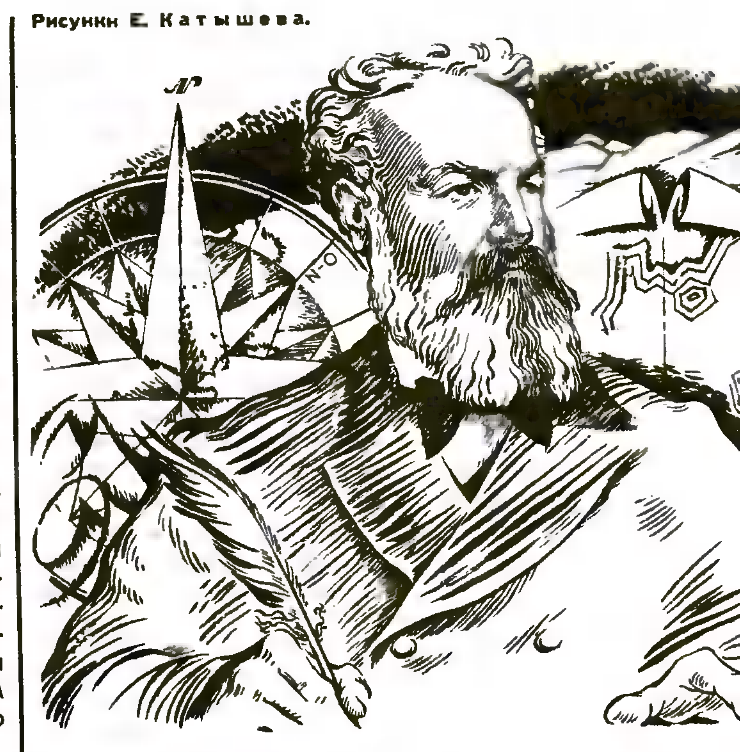
Первый русский перевод «Утопии» (с французского оригинала) появился в 1789 году. В 1791 году в мартовском номере «Московского журнала» Н. М. Карамзин опубликовал рецензию на первое русское издание «Утопии», где Мор охарактеризован как «один из величайших политиков и ученейший из людей своего века». Рецензент особо подчеркнул осуществление на чудесном острове Утопии принципа религиозной веротерпимости.

В XIX веке в России растет интерес к идеям утопического социализма. В 1837 году статью о Море напечатал журнал «Библиотека для чтения». Анонимный автор охарактеризовал его как самого величайшего представителя эпохи Возрождения, привел мысль Мора об уничтожении частной собственности как основе разумного управления обществом. Статьи об английском гуманисте появляются в других журналах. В 1891 году В. И. Яковенко в серии «Жизнь замечательных людей» напечатал первую в России книгу о Томасе Море. В 1901 году историк Е. В. Тарле издает новый перевод «Утопии» в качестве приложения к своей магистерской диссертации. Познакомившись с этой работой, Л. Н. Толстой поблагодарил автора за прекрасную книгу.

Современный перевод «Золотой книги» Мора принадлежит советскому ученому-латинисту А. И. Малеину. После двух изданий (1935 и 1947 гг.) перевод был улучшен Ф. А. Петровским и издан в 1953 году. В 1971 году «Утопия» вышла в серии «Библиотека всемирной литературы». Общий тираж этой книги в СССР превысил триста тысяч экземпляров.

«Человеком всех времен» назвал Томаса Мора его современник английский ученый-филолог Роберт Уиттингтон. Основоположник утопического коммунизма, Мор заложил фундамент учения, сыгравшего выдающуюся роль в классовой борьбе пролетариата против эксплуатации и угнетения. Провозглашенная Мором необходимость уничтожения частной собственности получила научное обоснование в марксизме-ленинизме и была практически осуществлена Октябрьской революцией.

Рисунки Е. Катышева.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

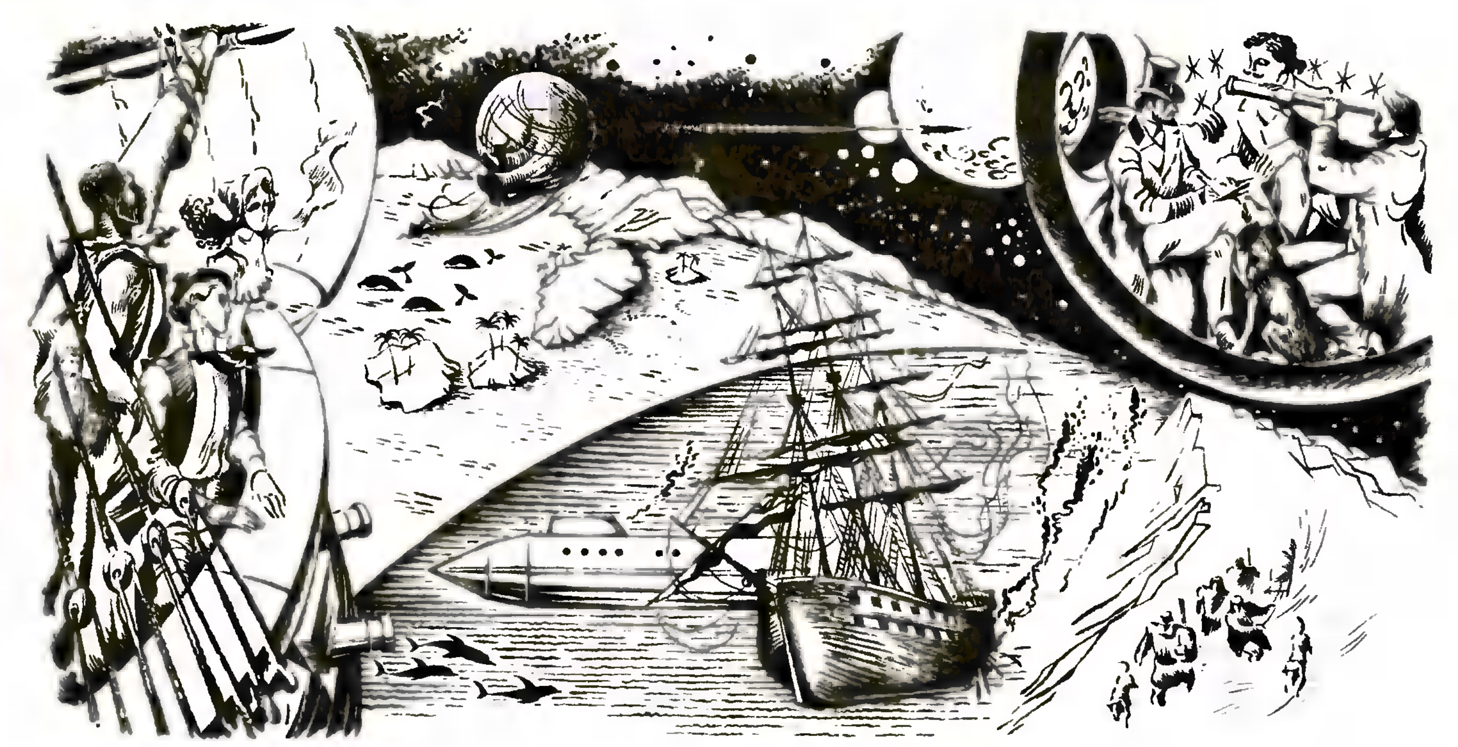
● Жюль Верн был и остается неумирающим спутником юности. Первые же романы, написанные в 60-х годах прошлого века, принесли ему мировое признание. И слава писателя все возрастала и ширилась с каждым его новым произведением. Он посвятил свою жизнь осуществлению грандиозного замысла — серии «научных романов», названной «Необыкновенные путешествия». Пополнялась она год от года на протяжении полувека, составив в итоге более ста книг — 63 романа и два сборника повестей и рассказов. И это не считая многочисленных пьес и научно-популярных трудов по географии! Главный из них — шеститомная «История великих путешествий». Что же касается его творческого подвига, то Жюль Верн поставил задачей «описать в романах весь земной шар»: природу разных климатических зон, животный и растительный мир, нравы и обычаи всех народов планеты.

И задачу эту блестяще выполнил.

География, естествознание и история соседствуют в «Необыкновенных путешествиях» с техническими и точными науками. Перечень всех отраслей знания, которых он касался в своих романах, превратился бы в каталог важнейших научных дисциплин XIX века. Но если бы все ограничивалось «суммой знаний», Жюль Верн был бы только ученым-популяризатором. А он — писатель, совершивший художественное открытие.

Он создал роман нового типа — роман о науке и ее беспредельных возможностях; открыл для литературы неизведанную область — поэзию науки и научного творчества; довел до высокого совершенства художественную форму приключенческого романа, обогатив его новым содержанием и подчинив научно-просветительным целям.

Вместе с новым романом в литературу вошел и

ЖЮЛЬ ВЕРН — СЕГОДНЯ

Евг. БРАНДИС

новый герой — рыцарь науки, бескорыстный ученый, готовый во имя творческой мечты совершить любой подвиг, пойти на любую жертву.

Герои Жюля Верна овеяны ветрами странствий. Преодолевая громадные расстояния, они стремятся выиграть время. Достижение небывалой скорости требует улучшенных средств передвижения. Писатель «усовершенствовал» все виды транспорта, от сухопутных до воздушных и подводных и даже воображаемых межпланетных.

Географическая фантастика свободно уживается с инженерной. Герои «Необыкновенных путешествий» создают быстроходные машины, подводные и воздушные корабли, исследуют вулканы и глубины морей, проникают в недоступные дебри, открывают новые земли, стирая с географических карт последние белые пятна.

Фантастика Жюля Верна основана на научном правдоподобии и нередко на научном предвидении. Открытия и изобретения, которые еще не вышли из стадии лабораторного эксперимента или только намечались в перспективе, он рисовал как уже осуществленные — с заглядом, как выяснилось позже, на 30, 40, 50, а то и на 100 лет вперед. И этим объясняются столь частые совпадения мечты фантаста с ее последующим воплощением в жизнь. Восхищенные современники называли его «чудодеем», «пророком», «провидцем», «изобретателем без мастерской» (заголовки статей, опубликованных к 70-летию Жюля Верна). Творчество французского романиста — блистательный пример художественного прогнозирования с интуитивным применением тех же методов, которые значительно позже были обоснованы научной прогностикой.

В истории мировой литературы Жюль Верн — первый классик научно-фантастического романа, замечательный мастер романа путешествий и приключений, блестящий пропагандист науки и ее грядущих завоеваний.

Еще при жизни писателя его книги были переведены на десятки языков, читались во всем цивилизованном мире, а сам он сетовал на невнимание критики, считавшей его «детским беллетристом», и не решился баллотироваться во Французскую академию.

На протяжении многих десятилетий Жюль Верн воспринимался в одном ряду с плодовитыми авторами приключенческих романов для юношества — Гюставом Эмаром, Майн Ридом, Луи Жаколио, Луи Буссенаром и другими, хотя и обладавшими своими достоинствами, но отодвинутыми историей в прошлое.

А с Жюлем Верном произошло небывалое: «детский беллетрист», «развлекатель юношества» с почти столетним опозданием занял свое законное место в Пантеоне французских и мировых классиков! Уместно процитировать в этой связи слова из статьи в газете французских коммунистов «Юманите», опубликованной 24 марта 1955 года к 50-летию со дня смерти писателя: «Мы принимаем его в наши ряды и для детей и для взрослых. Жюль Верн — классик народа». Несколькими годами позже ученые нашей страны увековечили имя знаменитого французского романиста, предвидевшего искусственные спутники и перелеты от Земли до Луны. Когда советская космическая ракета передала на Землю фотографии обратной стороны Луны, один из «потусторонних» лунных кратеров, прилегающих к Морю Мечты, получил имя: Жюль Верн...

По данным международной книжной статистики, к началу 70-х годов по числу переводов на языки народов мира Жюль Верн занимал третье

место в мире, уступая лишь Ленину и Шекспиру. В Советском Союзе из всех иностранных писателей он идет по числу изданий вслед за Джеком Лондоном и Виктором Гюго. По сведениям Всесоюзной книжной палаты, с 1918 по 1976 годы книги Жюля Верна издавались в СССР 374 раза на 23 языках тиражом в 20 миллионов 507 тысяч экземпляров.

В чем же секрет такой популярности и каково объективное значение наследия великого романиста и фантаста?

Прежде всего, Жюль Верн — из тех феноменальных явлений культуры, которые принадлежат не только породившему их народу, но и всему человечеству. Феноменальность — в огромном, неоспоримом и все еще не до конца осознанном властном влиянии на умы сменяющихся поколений. Прослеживается оно по нескольким линиям. Во-первых, в ширь и в толщи читательских масс — как влияние цивилизующее, просветительное, воспитательное. Во-вторых, обратное воздействие на науку, которое можно назвать стимулирующим: прямое или косвенное влияние писателя на науку и научный прогресс. Тому есть немало свидетельств.

Многие ученые разных специальностей — географы, геологи, палеонтологи, исследователи пещер, вулканов, стратосферы, подводных глубин, изобретатели, путешественники — признавались, что нашли свое жизненное призвание еще в юные годы благодаря романам Жюля Верна. И он же, по удачному выражению французского академика Жоржа Клода, был «вдохновителем научных исканий». Понимать это надо буквально! Случалось, что видные ученые развивали его конкретные идеи и претворяли прогнозы в действительность. К примеру, французский инженер Лебёф объявил Жюля Верна соавтором конструкции двойного корпуса субмарины, и тот же Жорж Клод подтвердил догадку писателя о возможности получения электрического тока от проводников, погруженных в море на разных глубинах. О Жюле Верне — вдохновителе научных исканий — говорили и русские ученые — К. Э. Циолковский, В. А. Обручев и другие.

Феномен Жюля Верна — и в его мощном воздействии на развитие мировой научной фантастики. Найденный им тип романа оказался чрезвычайно действенным, нашел продолжателей во всех странах. Исторически это фантастика доуэллсовского периода — популяризаторская, приключенческая, прогностическая. Применяясь к новым условиям, она продолжает свою жизнь и поныне в основном в литературе для юношества. «Школа Жюля Верна» — разветвленное литературное направление, сложившееся столетие с лишним назад и доныне сохранившее свою жизненность.

Но главный секрет Жюля Верна — его талант романиста, мастера приключенческой интриги, первооткрывателя нового положительного героя, воплотившего в себе черты человека будущего, во многом созвучного героике нашего времени. Один из секретов немеркнущей популярности книг Жюля Верна — в умении создавать яркие образы, увлекать читателей делами героев, их подвигами и дерзаниями. И сегодня мы с волнением следим за полярной одиссеей капитана Гаттераса, хотя знаем, что Северный полюс давным-давно завоеван. И поныне капитан Немо, творец «Наутилуса», остается гениальным изобретателем и борцом за свободу, хотя его подводный корабль перестал быть чудом техники. А разве можно забыть Паганеля, Филеаса Фогга, Дика Сэнда, Роберта Гранта, Сайреса Смита, Мишеля Ардана, разве мыслимо бросить на середине чтение любого из романов Жюля Верна?

И раз уж зашел разговор о мастерстве классика, приведу интересное суждение писателя Виктора Важдаева, высказанное в письме к автору этих строк:

«Странно, но я вижу близость Жюля Верна (не внешнюю, а внутреннюю) к сказке. Она подобна алгебре: оперирует не частностями, а понятиями, в ней нет недоговоренности или ненужной здесь детализации, многогранности героев. Каждый из них — носитель определенной черты характера, выражающей понятия: добро или зло, хитрость или мудрость, смелость или трусость, справедливость или несправедливость. Герои Жюля Верна в своем роде — тоже «алгебраичны». И потому понятны детям и взрослым, простым людям и искушенным. Ведь алгебра одна и обязательна для всех. Вот благодаря этой «алгебраичности» героев Жюль Верн не стареет и ныне, когда предсказания его сбылись, и нынешний век начинает обгонять его реальную мечту. И он не постареет впредь. Потому что дело не в том, что не пушечный снаряд, а ракета достигла Луны, а в том, что Луны достигли люди (или лунник, запущенный ими), которые алгебраически могут быть отождествлены с героями Жюля Верна. И хотя Вы прямо не написали об этой алгебре, т. е. не назвали это алгеброй, но книга (документальная повесть «Впередсмотрящий». — Авт.) ее раскрывает перед читателем, если не в этой формулировке, то в этом соотношении героев писателя и героики торжества технической мысли людей XX века».

Выросший на идеях Сен-Симона и осуждавший любые формы угнетения человека человеком, Жюль Верн чем дальше, тем больше разочаровывался в возможностях буржуазной демократии, доказавшей (в частности, в условиях Третьей республики) полную неспособность обеспечить народу лучшее будущее. Отсюда и потеря прежнего оптимизма, и особенности его поздних, не вполне еще оцененных романов.

Осуждение погони за наживой, колониализма, использования научных достижений во вред людям, военных приготовлений великих держав — все это достаточно четко обозначено в таких романах, как «Вверх дном», «Плавучий остров», «Флаг родины», «Золотой вулкан», «В погоне за метеором», «Кораблекрушение «Джонатана», «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака».

И еще один немаловажный вопрос: отношение Жюля Верна к религии. Вопрос совсем не простой, несмотря на то что писателю принадлежит ясная формула, вложенная в уста профессора Лиденброка, главного героя «Путешествия к центру Земли»: «Все чудеса природы, как бы необыкновенны они ни были, всегда объяснялись физическими законами». Естественнонаучный пафос Жюля Верна неотделим от материалистического мировосприятия. Именно в таком духе воспринимали его творчество передовые читатели России. «Для революционных шестидесятников, — пишет исследовательница детской литературы А. Бабушкина, — Дарвин и Жюль Верн были разрушителями поповских взглядов, пропагандистами материалистического мировоззрения. Чтение их формировало душевные качества, делающие юное поколение способным в будущем выдержать борьбу со злом, с насилием».

Как же совместить естественнонаучную патетику «Необыкновенных путешествий» с «ортодок-

сальным католицизмом» автора, который так старательно подчеркивали все его французские биографы? Лишь совсем недавно выяснилось, что это — легенда. Одна из многих легенд, которую развеял в своей монографии (она выходит на русском языке в издательстве «Прогресс») внук писателя Жан Жюль-Верн. На всем протяжении своего документированного труда он прослеживает трансформацию религиозных взглядов Жюля Верна — от догматической веры, в которой его воспитал отец, до отказа от церковных обрядов и перехода к деизму, граничащему со стихийным материализмом. «Он остался деистом и продолжал эволюционировать в сторону от религии», — этот вывод подтверждается в книге многочисленными примерами биографии писателя и словами, вложенными в уста героев.

Когда Елена Гленарван обратилась к Паганелю с восклицанием: «Да поможет нам бог!» — географ уточнил: «Он нам поможет, мадам, если мы себе сами поможем». Уверенность в могуществе разума, утверждение Человека-творца, способного не только познать сокровенные тайны природы, но и преобразить ее на рациональных основах, не нарушая естественных законов Вселенной, звучит и в лунной дилогии, и в романе «Вверх дном».

Жюль Верн свято верил в бесконечность прогресса и никогда не сомневался в правоте своего изречения, которое можно проставить эпиграфом ко всему его гигантскому творчеству: «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, — все это всегда будет ниже действительных возможностей. Настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения».

100 лет со дня рождения АНТОНА ТАММСААРЕ

Как нечистый попытался стать человеком...

● Богу показалось, что его устройство мира и человека не столь совершенное, как это приличествовало бы его творению. «На небесах возникло сомнение: сотворен ли вообще человек таким образом, что он в состоянии обрести блаженство. Если нет, то по какому праву его посылают после смерти в ад?»

И вот Бог решает: проверить, так это или не так, и, в случае подтверждения худших опасений, — упразднить человечество вообще, изъять его, так сказать, из божественно-космического употребления. А чтобы проверка была надежной и ответственной, он поручает ее Нечистому, которому предлагается вочеловечиться на Земле и заслужить на ней блаженство. Выбор исполнителя и способа проверки божественно мудр: Нечистый — лицо, более любого другого заинтересованное в существовании ада, и если он, вочеловечившись, сумеет заслужить на Земле блаженство, значит и любой человек способен к тому же и, следовательно, существование как рая, так и ада вполне оправдано...

Такова символическая завязка «Нового Нечистого из Пекла» — последнего романа классика эстонской литературы Антона Таммсааре, столетие со дня рождения которого отмечается в этом году. А все дальнейшее содержание романа связано, как нетрудно понять, с земной жизнью Нечистого, которую он выбирает в образе бедного эстонского крестьянина Юрки, поселившегося на пустующем хуторе под названием Пекло. Твердо решив заслужить блаженство не искуплением грехов, а всей своей жизнью, Юрка мужественно борется с нищетой, голодом, несчастиями, удивляя всех окружающих своей нечеловеческой силой и фанатической верой. Вера эта столь тверда, что порой смущает даже пастора, который никогда не видел ничего подобного и у служителей церкви. Он ведь не верит, что Юрка — сам «оттуда», что ему даны вполне «реальные» гарантии и что уж кому-кому, а ему-то не приходится сомневаться в существовании Бога и Сатаны...

И что же, каков же результат благочестивых усилий Нечистого? С едкой внутренней иронией и со скрупулезной реалистической достоверностью Антон Таммсааре показывает, что ложь, насилие, несправедливость настолько господствуют в земной жизни, что даже туповатый и бессмертный Юрка, нацеленный на одно лишь смирение и терпение, не выдерживает — он бунтует против своего жестокого и подлого арендного хозяина, убивает его, сжигает усадьбу и погибает сам. Более того, — всей художественной логикой романа Таммсааре оправдывает Юрку, показывая, что только протестом и бунтом он и утверждает себя как человек.

...Ну, а как же насчет блаженства? Вот уже сто лет после своей земной смерти ходит Нечистый к воротам Царства божьего и надоедает апостолу Петру — когда же, наконец, решится его дело? Но увы — на небесах не спешат... Так, иронизируя, писатель отсылает своих читателей к решению их земных дел на земле своими усилиями и утверждает борьбу и бунт как реальный земной способ человеческого противостояния злу и социального переустройства общества.

Выходец из крестьянской семьи, Антон Таммсааре хорошо знал ту действительную крестьянскую жизнь, изображение которой и стало основной темой его творчества. Человек, глубоко озабоченный реальными проблемами своей нации и своей эпохи, писатель не мог не осуждать бесчеловечность окружавшей его социальной действительности и не пытаться найти пути преодоления социального неравенства и социальной несправедливости. Этому и посвящено все его творчество — от миниатюр и сказок, ранних повестей до пятитомной эпопеи «Правда и справедливость», от антирелигиозной психологической драмы «Юдифь» до последнего его романа «Новый Нечистый из Пекла».

Н. ВАСИЛЬЕВА

Думаю, умывать руки научились раньше, нежели мыть.

Берегите головы: небесная твердь!

Если судить о боге и дьяволе по размерам добра и зла, еще подумаешь, кому поставить свечу.

Иной раз не хочешь, а поверишь, что человек создан из глины.

Предоставить бессмертие иным душам было бы преступлением перед землей и небом.

Борис ЛЕСНЯК

Не вари компот из запретных плодов.

Каков поп, таков и доход.

Что будут делать иуды, если переведутся мессии?

Охотно исповедовался в чужих грехах.

Александр ФЮРСТЕНБЕРГ

ЧССР: 30 ЛЕТ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Ю. ЩЕРБАКОВ, кандидат исторических наук

В ТОТ ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ Вацлавская площадь была особенно многолюдной. С самого утра сюда подходили многочисленные манифестации рабочих с различных заводов Праги и из других городов, делегации крестьянских комитетов из сел и деревень, большие группы трудящихся. Над головами демонстрантов колыхались сделанные на скорую руку лозунги и транспаранты: «Остановим реакцию!», «Кладненские борцы труда не потерпят в правительстве предателей!», «В единстве трудящихся — к социализации!»

Строгие, озабоченные лица людей говорили о том, что в их жизни должно произойти что-то решающее, от чего зависит их судьба, что отвечает самым сокровенным помыслам и надеждам. С волнением они встретили появление на трибуне коренастого человека с простым мужественным лицом.

— Реакция, которая именно в это время готовила решительный удар против нашего народно-демократического строя,— говорил он,— сама потерпела поражение. Этому поражению реакции способствовали прежде всего бдительность и твердая боевая воля нашего народа. Единство нашего народа, единство рабочего класса, единство рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигентов — вот что дало нашему народу достаточно сил, чтобы в зародыше в течение нескольких дней ликвидировать козни и заговоры реакции.

Оратор закончил речь. И над старинной пражской площадью поплыли торжественные звуки «Интернационала». Его пели, слившись в едином порыве, демонстранты — рабочие и крестьяне, ремесленники и интеллигенты, их голоса объединялись в мощный, двухсоттысячный хор...

Это историческое событие произошло 25 февраля 1948 года. С трибуны Вацлавской площади обратился к народу с сообщением о том, что отныне всю власть в стране крепко взял в свои руки рабочий класс, весь трудовой народ Чехословакии, не кто иной, как Клемент Готвальд.

Отмечая большое историческое значение этой победы для судеб не только чешского и словацкого народов, но и всего мирового социализма, товарищ Л. И. Брежнев указывал, что «февраль 1948 года явился одним из переломных событий послевоенной истории. Это было крупное классовое сражение на мировой арене, выигранное социализмом»[1].

Февральские события явились закономерным результатом многолетней борьбы трудящихся Чехословакии за освобождение от социального и национального гнета под руководством славного авангарда рабочего класса — Коммунистической партии.

После разгрома фашизма и освобождения Чехословакии КПЧ выступила во главе рабочего класса за полное и неуклонное осуществление принятой еще в апреле 1945 года Кошицкой правительственной программы, в которой были закреплены главные задачи национально-демократической революции и выдвинут новый внешнеполитический курс народно-демократической Чехословакии — курс на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом.

Выражая чаяния рабочего класса и трудового крестьянства, коммунисты последовательно боролись за национализацию промышленности и проведение в стране решительных аграрных преобразований, за передачу земли тем, кто ее обрабатывает. В ходе этой борьбы они сплачивали вокруг себя широкие массы трудящихся, успешно осуществляя курс VIII съезда КПЧ (1946 г.) на упрочение народно-демократического строя, укрепление и дальнейшее творческое развитие всех завоеваний национально-демократической революции, на мирный переход к революции социалистической. Особое значение имела при этом реализация лозунга январского (1947 г.) Пленума ЦК КПЧ — «За большинство нации». Претворение его в жизнь означало упрочение ведущей роли партии рабочего класса среди широких слоев народа, постепенное подведение их к уяснению необходимости социалистических преобразований.

Однако буржуазный лагерь, силы реакции, поддерживаемые зарубежным империализмом, не хотели сдавать своих позиций и переходили в наступление. Они мечтали о реставрации старых капиталистических порядков. Борьба между рабочим классом, опиравшимся на все более широкие слои

Выступает Клемент Готвальд.

трудящихся, с одной стороны, и буржуазией — с другой, особенно обострилась начиная с середины 1947 года. Буржуазия выступала за принятие «помощи» со стороны американского империализма — «плана Маршалла», рассчитывая таким образом изменить внешнеполитическую ориентацию Чехословакии, оторвать ее от Советского Союза и стран народной демократии и восстановить в стране власть капиталистов. Враги социализма надеялись использовать в своих целях неурожай, который постиг сельское хозяйство Чехословакии летом 1947 года, и возникшие в стране продовольственные трудности. В этих условиях помощь Советского правительства (которое — несмотря на послевоенные трудности, в частности на то, что тогда в нашей стране еще не были ликвидированы последствия засухи 1946 года и все еще продолжала действовать карточная система, — в ответ на обращение Клемента Готвальда предоставило чехословацкому народу около 600 тысяч тонн хлеба и кормов) спутала карты чехословацкой буржуазии и западного империализма и явилась ярким доказательством последовательной интернационалистской позиции СССР.

Серьезной пробой сил как для рабочего класса, всех трудящихся страны, так и для буржуазии стал политический кризис, возникший осенью 1947 года в Словакии, где «демократическая» партия использовала свои позиции в Словацком национальном совете и Коллегии (Корпусе) уполномоченных (так тогда назывался высший орган исполнительной власти в Словакии) для того, чтобы помешать проведению революционных преобразований. На стороне реакции, как и прежде, здесь активно выступала католическая иерархия, пользовавшаяся большим влиянием в руководстве этой буржуазной

[1] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1975, стр. 112.

партии. Уже во время выборов 1946 года в Национальное собрание словацкое духовенство деятельно включилось в разнузданную антикоммунистическую кампанию, развязанную правыми партиями, в особенности демократической.

Голосование на выборах за коммунистов словацкие клерикалы — еще за два года до того, как с подобным же заявлением выступил Ватикан — объявили смертным грехом. Однако планам реакции не суждено было сбыться. Опираясь на широкую поддержку трудящихся, коммунисты добились роспуска старого Корпуса уполномоченных и назначения нового, в котором демократическая партия утратила свое господство. 19 ноября 1947 года был утвержден новый состав Корпуса, главой которого вновь стал коммунист — товарищ Густав Гусак. В своем выступлении по радио о задачах нового Корпуса уполномоченных 22 ноября 1947 года он призвал трудящихся бдительно следить за происками реакции и давать им отпор.

Однако уроки политического кризиса в Словакии не отрезвили буржуазию. Видя, что она окончательно утрачивает влияние в массах, ее политики решили, не дожидаясь выборов в Национальное собрание, намеченных на май 1948 года, организовать в стране реакционный путч. В этих условиях все буржуазные партии — национально-социалистическая, народная и словацкая демократическая — пошли на создание внутри Национального фронта антикоммунистического блока. Они рассчитывали изолировать Компартию, развалить Национальный фронт и, добившись отставки правительства Клемента Готвальда, поставить у власти новый, буржуазный, кабинет.

Буржуазные министры 20 февраля 1948 года подали в отставку, стремясь парализовать деятельность законного правительства, добиться ухода министров-коммунистов во главе с Клементом Готвальдом и сформирования нового, послушного им чиновничьего кабинета.

На стороне реакции в те дни выступила и церковная иерархия. Примас чешской католической церкви пражский архиепископ И. Беран, ссылаясь на Евангелие, призывал народ сохранять спокойствие и следовать заветам бывшего «президента-освободителя» Масарика и «продолжателя его дела» президента Бенеша, на которого правые возлагали особые надежды. Однако трудовой народ Чехословакии не внял этим призывам, а, как показали события, пошел за коммунистами.

КПЧ в этих условиях избрала тот испытанный путь, которым она выходила из всех сложных ситуаций,— обратилась к массам. От имени партии Готвальд на стотысячном митинге, состоявшемся 21 февраля на Староместской площади столицы, изложил принципиальную позицию коммунистов по поводу разрешения кризиса: принять отставку реакционных министров и пополнить правительство действительными сторонниками сотрудничества всех прогрессивных сил на базе Национального фронта.

В то время как представители буржуазии сосредоточили свою деятельность на закулисных переговорах, возлагая при этом особые надежды на президента Бенеша, коммунисты ориентировались на массовые организации трудящихся (Революционное профсоюзное движение, крестьянские комитеты и др.), в которых они имели преобладающее влияние. По инициативе Компартии по всей стране начали создаваться комитеты действия Национального фронта, которые стали важным средством мобилизации масс и сыграли решающую роль в удалении реакционеров из органов народной власти и общественных организаций. Они укрепили твердыми сторонниками народно-демократического строя национальные комитеты и местные органы политических партий и общественных организаций. Плечом к плечу с коммунистами в комитетах действия Национального фронта работали беспартийные представители массовых организаций, левые социал-демократы и приверженцы левого крыла других партий Национального фронта.

Вместе с тем КПЧ сплачивала массы, организовывала и развертывала массовые акции против происков правых, разоблачая их предательскую политику. Одновременно с многотысячным митингом подобные же манифестации состоялись в Братиславе и во всех областных, а также в ряде районных центров страны. На массовом митинге в братиславском Редуте 21 февраля 1948 года выступил председатель Корпуса уполномоченных товарищ Г. Гусак, призвавший трудящихся Словакии дать «убедительный ответ реакционному руководству Демократической партии, которое стремится к ликвидации народной демократии в нашем государстве».

В авангарде всех этих выступлений шел пролетариат. Делегация представителей рабочих крупнейших заводов Праги, Кладно и Пльзеня потребовала от президента Бенеша отставки реакционных министров.

В эти исторические дни в Праге проходил учредительный съезд Союза чехословацко-советской дружбы. В сложившейся обстановке его решения, выражавшие волю широких масс в вопросах международной ориентации страны и выбора путей ее дальнейшего развития, приобрели особое значение. Съезд заявил о своей полной поддержке политики КПЧ и ее исторического курса на создание в стране социалистического общества. Гарантией его претворения в жизнь, по глубокому и единодушному убеждению всех участников съезда, могли быть только тесная дружба и сотрудничество с Советским Союзом.

22 февраля 1948 года по предложению коммунистов открылся общегосударственный съезд заводских комитетов и профсоюзных организаций, в работе которого участвовали 8 тысяч делегатов, избранных двумя миллионами членов Революционного профсоюзного движения. Подавляющее большинство делегатов потребовали отставки буржуазных министров и разрешения правительственного кризиса именно тем путем, который предлагала Коммунистическая партия.

Единство трудового народа с особой силой проявилось и в ходе всеобщей забастовки, которая состоялась по решению съезда заводских комитетов и профсоюзных организаций 24 февраля. В этой могучей политической акции приняло участие 2,5 миллиона рабочих и служащих 24 тысяч заводов, фабрик, учреждений и организаций по всей стране. Мощное выступление трудящихся в поддержку политики КПЧ убедительно свидетельствовало о правильности ее позиции в борьбе за ликвидацию политического кризиса и оказало решающее влияние на ход событий.

25 февраля 1948 года президент Бенеш оказался вынужден под давлением народных масс принять отставку буржуазных министров и назначить, по предложению Готвальда, новое правительство Национального фронта, очищенное от реакционеров.

Это была историческая победа рабочего класса, всех трудящихся Чехословакии, ознаменовавшая начало нового этапа в развитии страны — строительства социализма. Она явилась выражением самых глубоких надежд и чаяний миллионов трудящихся ЧССР, стремившихся к тому, чтобы ни в коем случае не допустить возврата к капиталистическим порядкам, к социальному и национальному гнету, чтобы обеспечить подлинную социальную справедливость и национальное равноправие чешского и словацкого народов, всех национальностей республики на базе социалистического общественного строя. Установив диктатуру пролетариата, эта победа создала необходимые политические предпосылки для осуществления социалистических преобразований во всех сферах жизни — в экономике, в социальных отношениях, в культуре и идеологии. Благодаря своей глубоко продуманной тактике, основанной на учении В. И. Ленина о перерастании революции демократической в социалистическую, КПЧ сумела изолировать эксплуататорские классы и одержать знаменательную победу в политическом противоборстве с буржуазией мирным путем, используя парламентские формы и способы борьбы, при опоре на растущее движение и поддержку самых широких трудящихся масс.

Важным внешнеполитическим фактором развития народов Чехословакии по избранному ими пути явилась их дружба с Советским Союзом и народно-демократическими государствами. Мощь и авторитет нашей страны на международной арене не позволили силам империализма организовать вооруженную интервенцию против ЧССР и создали благоприятные внешнеполитические предпосылки для Февральской победы.

«В февральские дни 1948 г.,— отметил в 1973 году Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Г. Гусак,— решался вопрос о том, пойдем ли мы вперед — к социализму или назад — к капитализму. Решался вопрос о том, станет ли Чехословакия снова игрушкой в руках империалистических сил или надежно обеспечит свое будущее в прочном союзе с СССР, братскими социалистическими странами. С высоты минувшей четверти столетия особенно ярко и наглядно видно, каким важным рубежом стала февральская победа народа, какую роль она сыграла во всем дальнейшем развитии нашего чехословацкого общества»[2].

Великие заветы и традиции победоносного Февраля 1948 года не удалось поколебать праворевизионистским и антисоциалистическим силам и в сложный, богатый драматическими событиями период 1968—1969 годов, когда эти антинародные элементы при поддержке империалистических кругов Запада

---

[2] Густав Гусак. Избранные статьи и речи. М., 1973, стр. 935.

попытались повернуть развитие страны вспять, лишить ее великих побед и завоеваний, достигнутых в февральские дни 1948 года и в ходе строительства социализма, поставить под угрозу нерушимую дружбу народов Чехословакии с Советским Союзом, со всем социалистическим содружеством.

Обеспечив преодоление кризисных явлений в партии и обществе, КПЧ повела рабочий класс, всех трудящихся в духе великих заветов Февраля на борьбу за укрепление социалистического строя, выдвинув на своих XIV и XV съездах вдохновляющую программу построения развитого социализма.

В процессе этой огромной созидательной творческой деятельности чехословацкой Компартии и ее борьбы выдержал все испытания, приобрел еще большую жизненную силу и один из самых главных заветов Февральской победы — дружба между народами Чехословакии и Советского Союза — залог новых успехов чехословацких трудящихся в их свободном, самостоятельном развитии по пути построения зрелого социалистического общества, дальнейшего упрочения авторитета и влияния ЧССР на международной арене.

Говоря о продолжении, развитии и обогащении великих, немеркнущих заветов Февраля — заветов дружбы и сотрудничества трудящихся Советского Союза и народов Чехословакии, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «За минувшие годы наша дружба окрепла и возмужала. Все главное, что составляет смысл жизни и труда народов Советского Союза и Чехословакии, роднит и объединяет нас»[3].

В великой семье мирового социалистического сообщества, плечом к плечу с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества народы Чехословакии уверенно идут по пути строительства зрелого социализма, свято берегут и развивают великие исторические традиции Февральской победы.

[3] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1975, стр. 113—114.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Карел ГРУЗА,
руководитель Секретариата
по церковным делам
при Президиуме
Правительства ЧССР

За последнее время буржуазные средства массовой информации все ожесточеннее развертывают антикоммунистическую кампанию, пережевывая всевозможные клеветнические измышления о так называемых «нарушениях прав человека» в странах социалистического содружества, в том числе и о мнимом несоблюдении прав граждан на свободу вероисповедания и отправления религиозного культа.

Разумеется, при этом подобные «специалисты по Восточной Европе» в своих инсинуациях не обходят и Чехословакию, пытаясь представить ее государством, где будто бы нет свободы вероисповедания.

Не приходится удивляться тому, что к нападкам на нашу страну антикоммунистических и античехословацких центров подключились и судетонемецкие реваншисты.

Лучший ответ на все подобные измышления — показать, как действительно обстоит дело в Чехословакии с соблюдением принципа свободы совести, какие отношения здесь сложились между государством и церковью, между верующими и неверующими.

Наше социалистическое общество руководствуется ленинскими принципами, нашедшими свое правовое выражение в Конституции Чехословацкой Социалистической Республики, статья 32-я которой гласит:

«1. Свобода совести гарантируется. Каждый гражданин имеет право исповедовать любую религию или же не исповедовать никакой религии, а также отправлять религиозные обряды, поскольку это не противоречит закону.

2. Вероисповедание или же убеждение не может ни для кого служить основанием для уклонения от выполнения гражданской обязанности, возложенной на него законом».

Чтобы гарантировать свободу вероисповедания, 14 октября 1949 года были изданы законы № 217 и 218/49, которые имеют своей целью «внимательно следить за тем, чтобы церковная и религиозная жизнь находилась в согласии с законом и принципами народно-демократического строя, и обеспечить каждому гарантированное право на свободу вероисповедания, основанное на принципах религиозной терпимости и равноправия всех религий» (§ 1 Закона № 217/49).

О том, что эти гарантии строго соблюдаются, свидетельствует хотя бы письмо, полученное в конце января 1977 года министром культуры ЧССР от совета иудейских религиозных общин. «Наша, хотя и численно небольшая религиозная община, — говорится в нем, — может очень хорошо сравнить прошлое, когда граждане еврейской национальности были действительно лишены всех человеческих и личных прав, с нынешним положением, в котором мы находимся как свободные и равноправные граждане ЧССР. Мы, чехословацкие евреи, наравне со всеми другими гражданами государства пользуемся всеми свободами и правами, гарантированными нам Конституцией и законами, в том числе и свободой вероисповедания, которую государство обеспечивает полностью даже и в материальном отношении».

В соответствии с нашей Конституцией и законами, касающимися религиозных культов, наше общество не только гарантирует свободу вероисповедания, но и взяло на себя обязательства, обеспечивающие религиозные нужды верующих сограждан, — например выплачивает жалованье духовенству и выделяет значительные суммы на капитальный и текущий ремонт церковных сооружений.

Только в Праге государство выделило в 1975 году свыше 22 миллионов крон на ремонт храмов. На эти средства, в частности, был реконструирован костел святого Николая, ремонт которого обошелся в 11 миллионов крон. В 1976 году наше государство ассигновало на капитальные ремонты церковных зданий 164 миллиона крон.

Реставрируются не только крупные памятники церковной архитектуры, но и небольшие сельские церковки, подтвердил в беседе с корреспондентом ЧТК 30 декабря 1976 года директор чешской католической благотворительной организации «Шарите» Ян Мара. «Надо признать и оценить тот факт, — сказал он, — что чехословацкое государство выделяет такие крупные средства на ремонт церковных сооружений. Ведь только на капитальный ремонт неоготического костела святой Людмилы в Праге, на Виноградах, управляющим которого я являюсь, с 1972 года было отпущено 9 миллионов крон». Государство предоставило крупные субсидии на ремонт церквей в Братиславе, Велеграде, Кошице и других городах.

Органы власти не делают различий между неверующими гражданами и приверженцами той или иной конфессии. Решением правительства от 27 июля 1954 года был отменен учет граждан по религиозному признаку. С тех пор ни одно государственное учреждение или предприятие не вправе требовать от граждан сведения об их вероисповедании, а соответствующая графа упразднена в анкетах и других официальных бумагах. Это означает также, что на основании факта крещения, церковного брака или другого внутрицерковного акта нельзя обязать или принудить какого-либо гражданина выполнять культовые обряды или иные связанные с этим актом обязательства, предоставлять ему привилегии или подвергать дискриминации и т. д. Таким образом, наше законодательство в равной мере обеспечивает интересы и верующих, и неверующих.

По отношению к государству, которое представляет интересы всех граждан, независимо от их отношения к религии, последняя является частным делом, и в соответствии с нашим правопорядком каждый может совершенно свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, то есть быть атеистом.

Заметим в скобках, что этот принцип не соблюдается в ряде буржуазных государств. В некоторых штатах США, например, законы не дозволяют атеистам работать в государственных учреждениях, а суды не принимают во вни-

Перевод статьи, опубликованной 23. II. 1977 г. в газете «Руде право». Публикуется с некоторыми сокращениями.

мание показания свидетелей-атеистов. В Италии, Австрии, Швеции и Норвегии атеисты неравноправны по сравнению с верующими.

Мы допускаем, чтобы в школах, в случае согласия обоих родителей, детей учили религии. И в то же время просто нельзя себе представить, чтобы в школах США, Испании, ФРГ и других западных стран знакомили бы с научным мировоззрением, с диалектическим и историческим материализмом.

О том, что у нас соблюдается закон, на основе которого регулируются отношения между государством и церковью, свидетельствует также и следующий факт: в ЧССР действуют 18 религиозных объединений — римско-католическая, православная, чехословацкая гуситская, словацкая евангелическая, силезская евангелическая, евангелическая церковь «Чешских братьев» и другие церкви, а также иудейская община.

Все церкви имеют у нас — в Праге и Братиславе — свои руководящие органы, во главе которых стоит назначенная или избранная в соответствии с внутрицерковными принципами или обычаями церковная иерархия, насчитывающая в своих рядах в общей сложности 4860 священнослужителей, в том числе 27 епископов. В соответствии с уже упомянутым законом № 218/49 государство выплачивает им регулярное жалованье. Духовные лица пользуются теми же правами, что и все чехословацкие граждане.

Подготовка новых кадров священнослужителей проводится церквами на богословских факультетах шести университетов. Число принимаемых студентов богословия определяется самим руководством церквей в зависимости от их потребностей, что же касается стипендий и общежитий, то их опять-таки предоставляет государство. В настоящее время на этих факультетах занимаются 470 студентов. По признанию представителей ряда конфессий, без такой материальной поддержки существование большинства церквей было бы практически невозможно.

Церкви и религиозные общины издают церковные календари, Библию, молитвенники, богословские труды, а также периодику: еженедельник «Католицке новины» на чешском и словацком языках, евангелический двухнедельник «Посол зпод Татер», гуситский «Чешский зáпас» и другие. В общей сложности в Чехословакии насчитывается 27 церковных периодических изданий.

Античехословацкие клеветники часто утверждают, будто нашим гражданам небезопасно посещать церкви и выполнять там религиозные обряды. Непонятно только, для кого же тогда, например в Праге, действует 195 костелов, молитвенных домов и иных богослужебных пунктов. Они открыты и доступны для каждого, ежедневно, а порой дважды или трижды в день, там отправляются богослужения.

Во всей Чехословакии в распоряжении верующих находится в общей сложности 8228 храмов. Так, например, приверженцы евангелической церкви «Чешских братьев» располагают 393 молитвенными помещениями, словацкой евангелической церкви — 471.

По просьбе верующих граждан священнослужители могут выполнять такие церковные обряды, как крещение, венчание, отпевание. Никто не подвергается преследованиям или порицанию за то, что крестил своего ребенка или венчался в церкви.

Однако абсолютно справедливо и полностью отвечает принципам свободы вероисповедания, если родители отказываются крестить своего ребенка в церкви. Точно так же многие уже не считают нужным освящать свой брак по церковному обряду, их вполне устраивает оформление брака местным национальным комитетом.

Отделы по работе с населением, деятельность которых является важной составной частью всей воспитательной работы национальных комитетов, организуют торжественные церемонии наречения имени новорожденным и гражданского бракосочетания, а также гражданские похороны.

Можно привести много убедительных примеров того, что в нашей республике полностью уважается религиозная свобода.

«Что касается нашего отношения к религии, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент республики товарищ Густав Гусак в Отчетном докладе ЦК XV съезду Компартии Чехословакии, — то наша точка зрения известна. Социалистическое государство уважает религиозные чувства верующих и ценит то, что подавляющее их большинство добросовестно участвует в процессе созидания».

Зарубежным клерикальным центрам, добивающимся того, чтобы католические священнослужители и верующие в ЧССР встали в оппозицию к социалистическому строю, совершенно недвусмысленно ответил братиславский профессор теологии, член президиума движения католических священнослужителей «Пацем ин террис» («Мир на земле») д-р Алоис Горак. «Наше содружество, — заявил он, — хочет быть именно гарантией того, что католические священники не станут злоупотреблять религией в целях создания антисоциалистической оппозиции, так как это противоречило бы духу II Ватиканского собора, но будут призывать к лояльности по отношению к социалистическому строю».

Эта принципиальная и политически правильная позиция нашла свое отражение в декларациях, с которыми церкви, действующие на территории ЧССР, выступили по случаю 30-летия со дня Освобождения нашей страны Красной Армией, а во время выборов в органы Народной власти призывали к поддержке созидательной программы КПЧ и Национального фронта.

Достойную отповедь церковные руководители в нашей республике дали и отщепенцам, распространявшим злобный антисоциалистический пасквиль — так называемую «хартию-77», утверждавшую в числе прочего, будто у нас нет религиозной свободы. Эти клеветнические нападки были осуждены в ряде заявлений, сделанных по этому поводу как национальным епископатом самой крупной в стране католической церкви, так и представителями других церквей, входящих в некатолическую «Христианскую мирную конференцию» (ХМК). В этих документах подчеркивалось, что «искажение правды о правах человека и религиозной свободе в нашей стране намеренно направлено на то, чтобы нанести ущерб доброму имени Чехословакии и других социалистических стран, подорвать мирные христианские усилия, прилагаемые церквами в ЧССР».

Последние решительно отстранились от попыток использовать религию во зло социализму, во враждебных, антисоциалистических целях. «Точно так же, как ребенок никогда не станет клеветать на родную мать, так и верный гражданин никогда не скажет неправды о своей родине», — заявляют в своем письме от 17 января 1977 года, адресованном министру культуры ЧССР, представители словацких некатолических церквей.

Пропагандисты антикоммунизма на Западе очень хотели бы, злоупотребляя религиозными чувствами верующих, восстановить их против социалистического строя, но результаты этой провокационной возни явно не соответствуют возлагаемым на нее надеждам. Попытки различных церковных эмигрантских клерикальных группок в этом направлении также оказались тщетными.

Успехи социалистического строительства благотворно влияют на мировоззренческую ориентацию граждан ЧССР. Победа социализма в основном устранила социальные корни религии. Немало бывших верующих, преодолев былые заблуждения, перешли на позиции научного мировоззрения. Среднее и младшее поколения явно отошли от религии, особенно в промышленных районах и городах.

Однако, несмотря на поступательный ход процесса секуляризации, религия пока что продолжает оказывать влияние на некоторую часть населения. Это диктует необходимость совершенствования политической воспитательной работы, в том числе мировоззренческого воспитания.

На это указывал октябрьский (1972 г.) Пленум ЦК КПЧ, подчеркнувший, что «социалистический человек, активный, сознательный творец нового общества, должен быть свободен от предрассудков и обскурантизма. К ним относится и религия, которая веками неотделима от социального гнета. Она базируется на слепой вере и страхе, сковывает силы человека, ограничивает возможности его всестороннего развития, давит его такими нравственными принципами, которые не имеют ничего общего с действительным человеческим счастьем. Освобождение человека от религиозных предрассудков невозможно при жизни одного поколения, так как речь идет о длительном и сложном процессе. Отсюда вытекают высокие требования, предъявляемые к атеистической пропаганде и воспитанию, призванным избавить верующего от духовного гнета, укрепить в человеке сознание собственных сил, способностей и разума...»

Таким образом, мы открыто и искренне говорим, что именно в интересах дальнейшего развития социализма осуществляем целенаправленные действия, ведущие к преодолению религиозных пережитков. Эту работу мы будем вести терпеливо, создавая необходимые условия для того, чтобы в процессе строительства социализма атеизм утвердился в сознании каждого гражданина Чехословакии.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ КОММЕНТИРУЕТ БИБЛИЮ

К. ГАБОВА

В течение последних лет церковь выпустила несколько изданий на разных языках (вплоть до брайлевского «языка слепых») «Словаря библейского богословия». Составлен он, как сказано в предисловии, «интернациональной группой католических экзегетов — профессоров духовных академий». Все издания идут под официальным грифом «церковных властей» и снабжены кратким предисловием кардинала Ж. Виллебрандса, представителя ватиканского секретариата «по делам христианского единства». Перед нами, таким образом, не просто коллективное сочинение нескольких авторов, а официальное издание, выражающее вероисповедную позицию католической церкви на данном этапе. Русское издание выпущено в 1974 году в Брюсселе издательством «Жизнь с богом».

Это издание не похоже на «библейские словари», или так называемые симфонии, где обычно приводится список слов и понятий, присутствующих в Библии, с указанием соответствующей книги, главы и стиха. Здесь даются главные, основополагающие концепции христианского вероучения, излагающиеся в Библии, причем каждая из них сопровождается статьей, содержащей ее толкование церковью. То, что это современное толкование, подчеркивается авторами и редакторами. Кардинал Виллебрандс в своем предисловии связывает актуальность издания с тем, что «мы живем в эпоху быстрых изменений», обусловливающих необходимость понять, «почему постоянное обновление, происходящее в жизни церкви на протяжении веков, в наши дни становится все интенсивнее».

Представляет немалый интерес вопрос о том, в какой мере церковь пошла навстречу «духу времени» и на какую степень модернизации своего отношения к Библии она осмелилась на современном этапе своего существования.

ПРОБЛЕМА БОГОДУХНОВЕННОСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ БИБЛИИ

Традиционный богословский вариант решения этой проблемы общеизвестен: Библия — произведение, лишь формально могущее считаться человеческим, ибо настоящее ее происхождение — божественное, а люди, написавшие отдельные ее книги, были вдохновлены, «инспирированы» святым духом, так что в целом она выражает божественное откровение.

Многие иудейские (в отношении Ветхого завета) и христианские богословы в настоящее время стоят в данном вопросе на более «гибкой» позиции. Не вспоминая прежние категорические утверждения о божественном источнике и абсолютной всемудрости священного писания, они говорят о необходимости его демифологизации и о том таинственном духовном смысле, который после таковой демифологизации может в нем обнаружиться. Как решает вопрос о божественном смысле библейских писаний рассматриваемый нами Словарь?

Уже во введении дается жесткая установка: «Священное писание есть слово божие к людям»; при всем многообразии книг и жанров Библии она представляет собой некое единство, в основе которого лежит божественное откровение. Поэтому каковы бы ни были отдельные ее элементы и некоторые тексты, смущающие современного человека своей архаичностью, все в целом представляет единую конструкцию божественного происхождения. Откуда мы это знаем? Следует четкий ответ: «Единство Библии утверждается с полной достоверностью только верой, и одна она определяет его границы». И тут же ставится вопрос: почему, собственно, многие другие тексты, как будто бы ничем не хуже по своей мудрости и благочестивому смыслу, чем те, которые вошли в Библию, не включены в ее канон? Конкретно говоря, речь идет о том, что в канонический сборник Притч Соломоновых вошли всякие поговорки, «тогда как целые книги большой религиозной ценности, родственные лучшим каноническим писаниям, как, например, Притчи Еноха или Псалмы Соломона, остались вне канона?».

Пожалуй, лучше бы авторы не ставили этого вопроса, ибо ответ на него они сумели дать лишь такой: «Критерий дается здесь только верою». Значит ли это, что один христианин имеет право считать вполне богооткровенными Притчи Еноха, ибо вера диктует ему это, а другой с тем же правом откажется признать каноничность книги Левит на том же основании, и оба будут правы? Нет, конечно, когда говорят о вере, то имеют в виду то, что диктуется церковью.

Однако с самого начала авторами выдан вексель, по которому они обязаны учесть «последние данные библейской науки». Надо его как-то оплачивать, но, по возможности, без ущерба для учения о богодухновенности Библии.

Вот, например, данные столетней давности (не такие уж последние и тем более неопровержимые) о том, что многие мифы Пятикнижия заимствованы у древних ассириян, вавилонян, иранцев и других народов из окружения израильтян. Словарь не возражает против этого очевидного факта. Но он препарирует его к вящей славе Библии: ее авторы «пользуются элементами соседних культур и религий; если они их принимают, то лишь для того, чтобы, очистив их, отдать на служение единственному откровению... Будь то образы, заимствованные из вавилонского мифа о сотворении мира, или же месопотамское предание о потопе, символика грозы из ханаанской мифологии, иранские представления об ангелологии или фольклорные сцены с сатирами и злокозненными зверями — все это фильтруется и как бы заново создается под действием веры в бога творца, спасительный замысел которого развивается во всей истории».

У читателя здесь может возникнуть ряд недоуменных вопросов. Чтобы у бога был спасительный замысел, нужно, чтобы возникла такая ситуация, при которой потребовалось бы его осуществление, а такая опасная ситуация без воли божией не могла бы возникнуть; получается что-то вроде завязывания узла со специальной целью его последующего развязывания. Непосредственно же к интересующему нас здесь вопросу относится другое соображение: в ветхозаветных мифах не видно никаких следов такой их возвышенной очистки через фильтр божественного откровения, который ставил бы их в интеллектуальном, эстетическом или моральном отношениях выше мифологии других древних народов Ближнего Востока. Зафиксируем все же признание церковью того обстоятельства, что повествования Пятикнижия во многом позаимствованы древними израильтянами у не избранных богом Яхве народов.

Важные признания содержит Словарь и в вопросе о датировке отдельных библейских книг и текстов и об их авторах. В нем сказано: «По схематическому представлению, унаследованному церковью от древнего иудейства, считалось, что все Пятикнижие написано Моисеем; все Псалмы приписывались Давиду, книги Премудрости Соломону, · все 66 глав Исаии — одному-единственному пророку VIII века. Теперь мы знаем, что в этом было упрощение».

Сказано несколько стыдливо, ибо, по сути дела, речь идет не об упрощенных, а об ошибочных взглядах, что признают и авторы Словаря. Они говорят, что «в своей письменной форме эти книги могли сложиться только в сравнительно позднюю эпоху, уже после установления монархии Давида». Книги могут существовать только в письменной форме, стало быть, надо понимать авторов так, что уж во всяком случае ранее Давида, то есть ранее X века до нашей эры, ни одной библейской книги не существовало. А это в свою очередь должно означать, что «Моисеево Пятикнижие» — вовсе не Моисеево. Отметим и это признание католических авторов.

Они уже приемлют и основные выводы исторической библейской критики об источниках первых книг Ветхого завета — Яхвисте, Элохисте, Второзаконии и (несколько замаскированно) Жреческом кодексе. Книги пророков также рассматриваются в отношении их происхождения совсем не в традиционной церковной манере. Вот характерное заявление: «Даже сборник (!) Иеремии, в составлении которого значительное участие принимал несомненно Варух, содержит и более поздние тексты; так же обстоит дело с книгами Амоса, Михея, даже Иезекииля. Вторая часть Захарии представляет собой анонимное добавление, современное Александру Великому (ок. 330 г.). Что касается книги Исаии, в ней заметно столько рук и столько различных исторических контекстов, что в своем теперешнем виде

она составляет настоящую систему пророческого учения». Дальше идет детальное перечисление того, как и в какое время могли быть написаны главы и стихи книги Исаии. В результате от цельного произведения величайшего из пророков, по существу, ничего не остается. Но богословам надо как-то замаскировать это обстоятельство. И то, что книга Исаии в их собственном изображении оказалась мозаикой из сочиненных в разное время кусков, подается так, будто она выглядит как «система пророческого учения», составленная из разных элементов.

Дело, однако, не только в установлении авторства отдельных библейских книг и их датировке. Признать сами категории Яхвиста и Элохиста — значит сделать важный шаг к правильной характеристике древнего иудаизма, отказавшись от церковного учения о нем, как об исконном монотеизме. Уже в предисловии издательства к Словарю «обращается внимание изучающих Библию на тот факт, что малочисленный еврейский народ... сохранил монотеизм на протяжении тысячелетий, хотя он и был окружен могущественными языческими соседями». Дальше этот факт именуется «чудом еврейского монотеизма». И все это построение рушится, стоит только подумать над самим смыслом слов Яхве и элохим.

Яхве — собственное имя бога, элохим — множественное число от нарицательного древнесемитического обозначения бога (любого бога!); единственное число звучит как элоха или элоах. Яхве — это тот элоха, которого выбрали израильтяне из многих элохим, сделав его объектом своего поклонения. Перед нами, таким образом, не монотеизм, а политеизм в его энотеистической форме [1]. Признать это — значит не только лишить еврейство ореола народа-богоносца, принесшего всему человечеству свет монотеистической религии, но и подорвать историческую основу христианства, базирующегося в доктринальном отношении на древнеизраильской религии Ветхого завета. Как же выходит из такого положения Словарь?

Кое в чем он проявляет даже известную объективность. Так, некоторые богословы пытались трактовать слово «элохим» как почтительную форму единственного числа — «множественное величальное». В Словаре по этому поводу сказано: «Элохим — множественное число; оно не является формой величания — такой формы еврейский язык не знает». Как же тогда понимать такую явно политеистическую форму почитания бога в Библии? На это следует такой ответ: форму элохим «нельзя считать следствием каких-либо пережитков многобожия, которые невероятны, если принять особую чувствительность израильского склада ума в этой области. По всей вероятности, это множественное число — след общесемитского миропонимания, при котором божественность воспринимается как множественность сил». Итак, множественность не богов, но сил. А в чем разница?! И называются-то эти силы богами! Не очень удачно объясняют официальные католические богословы «трудные» страницы Библии.

С Новым заветом дело пока обстоит и проще, и сложней. Довольно легко в отдельных случаях делаются признания, казалось бы ставящие на голову традиционные позиции. О некоторых посланиях Павла говорится, что в связи с ними «возникает сложный вопрос литературного (авторского.— К. Г.) характера: можно предположить во всяком случае участие секретаря». Что касается Послания к евреям, то, хотя «древнее предание всегда включало его в корпус писаний апостола Павла, не подлежит сомнению тот факт, что писавший его сильно отличался от апостола Павла и по стилю и по образу мышления, указывающих на его александрийское происхождение». Стало быть, в данном случае автор — не Павел. Послания Петра тоже не принадлежат Петру. Сомнительно выглядят некоторые черты всех новозаветных произведений, связанных с именем Иоанна: их языковые и стилистические различия «заставляют думать, что их окончательная редакция вероятно принадлежит ученикам апостола Иоанна». А может быть, не «окончательная редакция», а весь текст?

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ БИБЛИИ

Как известно, одно из основных направлений модернизации религиозных учений заключается теперь в том, что они «демифологизируются», их мифологическое содержание объявляется несущественным и не относящимся к содержанию вероучения. Радикальные группировки среди теологов как протестантского, так и католического направлений, считают демифологизацию христианства необходимым условием его выживания.

Как же относится к мифологическому содержанию Библии католический словарь? Он отрицает наличие мифов в Библии.

Излагается, скажем, история сотворения мира по книге Бытия. Сначала — вариант, содержащийся во II главе, потом — вариант I главы, с деталями и с заключением: «Наконец, завершив сотворение к седьмому дню, бог почил от дел своих». Второй вариант комментируется следующим образом: «Черты этого второго повествования, общие с вавилонскими преданиями (победа над бездной, отделение воды под твердью от воды над твердью, сотворение светил), не имеют никаких элементов мифологической концепции». Почему вавилонское повествование — миф, а совпадающее с ним даже во многих деталях библейское — богооткровенная истина? Перечисляются черты различия: «Бог действует один, совещается только с самим собой. Его победа над хаосом не есть исход подлинной битвы. Бездна (техом) не является злым божеством, как вавилонская Тиамат, ничего не говорится ни о чудовищах, ни о бесах, побежденных или закованных богом». Что касается «совещания с самим собой», то напомним, что все время здесь говорит и действует не «бог», как это выглядит в русском переводе Библии, а множественное «элохим», так что «совещания» имеют явно коллегиальный характер. Но в остальном авторы Словаря просто озадачивают читателя.

Все, что только что отрицалось, через две страницы признается. О ряде книг Ветхого завета сказано: «Создатель представляется как герой в грандиозной битве против зверей, олицетворяющих хаос, Раава или Левиафана. Эти чудовища были низложены (Книга Псалтирь, пс. 88, ст. 11), сражены (книга пророка Исаии, гл. 51, ст. 9; книга Иова, гл. 26, ст. 12), сокрушены (книга Псалтирь, пс. 73, ст. 13). Они не уничтожены окончательно, но погружены в сон (книга Иова, гл. 3, ст. 8), поставлены под стражу (книга Иова, гл. 7, ст. 12; гл. 9, ст. 13), водворены в море (книга Псалтирь, пс. 103, ст. 26)». Стало быть, есть и звери, и чудовища, и непрекращающаяся борьба с ними бога, и все прочее, что мы находим в ассиро-вавилонской мифологии. Но при всем при том сообщается, что библейское представление о творческом акте «совершенно свободно от мифологических концепций, искажавших его на древнем Востоке. Здесь это лишь поэтические образы или символы». На каком основании мы должны в одном случае мифы принимать как таковые, в другом же — как символы, остается тайной. Совершенно ясно, что решение вопроса зависит от того, как приказывает верить церковь.

Много хлопот доставляет авторам Словаря вопрос о чудесах, легендами о которых насыщены библейские повествования. По тексту книги можно понять, что чудеса в действительности бывали, а можно понять, что их и не бывало. Большая статья на эту тему демонстрирует именно такое многообразие схоластических ухищрений. Вообще-де не так уж важно, были ли чудеса и как именно они происходили: «засохла ли бесплодная смоковница «тотчас» (Евангелие от Матфея, гл. 21, ст. 19) или позднее (Евангелие от Марка, гл. 11, ст. 20) «не имеет значения. Важно лишь поучение, скрытое за этим символическим жестом». Характеристика всего рассказа как символического дает понять, что дело здесь не в деталях («тотчас же» или позже), а в том, что самого-то события фактически не было, важна лишь «мораль сей басни». И дальше перечисляется ряд таких повествований о чудесах, которые имеют «чисто дидактический характер»; то есть авторы Словаря считают, что самих-то этих чудес не было. Затем говорится о ряде повествований, в которых «допущены преувеличения фольклорного характера». Из всего этого трудно извлечь какой-либо реальный смысл. Скажем, «предания о десяти казнях египетских, чудесах в пустыне и при завоевании Ханаана» «обросли в течение веков преувеличениями», но «в основе их лежит историческая действительность». А авторы этих повествований не дали точного изложения хода событий, они лишь «компилировали предания, свободно использовали повествования, но никогда не забывали их религиозной цели, а именно — показать присутствие всемогущего бога-покровителя на заре истории избранного народа».

С чудесами, фигурирующими в биографии Иисуса Христа, авторы обращаются значительно осторожней. Правда, на исторической достоверности

[1] Энотеизм (однобожие) — поклонение и воздавание культа одному богу из многих, признаваемых реально существующими. Подробнее см. об этом: И. А. Крывелев. История религий, т. 1. М., 1975, стр. 57—79.

евангельского жизнеописания богочеловека они уже не настаивают: «Евангелия не являются жизнеописаниями Иисуса, составленными по правилам современной историографии. Написанные верующими, дабы пробудить и укрепить веру, они согласуют данные воспоминаний, преображая их в свете веры в воскресение». На чем авторы Словаря здесь настаивают — это лишь на «историческом характере самой личности Иисуса из Назарета», ссылаясь при этом на данные «научной критики». Чудеса, сотворенные Иисусом и связанные с его персоной, конечно, не отрицаются. Но и о непорочном зачатии, и о воскресении, и о телесном вознесении говорится скупо, как бы нехотя. Может показаться странным, но в «Словаре библейского богословия» нет статей о непорочном зачатии ни Иисуса, ни богородицы, ничего не говорится о воскресении Иисуса Христа, о таких совершенных им чудесах, как, например, воскрешение Лазаря. Есть статья на тему о вознесении Иисуса, но в ее многословии так тонет сам смысл, что остается лишь гадать, действительно ли Иисус вознесся на небо и воссел там, как утверждает церковь, по праву руку бога-отца или нет. В общем, это «тайна, превосходящая чувственный опыт», а событие, присходившее на Елеонской горе, заключалось лишь в том, что «апостолы видели своего учителя, удаляющегося от них, чтобы возвратиться к богу».

С самим небом тоже не все понятно. Известно, что библейская картина мира включает в себя небо как особую пространственную сферу, служащую местом пребывания высших вселенских сил. Словарь сообщает уклончиво: «По естественно возникшему представлению, распространенному по всему миру и и с п о л ь з о в а н н о м у Библией (разрядка наша.— К. Г.), небо является жилищем божества». Приводится ряд ссылок на библейские тексты, где говорится о том, как бог сходит с неба на землю и как он потом обратно восходит на небо. Раньше такие представления принимались всерьез, хотя они решительно противоречат учению о «вездесущии» божества.

Авторы Словаря склонны рассматривать сидение бога на небе и его путешествия вверх-вниз как образы, символизирующие «связь между небом и землей». Но так как эти понятия, утверждают авторы, различаются между собой не в реальном, а в метафизическом их смысле, то и путешествия между ними сами по себе невозможны, а «говорить о восхождении на небо значит выражать стремление к недоступному, но иногда и притязание безумной гордыни». А Христос возносился к небу? «По книге пророка Даниила это можно представлять себе (!) тоже как восхождение... а облака небесные, может быть, являются здесь не колесницей, а только украшением божией обители». Куда девалась уверенность, с которой любой библейский миф преподносился верующим как непререкаемая истина, сомнение в которой грозило человеку адскими муками?!

Ад и рай в Словаре тоже выглядят не так выразительно, как это было раньше: не так устрашающе в первом случае и не так сладостно во втором. Не поймешь даже, имеются ли в виду настоящие физические муки для грешников и будут ли праведники испытывать действительные физические удовольствия, или все это надо представлять себе в сфере чисто психологических переживаний бесплотной души.

Несколько более определенно — в традиционно-реакционном духе — рассматриваются в Словаре общественные проблемы.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Традиционная христианская точка зрения, разделяемая и авторами Словаря, заключается в том, что вообще все страдания человеческие обусловлены первородным грехом и, следовательно, в страданиях рабов под игом классовой эксплуатации не повинны ни рабовладельцы, ни рабовладельческое устройство общества. Самое же главное, что реальное положение людей в обществе христианство объявило несущественным. Если все равны во Христе, то какое значение имеет то, что одни — рабы, другие — рабовладельцы, эта точка зрения выражена и в Словаре.

Проблема рабства, говорят авторы, встала перед апостолом Павлом. «Как же он решил ее? Его ответ очень определенен: отныне важно не то или иное социальное положение, важен божий призыв». Из этого следует не менее определенный вывод для практической общественной жизни, для поведения угнетенного и угнетающего классов: раб должен «выполнять свой христианский долг», служа своему хозяину «как Христу». Рабская придавленность оказывается не просто вынужденной сложившимся общественным порядком и даже не печальным результатом первородного греха, а следствием божественного установления, безропотная же покорность раба своему владельцу превращается в специфически христианскую добродетель. Не обходится и без христианских специальных наставлений для рабовладельцев: «Со своей стороны, хозяин-христианин должен понимать, что раб — его брат во Христе; он должен обращаться с ним по-братски и в особых случаях (!) даже (!!) отпускать его на волю».

Равенство — во Христе, а в реальной жизни должно оставаться классовое неравенство.

Надо ждать, пока всеми этими делами распорядится Спаситель. «В древности Христос, и только он, был в состоянии порвать цепи рабства... Он пришел освободить грешников. Чтобы расторгнуть их рабство, он послушно воспринял на себя самого состояние раба...» и т. д. Но почему же весь замысел оказался нереализованным? Ни в каких христианских документах на этот вопрос ответа не дается, и в Словаре его тоже нет.

Сама же эта концепция имеет, тем не менее, вполне реальный и чрезвычайно существенный смысл, классовое деление общества, основанное на имущественном неравенстве, не должно вызывать никакого недовольства, ибо оно соответствует божьим предначертаниям.

Здесь, правда, нельзя не видеть различия и даже противоположности установок Ветхого и Нового заветов. «Евангельская переоценка во взглядах на богатство (в сравнении со взглядами Ветхого завета.— К. Г.) поистине радикальна». Авторы находят в этом вопросе «один из самых значительных контрастов между Ветхим и Новым заветами». Первая из указанных частей Библии не только выражает полную терпимость в отношении богатства и богатых, но и благоволение к тем, кто владеет богатствами, и одобрение самого общественного строя, при котором существуют богатые и бедные. Формулируя ветхозаветные взгляды в этом вопросе, авторы Словаря пишут: «Богатство есть благо»; «Бог обогащает тех, кого любит»; «Писатели Ветхого завета восхваляют богатство благочестивых людей израильской истории». Словарь выносит в заголовок красноречивую формулу: «Бог обогащает своих избранных» — и печатает эту формулу крупным и жирным шрифтом. Как будто все ясно: рабовладельцы, феодалы-крепостники, капиталисты, современные миллиардеры-монополисты владеют не тем, что создано потом и кровью эксплуатируемых, а лишь тем, что даровал им всемилостивый бог, так что богатство есть «знак божией щедрости».

Как же тут быть, однако, с Новым заветом, содержащим «радикальную переоценку»? Ведь там сказано: Горе вам, богатые!, Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому в царство божие. И иллюстрация к этому положению дана достаточно выразительная: на том свете нищий Лазарь покоится на лоне Авраамовом, а богатый подвергается всем мучениям ада. Авторы Словаря находят, однако, возможность примирить и согласовать ветхозаветную и новозаветную концепции так, что их «диаметральная противоположность» становится лишь «кажущейся».

Уже в Ветхом завете они обнаруживают некоторые «оговорки» к формулам, восхваляющим богатых. И «Новый завет воспринимает от Ветхого завета все эти оговорки относительно богатства». Все выпады евангелий против богатства и богатых оказываются, таким образом, лишь оговорками, а в основном Христос, хотя и «вскрывает несостоятельность всех человеческих богатств», «не отменяет, а исполняет древнее обетование о том, что бог обогащает своих избранных». Но за что же наказан богатый из притчи о Лазаре? За то, оказывается, что он не подавал Лазарю милостыню. «Соблазн не в том, что существует богатый и существует нищий Лазарь, а в том, что Лазарь хотел бы «напитаться крошками, падающими со стола богача» (Евангелие от Луки, гл. 16, ст. 21), но не получал ничего». Если бы Лазарю удавалось ловить и проглатывать объедки, то все было бы в порядке.

А в том, что существуют богатые и бедные, ничего плохого ни евангелия, ни авторы Словаря не усматривают. Важно подавать бедным и эксплуатируемым милостыню, ибо «милостыня, как известно,— существенный элемент подлинного библейского благочестия». В. И. Ленин сказал о таких мотивах религиозной проповеди: «Тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существова-

ния и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие»[2].

Как известно, католическая церковь высказалась и продолжает высказываться по социальным вопросам подробно и активно в ряде папских энциклик и в других основополагающих документах. Эволюция взглядов, выраженных в этих документах, обнаруживает любопытную закономерность: началось с безоговорочного признания эксплуататорского строя единственным угодным богу, а по мере того, как все яснее обнаруживалась его обреченность, — все изощреннее становилось маневрирование, в основе которого лежит заигрывание с христианским социализмом. Теперь уже можно встретить в писаниях католических публицистов и богословов и даже в официальных документах Ватикана заявления о необходимости смягчения или даже ликвидации классового неравенства. При всем том магистральная линия церкви в социальных вопросах, конечно, остается прежней: в основном содержании концепции — апология капитализма, в оговорках — несколько слов на тему о том, что все же, мол, этот общественный порядок не полностью удовлетворяет требованиям христианской справедливости и нуждается поэтому в совершенствовании. Примерно такая концепция выражена и в соответствующих статьях Словаря.

Формально все социальные проблемы рассматриваются авторами Словаря применительно к древности, что в какой-то мере обоснованно, ибо речь идет о библейских книгах и текстах, зафиксированных в древние времена. Но смысл сказанного проецируется и на более поздний период человеческой истории и на современность. Особенно ясно это становится, когда авторы трактуют проблему того, как в свете Библии христианин должен относиться к власти.

Теме «Власть» в Словаре посвящена одна из самых больших по объему статей. В разных видах повторяется и подчеркивается основная установка Библии: «всякая власть от бога». Теоретически эта установка достаточно традиционна. Но авторы все же находят возможность актуализировать ее при помощи острых выпадов против некоторых современных властей, неугодных им. «Если же, следует грозное предостережение, политическая власть... восстает против бога и его Христа, христианское пророчество торжественно провозглашает суд над ней и ее падение». В качестве примера приводится отношение Апокалипсиса к Риму Нерона и Домициана. Но тут же следует переход к «тоталитарному государству», и в голосе благочестивых авторов появляются ноты ненависти, а в лексиконе — такие слова, как «сатанинская карикатура». Подчиняться такой власти авторы Словаря христианам не рекомендуют. А как же насчет божественного источника «всякой власти» и насчет обязанности подчиняться опять же всякой власти?! Это остается в силе, но только в том случае, если речь идет о власти, угодной церкви.

В общем, судя по Словарю, в социальных вопросах позиция католической церкви особых изменений не претерпевает, хотя по некоторым другим вопросам вероучения она пытается идти в ногу с веком.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142—143.

«Дьявольские танцы»

Кандийский танец.

В. ЯКОВЛЕВ

Владимир Георгиевич ЯКОВЛЕВ много лет был на дипломатической работе в республике Шри Ланка (остров Цейлон), где близко наблюдал быт и нравы местных жителей — сингалов и тамилов. В нашем журнале (1976, № 9) был опубликован его очерк «Огнеходцы Катарагамы» — об обряде хождения по огню, якобы очищающем человека. В публикуемом ниже очерке В. Г. Яковлев рассказывает о «магических» танцах, бытующих на острове.

Танцы с древности прочно вошли в быт населения Шри Ланки. Они — непременный компонент как театральных представлений, так и тех, что порой устраивают крестьяне прямо на поле во время уборки урожая; танцами обязательно сопровождаются национальные торжества, религиозные празднества, храмовые процессии, ритуалы.

Мне довелось познакомиться с танцевальным искусством сингалов. В прибрежной зоне западной части острова широко распространены грациозные, плавные «рухуну». Тематически они связаны с разными событиями деревенской жизни и сельскохозяйственными работами, например танец с кувшинами, танец урожая, в котором изображается провеивание риса. На их исполнительницах обычный крестьянский наряд — белые не доходящие до талии кофточки и длинные юбки с ярким узором.

В районах центрального нагорья, где расположен город Канди, зародились динамичные и красочные танцы. Их так и называют — кандийские. Это — гордость сингалов. Без них на острове не обходится ни один праздник или событие. Говорят, что возникли они в храмах и при дворе кандийских правителей. Обычно эти танцы исполняют мужчины, обучавшиеся их сложной технике несколько лет. Наряд этих танцоров очень красив — белое с красной отделкой одеяние, на обнаженных руках многочисленные браслеты, на босых ногах бубенцы, грудь и плечи прикрыты блестящим панцирем из латуни. На го-

лове живописный убор из блестящего металла. Все эти украшения резко звенят во время танца.

Особый вид народного танцевального искусства — магические танцы. Они поражают европейцев своей необычностью. В них каждое движение, каждый жест связаны с какими-то поверьями, приметами, имеют свой особый ритуальный смысл. Сознание сингалов, утверждает знаток быта своих соотечественников этнограф Н. Д. Виджесекера, опутано массой предрассудков и суеверий. Люди скованы боязнью нарушить многочисленные запреты «кили», которые касаются множества сторон повседневной жизни. Существуют, например, кили на употребление в пищу мяса животных, названия которых оканчиваются на «рен». Сингалы верят в приметы и чародейство, чудеса и заклинания. Они убеждены, например, что вторник и пятница — неподходящие дни для похорон и купанья, а крик определенных птиц возвещает несчастье. Верят они, что служители «хуниям» — черной магии — могут воспользоваться выпавшим зубом, волосом, фотографией человека, чтобы, заговорив их, навлечь на него беду. Но те, кто владеет искусством белой магии, способны разрушать эти злые чары и творить чудеса.

У сингалов в ходу множество всевозможных амулетов и талисманов, предохраняющих, как они верят, от действия «злых сил». Считается, например, что от диких зверей, злых духов и непредвиденных несчастий защищают когти леопарда или жир удава, помещенный в маленький металлический полый цилиндр-амулет. Этот талисман называется «янтра». Иногда в нем хранится лист бумаги или другого материала с магическими знаками и геометрическими фигурами.

Огромное влияние на судьбу людей сингалы приписывают небесным телам — Солнцу, Луне, Венере, Меркурию, Марсу, Юпитеру, Сатурну, Раху и Кету (понятие о двух последних заимствовано из индийской мифологии). Время совершения ритуалов и церемоний — религиозных, а также связанных с событиями житейскими — похоронами, свадьбой, всякого рода торжествами, — определяют здесь в зависимости от фаз Луны. Расчеты эти выполняет астролог, он же составляет и гороскоп, который хранится в доме как самый важный документ. В него заносятся день и час рождения ребенка (возраст устанавливается с момента зачатия); на пальмовом листе «ола» записывается расположение Луны, Солнца и сочетание знаков Зодиака, под которыми он родился. Молодые люди не вступят в брак, если астролог скажет, что сочетание их гороскопов неблагоприятно. К услугам астролога прибегают и тогда, когда надо принять какое-то важное для семьи решение, определить, полезен ли тот или иной шаг.

Согласно традиционным представлениям, недоброжелательная планета либо неблагоприятное сочетание небесных тел могут быть причиной болезни. Если, читая гороскоп пострадавшего, астролог выясняет, что недуг связан с гневом планеты, назначается обряд бали, призванный задобрить ее. В него входят заклинания и магические танцы, и завершается он жертвоприношением.

Если же устанавливается, что болезнь вызвана исключительно злой волей демонов, то устраивается церемония товил — она помогает узнать, какой демон наслал болезнь, от кого надо откупиться. Для совершения церемонии приглашают яккадура, или каттадия, обычно это человек из низших каст.

Руководимая им церемония включает «дьявольские» танцы в масках, изображающих страшного демона — виновника несчастья, и принесение ему даров.

Особенно сильна вера в магию на юге острова, там сохранилась наиболее полно традиция магических танцев. Однако впервые об этих обрядах — бали и товил — я услышал в Коломбо. Както вечером с улицы донесся неистовый грохот барабанов. Подойдя к открытому окну, я обнаружил, что он несется из соседнего дома. Наш садовник Чандра пояснил:

— У соседей обряд бали. У них тяжело болен ребенок.

О болезни мальчика я уже знал: к соседям несколько дней подряд ездил врач, но я никак не мог предположить, что в интеллигентной семье прибегнут к такому средству избавления от недуга.

Через некоторое время, встретив своего друга писателя Мартина Викрамасингхе, я сказал ему, что хотел бы присутствовать на церемонии бали. Он пообещал свозить меня, если представится случай, на юг, в свои родные места, и обещание сдержал.

В Мавадавилу мы приехали к обеду. Знакомые Мартина угостили нас бананами, манго, мангусинами и дурьяном — плодом величиной с большую тыкву, с резким, неприятным запахом. Сами хозяева приступили к трапезе после нас. Так здесь принято.

С наступлением темноты нас усадили перед специально построенным павильоном. Занавес внутри прикрывал какие-то изображения. Проводящий обряд — балиадура и его помощники произнесли обращения к Будде и раздвинули занавес. Мы увидели плоский макет дома с остроконечной крышей и двумя башенками. На щите из бамбука были нарисованы лики Солнца и Луны, а под ними располагались глиняные ярко раскрашенные рельефные маски двух демонов с выпученными глазами, клыками и высунутыми языками. Нам пояснили, что это царь демонов Весамуни якка и демон Санни якка, наславший лихорадку на больного. Вся эта декорация, напоминающая стену алтаря, называется «торана». У стены на матраце сидел больной — юноша лет двадцати, по самую шею укутанный в белую простыню. К бамбуковой стойке был привязан живой петух — жертва демонам.

На помост вышли барабанщики, и обряд начался. Сперва выскочили танцоры в масках, их сменил черный лохматый человек в одежде из листьев какого-то дерева. Потом двое показали оригинальный танец львов. В заключение полуобнаженные танцоры «гладили» свою грудь пламенем факелов. Непрерывно вспыхивал бенгальский огонь. Клубы густого желтого дыма окутывали больного и танцоров.

Эта церемония, как мне рассказали, обычно длится несколько дней и, вероятно, обходится весьма недешево — пациент обязан кормить всех ее участников.

Сингальская демонология насчитывает десятки тысяч персонажей, которые объединяются в отдельные группы — по характеру приносимых ими бед и страданий. О происхождении, страшных деяниях и «профессиях» этих обладающих сверхъестественной силой существ бытует масса легенд. Царь демонов Весамуни управляет ими через своих подчиненных. Самая большая армия — 70 тысяч демонов у Маха Сохон якка — демона ростом в 80 локтей с медвежьей головой. Маха Кола Санни якка изображают с синим лицом и красным туловищем. Черной магией ведает демон Одди Кумара Хуниям якка, его туловище обвито кобрами. Очень опасен Рики якка — демон крови и ужасных болезней. Сингалы считают, что он живет на острове в водохранилище Миннерия.

Издавна верят сингалы, что ритуальные танцы — надежное средство защиты от демонов. В статье Джеймса Гунавардене, помещенной в журнале «Цейлон тудей», говорилось, что танцор, исполняющий в бешеном темпе «дьявольский» танец, почти теряет сознание и, «впадая в состояние транса, приобретает господство над духами и получает способность действовать в слиянии с сверхчеловеческим».

«Дьявольские» танцы — часть театрального народного представления колам — мне довелось увидеть в деревне Мирисса, расположенной на южном побережье Шри Ланки, в нескольких милях от Матары.

Население деревни неоднородно. В южной, прибрежной стороне ее живут в основном рыбаки из касты карава. На остальной территории — земледельцы из касты гоигама, культивирующие рис и кокосовую пальму, и люди из касты беравая. Это барабанщики и вообще музыканты, исполнители ритуальных танцев, а также создатели масок для танцоров. Искусство не может прокормить их, поэтому они занимаются еще и сельским хозяйством.

В южных провинциях острова представление в масках обязательно устраивается по крайней мере раз в год. Но тогда, во время нашего пребывания в Мириссе, выдался особый случай. Здесь побывал шведский этнограф, который упрекнул министерство культуры страны в том, что оно не поддерживает замечательных мастеров, хранящих традиции национального искусства. Это побудило министерство выделить Обществу искусств, функционирующему в деревне, 700 рупий (сумма весьма умеренная) на развитие народного творчества. На эти деньги здесь соорудили сцену и навес с крышей из пальмовых листьев. Собралось на представление человек триста. Обычно колам начинается вечером и заканчивается с рассветом, но тут его, к сожалению, сократили до четырех часов, учитывая присутствие гостей-европейцев.

Доктор аюрведческой (народной) медицины Хенрик Дхармадаса, организатор спектакля, поведал нам историю колама. Его корни уходят в глубокую древность. Многое из него утеряно во времени, многое и прибавилось. Сейчас в коламе показывают до 54 сцен со множеством персонажей в масках: это

Исполнители «дьявольских» танцев в масках.

люди, боги, демоны, животные. Все женские роли исполняют мужчины: обычай не позволяет женщинам выходить на подмостки. Впрочем, теперь в городе, а порой и в деревне этот обычай нарушается.

Звуки барабанов возвестили о начале представления. Первым появился анабера-карайя — ведущий, обязанностью которого было объяснять происходящее на сцене, объявлять действующих лиц и программу вечера. Он в маске старца с длинной белой бородой, в руках посох. В давние времена, когда еще не было ни газет, ни почты, анабера-карайя ходил с барабаном от деревни к деревне, сообщая новости.

А сейчас идет диалог между ведущим и актером. Из него зрители узнают, что селение ожидает приезда правителя. В первой части представления будет показано, как протекала здесь жизнь до этого события, во второй — само прибытие царя, в заключение — «дьявольские» танцы.

— Жил-был в древности один индийский царь, — пел анабера-карайя. — Неожиданно его беременная жена пожелала увидеть танец масок, зрелище доселе в царстве неведомое. Она потеряла аппетит и сон, все требовала танца. Боги вняли ее мольбам и послали в дар красочные маски. И тогда впервые на острове увидели танец масок.

После такого введения на сцену выходят два придурковатых крестьянина. Они судачат о деревенских делах и заботах. Затем появляются старый дхоби (прачка) с молодой женой Ленчиной. На ней маска блудницы. Она кокетничает с публикой, а потом переключает свое внимание на мудальяра — старосту селения.

Анабера-карайя описывает тяжелую долю бедного дхоби, с трудом передвигающего опухшие от постоянного пребывания в воде ноги. Его легкомысленная жена хвастается своей красотой и жалуется на судьбу, на родителей, выдавших ее замуж за старика. Вот она, покачивая бедрами, подплывает к мудальяру. Это замечает муж и устраивает ей скандал. В это время из-за зеленых кустов выходит видане арачи — староста всего уезда, важный государственный чиновник. Он в юбке-саронге, европейском пиджаке, на ногах сандалии (обувь — привилегия немногих), за поясом меч. Слуга держит над его головой большой зонтик из пальмовых листьев, предохраняющий от солнца. Чиновника сопровождает секретарь с пером. На маске последнего застыла угодливая гримаса подхалима. Он крутится около начальника, ловит каждое его слово. Тот недоволен, что деревня плохо готовится к приезду правителя, и отчаянно бранится. Сельский староста в испуге прячется.

Подмостки пустеют, а через несколько секунд на них в плавном и медленном танце выходят царь и царица. Ярко раскрашенные массивные маски заканчиваются пирамидой из божественных фигур. Лица на масках светлые: персонажи, занимающие высокое положение, и небожители обычно изображаются светлокожими.

Венценосная чета усаживается на троне, и для нее устраивают представление. Мальчики с выбеленными мелом лицами, с маленькими цимбалами в руках и бубенцами на ногах слаженно и ритмично танцуют, распевая притчи о сотворении и строении мира.

Танцоры убегают, удаляются правитель с женой. Из-за декораций выскакивает демон Нага Санни якка. Оскаленные зубы, сатанинский взгляд, голова, увитая кобрами,— он вертится в дикой пляске, потрясая бубенцами в такт барабанам. Главный барабанщик постепенно входит в экстаз. Удивительно, как его щуплое тело выдерживает такой темп.

Публика наблюдает за демоном довольно спокойно: Нага Санни якка не очень опасен. Он может вызвать лишь страшные сновидения. Куда опаснее Мару якка,— демон смерти,— этот способен наслать безумие. Подобно первому танцору, он движется сначала спиной к публике, потом поворачивает к ней свое лицо с огромными выпученными глазами и кружится в адском вихре.

Напряжение снимает следующий — комический номер. Выбегает женщина с седоком — мужчиной на спине. Оба в масках, но седок — это чучело. Никто ничего не пояснил, и мы не поняли смысла этого танца. Позже я узнал, что молчание было вызвано деликатностью хозяев по отношению к нам, иностранцам: маски изображали европейцев. Обычно показывают, как они пьянствуют и в пьяном угаре безобразничают и дебоширят.

Танцы сменяют друг друга. Вот пляшет священная мифологическая птица Гурула, в клюве ее традиционная добыча — змея. Вот выскочили танцоры с факелами. Огонь скользит по их груди, рукам и подбородку, они засовывают горящие факела себе в рот, и оттуда вырывается пламя.

На подмостках под грохот барабанов опять появляются демоны.

Зрелище потрясающее, но Дхармадаса убеждает меня, что теперь «дьявольские» пляски уже не те, что прежде,— забываются отдельные танцевальные элементы. В старину ритуальное искусство осваивали 10, а то и все 12 лет, а теперь этот срок куда меньше.

Из-за зеленого укрытия выскакивает старший военачальник демонов Пурнака, вслед за ним — Гара якка, его танцевал самый лучший мастер Мириссы.

Три кобры обвили страшную морду Гара якка. Из его пасти торчат два огромных белых клыка. Он считается повелителем двенадцати демонов, но они не очень опасны для людей и даже помогают освободиться от наговора и дурного глаза. У самого Гара якка благородная родословная, связанная с романтической историей. Он, как повествуют легенды, происходит из семьи царя Дантапуры Бамбадата. Астрологи предсказали, что он женится на своей сестре, поэтому, когда у правителя родилась дочь, ее спрятали в пещеру. Но Гара дознался об этом и, притворившись больным, потребовал, чтобы ему показали сестру. И все произошло так, как было предсказано. Теперь Гара якка — непременный участник колама и, по сложившейся традиции, завершает «дьявольские» пляски.

Мастер Н. М. Аранолис сделал маску Гара якка.

Фото автора

Утром мы осмотрели музей масок — коллекция Мириссы одна из лучших в стране. Маски вырезают из мягких сортов дерева и раскрашивают в красный, черный, белый и другие цвета. Познакомились мы со старшим мастером и художниками. Одного из них — Н. М. Аранолиса — я пригласил сфотографироваться вместе со сделанным им клыкастым Гара якка. Он взял маску и, помешкав, поднял кусок материи, которым человек из касты беравая обязан прикрыть тело, когда общается с представителем высшей касты. Заметив, что я улыбнулся, он отложил тряпку и вышел на солнце.

Я заказал ему две маски — Гара якка и Мавра-ростовщика. Они были готовы через месяц.

По моей просьбе пришли также коекто из вчерашних танцоров — мне хотелось сфотографировать и их. На память о Мириссе я увез несколько интересных цветных и черно-белых кадров, маски же украшают теперь мою московскую квартиру.

РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО БАПТИЗМА

Г. С. ЛЯЛИНА. БАПТИЗМ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ. М., Политиздат, 1977, 175 стр., 100 000 экз., 37 коп.

Раскол, потрясший в начале 60-х годов одну из наиболее крупных в СССР протестантских церквей, привлек пристальное внимание исследователей. За это время появилось немало интересных работ, которые в той или иной степени рассматривали причины резкого проявления кризиса современного баптизма. Наблюдения и выводы А. И. Клибанова, Л. Н. Митрохина, И. И. Бражника и других исследователей способствовали разоблачению антиобщественной деятельности лидеров раскола, помогли правильной ориентации общественности и организаторов атеистической работы.

По достоинству оценивая сделанное, следует отметить, что до последнего времени научный атеизм не располагал широким исследованием этой проблемы. Первой такой работой стала книга Г. С. Лялиной. В ней впервые обстоятельно рассматриваются процессы, обусловившие кризис и нынешний раскол в баптистской церкви. Работа основывается на глубоком знании истории евангельского христианства-баптизма, его эволюции в послеоктябрьский период, на многочисленных данных социологических наблюдений, и что, по нашему мнению, особенно важно, на богатых собственных наблюдениях жизни баптистов-«инициативников», или сторонников так называемого «совета церквей», его лидеров. Г. С. Лялина использует обширный фактический материал, причем значительная его часть впервые вводится в научный оборот.

Центральное место в книге отводится анализу кризисных процессов в баптистском движении, начиная с периода после Великой Отечественной войны и до наших дней. Неизбежность идейных конфликтов, образования враждующих течений доказывается не только анализом современных событий, но и всей логикой эволюции баптизма после Октябрьской революции. Значительное внимание автор уделяет социально-историческим предпосылкам последнего раскола. Достоинство этих разделов книги — в высвечивании тех моментов истории церкви, которые обнажают корни ее кризиса. Интересна в этой связи характеристика идейных и гражданских позиций руководящих деятелей баптизма и евангелизма 20—30-х годов. На их авторитет часто ссылаются нынешние лидеры церкви, но далеко не всем, тем более рядовым, верующим известно идейно-политическое кредо многих из них.

Изучая раскол, некоторые исследователи одну из наиболее существенных его причин видели в слабых внутренних связях баптистов и евангелистов, объединившихся в 40-е годы в единый союз, в действовавших там центробежных силах. Кстати, этот довод часто фигурирует и в объяснении нынешних драматических для церкви событий самими баптистскими лидерами и активистами. Так ли это на самом деле? Г. С. Лялина совершенно справедливо отмечает, что, несмотря на всю остроту и непрерывность столкновений и споров между разномыслящими представителями прежних союзов, не эти конфликты были здесь основными. Главным стало неумолимое нарастание обреченности церкви, лихорадочные попытки найти выход из тупика.

Приведенные в книге данные свидетельствуют, что за сравнительно короткий срок коренным образом изменился состав верующих, их мироощущение. В самом деле, еще в 20-е годы социально-демографические характеристики последователей баптизма и евангелизма и населения страны в целом были в основном однотипны. Сейчас же среди верующих преобладают лица преклонного возраста, прежде всего домохозяйки и пенсионеры с начальным образованием или малограмотные; женщин среди них в три раза больше, чем мужчин. Верующие заметно охладели к молитвенным собраниям, ослабили миссионерскую деятельность. Вопросы религии у многих из них отошли на второй план, то есть развились тенденции, еще недавно несвойственные баптизму.

Автор показывает, как «обмирщение» церкви отразилось на семье. Уже необязательно оба родителя являются верующими. Повсеместно нарушается одно из основополагающих требований вероучения — религиозное воспитание детей, поскольку многие родители не могут, да и не хотят противостоять воздействию общества, понимая бесполезность этого и не желая лишать детей полнокровной трудовой и общественно-политической жизни.

Кризисный характер сложившейся ситуации вынуждены были открыто признать руководители и многие активисты баптистской церкви. Предпринимались меры для побуждения религиозной активности верующих, пополнения их рядов новыми, прежде всего молодыми кадрами. Автор шаг за шагом прослеживает развитие событий и приходит к выводу, что причиной многих противоречий среди образовавшихся внутри баптистской церкви группировок, их ожесточенной борьбы, которая привела к поляризации сил, стало различное отношение к этим мерам, к пониманию проблемы в целом.

В этот период оформилась и развернула активную деятельность экстремистски настроенная «инициативная группа». Главную причину кризиса церкви ее сторонники видели не в объективных процессах, обусловленных развитием социалистического общества, а в «преднамеренных действиях заинтересованных сил», имея в виду и общество, и часть своих единоверцев. Целью своей они объявили «широкую евангелизацию всей страны». Этому тщеславному плану, естественно, не суждено было осуществиться. Произошла лишь внутренняя перегруппировка сил в пределах самой баптистской церкви.

Для основной массы верующих баптистов постепенно становились все более ясными и неприемлемыми истинные цели отколовшейся части верующих во главе с так называемым «советом церквей», религиозная деятельность которого строилась на сознательном нарушении действующего у нас в стране законодательства о религиозных культах, на воспитании неприязни к социалистическим нормам общежития и морали, на культивировании фанатизма и мистицизма. Не случайно поэтому подавляющее большинство верующих (по данным Г. С. Лялиной, за «советом церквей» пошло лишь 16,5 процента верующих тех общин, где произошел раскол) не поддержало «совет церквей». В книге содержатся интересные наблюдения об эволюции их взглядов и попытках лидеров раскола сохранить свое влияние в общинах.

«И хотя еще рано говорить о закате религиозного движения, возглавляемого «советом церквей», — пишет автор, — тем не менее уже можно с достаточным основанием утверждать что, несмотря на продолжающуюся активную проповедническую и миссионерскую деятельность, это движение все больше приобретает черты замкнутой религиозной корпорации, не имеющей реальных перспектив». С этим нельзя не согласиться. Г. С. Лялина справедливо обращает внимание на необходимость учитывать специфику данной религиозной группы в практике атеистической работы. Но важно, по нашему мнению, учитывать не только это обстоятельство.

В книге содержатся данные о составе общин, над которыми «совет церквей» сохранил свое влияние. Собранный автором статистический материал показывает, что среди «инициативников» оказалась и часть баптистской молодежи. Лица, занятые в общественном производстве, в этих общинах составляют в среднем половину верующих. Эти выводы, как нам представляется, имеют существенное значение как для практики атеистической работы, так и для дальнейшего изучения эволюции современного баптизма.

Особенности специфики социального состава сторонников «совета церквей» во многом находят свое объяснение в книге Г. С. Лялиной. Она отмечает, в частности, что лидеры раскола демонстративно стремились привлекать молодых верующих к активной жизни церкви в противовес позиции официального руководства, молодые оппозиционеры взяли в свои руки работу с молодежью. Их религиозный фанатизм в сочетании со стремлением рационально объяснить достижения научно-технического прогресса сыграл свою роль в формировании рядов сторонников оппозиционного движения.

Рассматривается и другая, объективная сторона этой проблемы. Раскол находил сторонников, как правило, в крупных общи-

нах, расположенных в больших городах. Автор подчеркивает, что в противоречиях и особенностях их функционирования нужно искать истоки нынешнего кризиса. В современных условиях большего внимания заслуживает изучение влияния урбанизации на верующих — выходцев из села, влияние на них микросреды, в которой проходит их жизнь, формируется мироощущение, и других причин социально - психологического характера. Они, как нам представляется, многое объяснили бы дополнительно к тому, что уже стало очевидным.

Словом, многое еще предстоит сделать, но книга Г. С. Лялиной, по нашему глубокому убеждению, является существенным вкладом в разработку этой темы. Она, несомненно, окажется полезной для специалистов, изучающих религиозное сектантство, организаторов атеистической работы, для всех, кто интересуется проблемами религии и атеизма.

В. БОНДАРЧУК,
кандидат философских наук

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА «СВЯТОГО ПРЕСТОЛА»

Эдуард Винтер. ПОЛИТИКА ВАТИКАНА В ОТНОШЕНИИ СССР, 1917—1968. М., «Прогресс», 1977, 253 стр., 20 000 экз., 1 руб. 22 коп.

Новая и новейшая история Ватикана достаточно полно освещена в трудах Н. А. Ковальского, И. Р. Лаврецкого, М. П. Мчедлова, М. М. Шейнмана и других советских исследователей. Но хотя в ходе анализа деяний «святого престола» в этих работах говорится и о его «восточной политике», она до сих пор еще не была у нас предметом специального изучения. Этот пробел во многом восполняет исследование члена Академии наук ГДР Э. Винтера. Два первых тома его трилогии вышли в русском переводе под названием «Папство и царизм» в 1964 году, сейчас издан третий, в котором рассматривается ватиканская политика в Восточной Европе в течение полувека после Великой Октябрьской социалистической революции *.

Эта книга знакомит нас с рядом малоизвестных ранее фактов, собранных автором в архивах СССР, ГДР, ФРГ, ЧССР и Австрии. В монографии использованы энциклики и другие документы «святого престола», мемуары довоенных буржуазных политиков, в частности министров иностранных дел Польши и Румынии, данные прессы, исследования по новейшей истории папства, вышедшие на Западе. Вот лишь некоторые из множества подробностей «восточной политики» Ватикана, приведенных Э. Винтером.

Признав в марте 1917 года буржуазное Временное правительство в России, Ватикан рассчитывал использовать крушение царизма в своих извечных попытках подчинить своему влиянию русскую православную церковь. Уже в мае 1917 года при «святом престоле» в этих целях была основана специальная «Конгрегация восточного обряда», призванная, как разъяснил русскому поверенному в делах тогдашний кардинал статс-секретарь, действовать, «применяясь к изменившимся обстоятельствам и, в частности, к свободе, дарованной церкви в России».

Однако победа Октябрьской революции и осуществленное молодой Советской республикой отделение церкви от государства и школы от церкви не оставили камня на камне от этих замыслов. Уже летом 1918 года ватиканские нунции в Варшаве (Ратти — будущий папа Пий XI) и в Мюнхене (Пачелли — его преемник Пий XII) «встретились и обсуждали пути и средства к преграждению распространения коммунизма в Европе».

В годы гражданской войны в нашей стране Ватикан начал прямо вмешиваться в ее внутренние дела. В ответ на клеветническое обращение колчаковского «высшего церковного управления» к папе и другим иерархам Запада с призывом положить конец мнимым «гонениям на церковь со стороны большевиков» Бенедикт XV направил в Москву телеграмму протеста. «Я могу Вам гарантировать, что ни один служитель религии не пострадал за свои религиозные убеждения,— отвечал на нее народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин.— Что же касается тех из них, которые участвовали в заговорах против Советского правительства и против власти рабочих и крестьян, то мы исходили в наших действиях по отношению к ним из той точки зрения, что они должны подчиняться тем же законам, как и другие граждане, и что никакое привилегированное положение по сравнению с мирянами не должно быть их уделом».

Любой повод для вмешательства во внутренние дела нашей страны использовал «святой престол» и после окончания гражданской войны. В частности, он послал своего наблюдателя на Генуэзскую конференцию. В меморандуме, переданном им руководителям западных государств, сообщает Э. Винтер, содержалось требование возвращения всего недвижимого имущества, «принадлежавшего или еще и ныне принадлежащего какой бы то ни было религиозной общине» и принятия обязательства не допускать в будущем никакого ущерба этому имуществу, хотя Ватикану было прекрасно известно, что, по нашей Конституции, вся земля и недвижимость, в том числе и церковные владения, были национализированы. Подобные незаконные притязания лишь дополняли аналогичные требования западных держав о возврате или же компенсации иностранной собственности и выплате царских долгов. Как известно, все эти незаконные домогательства были решительно отвергнуты советской стороной.

Как явствует из приводимых автором фактов, ватиканский нунций в Германии Пачелли оказывал определяющее влияние на антисоветский курс римской курии. В частности, его секретарь, слывший среди ватиканских вельмож специалистом по «русскому вопросу», уже в начале 1924 года составил проект энциклики, направленной против коммунизма и СССР.

Будучи застрельщиком антисоветского «крестового похода», шумно инспирированного под лицемерным предлогом «защиты веры», Ватикан, как убедительно показывает Э. Винтер, уже в конце 20-х годов стал готовить миссионерские кадры, чтобы, воспользовавшись ослаблением веками монопольно господствовавшей в России православной церкви, попытаться либо занять ее место, либо подчинить ее своему влиянию. Эти задачи открыто формулировались в энциклике «Рерум ориенталиум» (1928 г.), которая призывала епископов и глав католических орденов усилить внимание к «изучению восточной церкви» и оказывать в этом всемерное содействие руководимому иезуитами Папскому восточному институту.

Эта энциклика, как и призывы к «крестовому походу» против СССР, пишет Э. Винтер, были с восторгом встречены белоэмигрантскими кругами. После заявления патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия о лояльности русской православной церкви по отношению к Советской власти (1927 г.) ряд видных белоэмигрантов перешли в католичество.

Бурную антисоветскую деятельность в те годы, показывает автор, развернули такие подрывные организации, как основанная орденом бенедиктинцев во Фрибуре (Швейцария) «Унио католика» и открывшаяся в Мюнхене «Андреевская коллегия». С 1932 года они начали проводить во Фрибуре так называемые «дни по изучению большевизма». Из «советологов», принимавших в них участие, кое-кто еще продолжает и поныне подвизаться в этой роли, например профессор-иезуит Г. Веттер. В 1929 году при Папском восточном институте, тем временем влившемся в иезуитский Грегорианский университет, основывается для «подготовки к тому, чтобы в нужный момент принять участие в возрождении русского народа», духовная академия «Коллегиум Руссикум».

Готовясь к «евангелизации» России в предвидении войны против СССР, Ватикан, пишет Э. Винтер, всячески поддерживал униатскую церковь, стараясь придать ей ярко выраженную антисоветскую направленность. Особенно это проявлялось на устраивавшихся тогда в Чехословакии униатских конгрессах, провозгласивших своей задачей мобилизацию «католической активности» против «евразийского наступления большевизма». В одном из таких конгрессов принимал участие и тогдашний ватиканский легат в Болгарии Ронкалли — в будущем папа Иоанн XXIII.

Еще одним шагом Ватикана по подготовке к «евангелизации» нашей страны явилось «секретное приложение» к конкордату, заключенному им в 1933 году с Гитлером по инициативе кардинала статс-секретаря

* Перевод отрывка из этой книги был напечатан в майском номере «Науки и религии» за 1975 г.

Пачелли, бывшего папского нунция в Германии. Этот тайный документ, разысканный автором в архиве министерства церквей третьего райха, уже тогда, за восемь лет до нападения фашистов на СССР, заранее определял статус католических капелланов в нацистском вермахте на случай объявления всеобщей мобилизации.

Закономерным продолжением этого сговора было устное соглашение, заключенное в годы войны между генералом ордена иезуитов графом Ледоховским и службой безопасности (СД) Гитлера об обмене списками, сообщает Э. Винтер. В соответствии с этим Ватикан передал СД списки масонов в оккупированной Европе (нацисты считали масонство врагом своего «нового порядка»), а фашисты, в качестве ответной услуги, снабдили его списками коммунистов.

Примечательно, что коллаборационистскую политику Пия XII не одобряли даже некоторые из его ближайших сановников. Автор цитирует письмо главы папской конгрегации по делам восточных церквей кардинала Тиссерана архиепископу парижскому кардиналу Сюшару. «Я боюсь, — признавался Тиссеран,— что история будет упрекать святой престол в том, что он проводил удобную для себя политику и больше ничего не сделал. Это ужасно печально...» Однако подобный «бунт на коленях» никак не сказался на профашистском курсе Ватикана. «Вы, добровольные крестоносцы нового и благородного общества,— призывал Пий XII фашистских вояк на Восточном фронте в рождественском послании 1942 года,— поднимите новые знамена морального и христианского обновления, объявите войну миру тьмы, отрывающемуся от бога!»

Не удивительно, что в Ватикане с восторгом восприняли переход западных держав во второй половине 40-х годов к «холодной войне» против Советского Союза и других стран социализма. Именно тогда «святой престол» выдвинул свой антикоммунистический план образования «Союза христианских народов Европы», на сторону которого, в частности, как узнаем мы из книги, папский нунций в Париже Ронкалли (в будущем преемник Пия XII) пытался склонить французских епископов. Тщетно стремясь приостановить победное шествие марксистско-ленинских идей по планете, Ватикан издает в 1949 году декрет, согласно которому коммунисты и им сочувствующие подлежат церковному отлучению.

Поражение контрреволюционного мятежа в Венгрии (ноябрь 1956 г.) послужило сигналом к новой волне антикоммунистической истерии, в которой голос «святого престола», показывает Э. Винтер, звучал едва ли не громче всех. Одержимый антикоммунистическим угаром, Пий XII в рождественской речи в декабре того же года договорился до того, что даже осудил диалог между марксистами и христианами, объявив его «коммунистической тактикой», пытаясь внушить пастве, будто ей «нужно избегать участия в подобной игре», и провозгласив любое сосуществование с коммунизмом невозможным.

Автор доводит свой анализ восточной политики Ватикана только до 1968 года, захватывая таким образом лишь первое десятилетие обновленческого курса аджорнаменто. Но и из этой краткой третьей части его книги читатель почерпнет немало фактов, свидетельствующих о том, что хотя тактика «святого престола» при преемниках Пия XII и претерпела значительные изменения, генеральная, антикоммунистическая, линия его стратегии, по существу, осталась прежней. Эта направленность, показывает Э. Винтер, в частности, прозвучала в послании Иоанна XXIII международному евхаристическому конгрессу в Мюнхене. «Бдительность по отношению к безбожному коммунизму, к тому, как ему обучают и как с ним живут,— предостерегал Иоанн XXIII паству в молитвенной формуле, рекомендованной им в августе 1961 года,— не должна быть парализована стремлением к кажущемуся миру».

Ряд приводимых в книге высказываний нынешнего папы подтверждает неизменность генеральной антикоммунистической линии «святого престола». Среди них — выступления Павла VI перед открытием второй сессии II Ватиканского собора в 1963 году, его заключительная речь на его закрытии в 1965 году, равно как и вполне определенные установки, содержащиеся в «обновленческих» энцикликах «Экклесиам суам» (1964 г.) и «Популорум прогрессио» (1967 г.). Э. Винтер цитирует и специальное поручение, данное папой в 1965 году иезуитам в связи с избранием нового генерала ордена П. Аррупе: «Отныне со всей энергией бороться против атеизма, в первую очередь против воинствующего атеизма».

Однако, несмотря на большую познавательную ценность, эта книга не свободна, к сожалению, от некоторых недостатков. Как справедливо писал в предисловии ее ответственный редактор доктор исторических наук М. М. Шейнман, «автор мало использовал советскую литературу и источники», иногда «преувеличивает значение, которое могло иметь для Советского Союза признание его Ватиканом», а главное, вводит произвольную периодизацию, не соответствующую общепризнанной периодизации истории нашего общества. Так, вторая часть книги озаглавлена «Тридцатилетняя война Ватикана против Советского Союза (1927—1958)», в то время как, отмечает М. М. Шейнман, «эта война началась не в 1927 г., а уже в 1917-м». Можно было бы отметить и другие упущения, более частного порядка.

Прежде всего это досадные неточности, а то и ошибки. Вот лишь некоторые. На странице 137, например, без всяких оговорок приводится призыв Пия XII к «возвращению России под эгиду папства» и его утверждение, будто киевский великий князь Владимир, с чьим именем обычно связывают так называемое «крещение Руси», был верен католической церкви, а само крещение рассматривается как акт обращения в католичество, хотя общеизвестно, что это крещение было делом рук не римских, а византийских миссионеров, выступавших от имени константинопольского патриарха, а не римского папы, не говоря уже о том, что раскол христианства на православие и католичество произошел гораздо позднее княжения Владимира — в 1054 году. И то, что иностранный автор — ему еще простительно — именует митрополита ленинградского и новгородского Алексия, избранного патриархом московским и всея Руси на поместном соборе 1945 года, «Алексием Новгородским» (стр. 185),— при переводе и редактировании книги, конечно же, можно было исправить, равно как и, скажем, переименование в ней Закарпатской Украины в «Карпатскую» (стр. 187). Странным выглядит эпитет «преждевременная смерть» в применении к канцлеру Австрии конца 20-х — начала 30-х годов убийце венских рабочих, мракобесу и клерикал-фашисту кардиналу И. Зайпелю (стр. 121).

В целом, однако, это интересная работа, привлекшая к себе внимание не только историков и международников, но и более широкого круга читателей, которые благодаря ей получили возможность вникнуть во все хитросплетения явной и тайной дипломатии Ватикана в Восточной Европе за полвека существования Советского государства. Издательство «Прогресс» сделало нужное дело, выпустив русский перевод завершающего тома трилогии Э. Винтера «Россия и папство».

В. МАЗОХИН,
кандидат исторических наук

СИНКРЕТИЗМ В ЛАМАИЗМЕ

Н. Л. Жуковская. ЛАМАИЗМ И РАННИЕ ФОРМЫ РЕЛИГИИ. М., «Наука», 1977, 199 стр., 6 000 экз., 73 коп.

Исследование взаимосвязи традиционных народных верований с мировыми религиями (христианством, исламом, буддизмом) — актуальная задача современного религиоведения. Широко известны работы советских этнографов Н. М. Маторина, С. А. Токарева, Г. П. Снесарева, их учеников и последователей по проблемам синтеза древних религиозных культов с христианством и мусульманством. Гораздо меньше работ, исследующих связь буддизма с народными верованиями. Книга Н. Л. Жуковской, посвященная взаимоотношению ранних форм религии с северной ветвью буддизма — ламаизмом, восполняет этот пробел.

Философия и ритуальная практика буддизма возникли на основе существовавших до него религиозных традиций народов Индии. По мере распространения в странах Азии буддизм усваивал и религиозные традиции этих стран — так возникли его своеобразные национальные формы, к числу которых относится и ламаизм, синтезировавший философские концепции ран-

него буддизма с традиционными верованиями тибетцев, монголов и бурят.

В книге три главы, логически дополняющие друг друга. В первой показан пласт наиболее ранних верований в буддизме — культ природы в разных формах его проявления.

Богиня-мать, или Великая богиня ранних мифологий и религиозных систем древности, была тем универсальным образом, вокруг которого группировались многие культы первобытного общества. С ней были связаны ежегодное обновление и возрождение природы, смена времен года, при ее непосредственном участии и благоволении плодился скот, плодоносила земля, умножался род человеческий. Анаит, Кибела, Иштар, Нана, Анахита, Дурга — вот лишь несколько имен Великой богини в мифологиях разных народов. Схожи с ней по функциям были богини-матери древних тибетцев, монголов, тюрок. Ни одна из них не представлена в буддистском пантеоне целиком, но отдельные черты этого образа персонифицировались в самостоятельные женские божества — Шридэви, Тара Маричи.

Один из интересных разделов книги — раскрытие сложной концепции культового осмысления Вселенной в буддизме. В буддистской философии есть термин мандала, означающий горизонтальную модель Вселенной. Буддисты считают, что на ней в зашифрованном виде изображены освоенное человечеством пространство и интуитивно познанная им бесконечность времени. Однако так воспринимали Вселенную не только последователи буддизма. С древности до наших дней в Европе, Азии, Африке, Америке человек сходным образом осмысливал Вселенную и создавал ее модели, типологически аналогичные друг другу. Известный английский кромлех Стоунхендж, храмы-зиккураты древнего Вавилона, пирамиды Египта и Мексики, шаманские бубны народов Сибири, буддистские мандала и построенный по их принципу на Яве храм VIII века — Боробудур — все это религиозно осмысленные модели Вселенной в разных концах земного шара.

В этой главе читатель найдет множество интересных сведений, касающихся ламаизма: о культе животных, растений, ландшафтных божеств, пропущенных сквозь призму буддизма и нашедших себе в нем свое особое место; о том, как отразилась в иконографии и философии буддизма концепция «мирового дерева» («древа жизни») и почему буддистская ступа — его модель; что означает магическое заклинание буддистов «ом мани падме хум»; из чего делаются буддистские четки и почему в них 108 зерен и т. д.

Во второй главе мы знакомимся с историей распространения ламаизма в Тибете, Монголии и Бурятии и его трансформацией под влиянием шаманства и бытовавших здесь народных верований. Ламаизм приспособил к своим нуждам шаманскую мифологию, шаманский пантеон и особенно обрядность. Как в христианстве и исламе, в ламаизме в первую очередь оказались освоенными народный календарь, семейно-бытовая обрядность и магико-религиозные представления. Для миссионерской практики особенно характерно приурочивание старых традиционных календарных праздников к наиболее крупным праздникам новой религии. Присуща эта черта и ламаизму, автор показывает это на примере разнообразных этнографических сведений.

В результате контактов с местными традиционными культами трансформировался не только ламаизм, но и сами эти культы, что показано, в частности, на примере шаманства. Оно подверглось модернизации, восприняв фразеологию и ряд теоретических концепций буддизма в упрощенном их виде. Возникли в шаманстве под влиянием буддизма и упрощенные концепции этического характера, например идея о загробном воздаянии, в принципе не свойственная шаманству. Однако буддистские новшества не изменили сути шаманской практики. В то же время влияние шаманских культов на буддизм привело к формированию особой синкретической религии, в которой, по меткому наблюдению исследователя, мирно уживались отвлеченные концепции буддизма, постулировавшие неприятие реальной жизни, и опровергавшая это неприятие культовая практика, участие в которой гарантировало именно земные блага.

Интересный пример усвоения буддизмом внебуддистских религиозных традиций представляет собой культ исторических и эпических лиц. Автор подробно останавливается, например, на культе Чингисхана, основателя первого монгольского государства. В этом культе слились воедино мифологические, фольклорные, магические, религиозные представления, существовавшие в Центральной Азии задолго до появления исторического Чингисхана. Со временем культ, хотя и чисто символически, оказался втянутым в орбиту ламаистской практики, но, как это сумела хорошо показать Н. Л. Жуковская, сохранил почти в нетронутом виде свою сущность феодально-ханского культа, предка великих ханов, божества — покровителя народа, с чьим именем в условиях маньчжурского ига в Монголии связывались надежды на восстановление независимости страны, богатство и процветание ее жителей.

Как бы теоретическим обобщением материала первых двух глав, где были рассмотрены ранние культы и ритуалы в пантеоне и идеологии ламаизма, стала третья глава книги. Она посвящена типологически сходным явлениям в культовой практике шаманства и буддизма. Уже сама постановка этой проблемы вызывает заслуженный интерес. И дело здесь не только в сложности поставленной проблемы (хотя и этого нельзя не отметить).

Структурно - типологический метод давно с успехом применяется, например, в исследованиях по языкознанию и фольклору. Столь же плодотворным оказывается выявление типологических связей в религиях в их исторической перспективе и динамике, оно имеет исключительно важное значение при исследовании синкретических религиозных систем.

Н. Л. Жуковская делает попытку проследить изначально общие черты шаманства и буддизма, выделяет несколько элементов, характерных для сферы идеологии обеих религиозных систем. Именно это сходство облегчило формирование синкретичных шаманско-буддистских элементов культа.

В заключение автор справедливо указывает на необходимость исследования конкретных форм буддизма в каждой из стран распространения этой религии. Это поможет не только воссоздать религиозную систему данной страны во всем ее синкретическом комплексе и национальной самобытности, но и вскрыть закономерности становления других религиозных систем.

Хочется отметить, что Н. Л. Жуковская оперирует разнообразнейшим материалом: привлекает сведения из этнографии, археологии, лингвистики, фольклористики, искусствоведения, философии, истории, приводит примеры из жизни разных народов мира. Автор использует также собственные полевые материалы, собранные в течение ряда лет в ходе экспедиционных работ в Бурятской АССР и Монгольской Народной Республике.

Книга Н. Л. Жуковской — существенный вклад в советское религиоведение. Специалисты сочтут особенно ценным применение метода структурно-типологического анализа. Широкий читатель найдет в ней доступный, но не упрощенный рассказ об основных характерных чертах буддизма — одной из наиболее распространенных религий мира. Книга может стать и ценным пособием для практической работы по пропаганде научного атеизма.

Л. ТУЛЬЦЕВА,
кандидат исторических наук

В МЕСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

С. М. Усенов. ЕДИНСТВО АТЕИСТИЧЕСКОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ. Алма-Ата, «Казахстан», 1977, 71 стр., 8 500 экз., 10 коп.

В брошюре рассказано, как осуществляется в Казахстане единство атеистического и интернационального воспитания как часть задачи комплексного подхода к постановке всего дела воспитания, выдвинутой XXV съездом КПСС.

Пережитки националистические и религиозные тесно связаны, дополняют и поддерживают друг друга. С одной стороны, религия разделяет людей по религиозному принципу, с другой — она объединяет верующих одной конфессии в некую привилегированную «касту посвященных». Подобную же функцию в обществе выполняет и буржуазный национализм. Таким образом, необходимость тесного единства атеистического и интерна-

ционального воспитания очевидна.

Мусульманское духовенство всегда внушало верующим, будто религиозные обычаи и обряды это национальная традиция и, сохраняя в быту все предписания ислама, люди остаются верными своей нации.

С. Усенов рассказывает, как в этом вопросе влияет на верующих и колеблющихся «групповое мнение» стариков, аксакалов. Материалы, приведенные в брошюре, подтверждают всю важность выработки атеистического общественного мнения, воспитания нетерпимости к религиозным и переплетающимся с ними националистическим пережиткам.

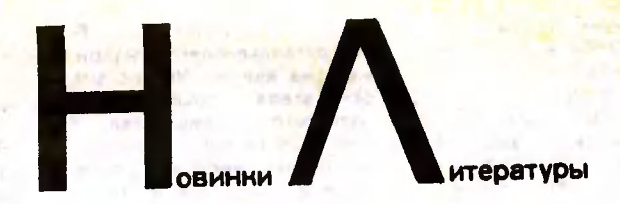
Основываясь на результатах социологических исследований, на личных наблюдениях и опыте пропагандистов атеизма, автор убедительно показывает, что единство, взаимопроникновение и взаимодополнение атеистического и интернационального воспитания — необходимая часть всего процесса коммунистического воспитания трудящихся.

Такое единство разрывает связь национализма и религии, лишает национализм религиозного прикрытия, а религию — претензий на национальное представительство.

К сожалению, брошюра не лишена недостатков. Автор не всегда убедителен в своих доказательствах. Кроме того, на наш взгляд, следовало бы больше внимания уделить специфике единства атеистического и интернационального воспитания, методической стороне дела.

Тем не менее брошюра окажет определенную помощь пропагандистам не только Казахстана, но других республик, где еще сильны традиции ислама, будет с интересом встречена читателями.

Е. АНИСИМОВ,
кандидат философских наук

Новинки литературы

М. В. Андреев. КЛЕРИКАЛЬНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 12), 1977, 63 стр., 53 040 экз., 11 коп.

Е. В. Антонова. АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ. М., «Наука», 1977, 150 стр., 2500 экз., 1 руб. 50 коп.

«В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Комплект из 4-х брошюр: **В. Н. Никитин.** Атеизм как социальное явление, 104 стр.; **Л. Р. Харахорнин и Л. А. Кренделева.** Атеизм и научно-техническая революция, 96 стр.; **М. Х. Муратов.** Социальный прогресс и религия, 80 стр.; **Д. М. Аптекман.** Атеистическое воспитание коллектива, 96 стр. Лениздат, 1977, 10 000 экз., 80 коп.

И. И. Казаневич. МОСКОВСКОЕ ЗАРЯДЬЕ. Книга-альбом. М., «Искусство», 1977, 207 стр. с илл., 30 000 экз., 8 руб. 20 коп.

Г. В. Ксенофонтов. ЭЛЛЭЙАДА. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., «Наука», 1977, 247 стр., 16 000 экз., 1 руб. 20 коп.

З. Косидовский. СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ. М., Политиздат, 1977, 262 стр. с илл., 200 000 экз., 95 коп.

В. Н. Лазарев. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ЖИВОПИСИ. М., «Искусство», 1977, 168 стр. с илл., 25 000 экз., 5 руб.

В. М. Лейбин. ПСИХОАНАЛИЗ И ФИЛОСОФИЯ НЕОФРЕЙДИЗМА. М., Политиздат, 1977, 246 стр., 50 000 экз., 45 коп.

В. Д. Лихачева. ВИЗАНТИЙСКАЯ МИНИАТЮРА. Альбом. М., «Искусство», 1977, 104 стр. с илл., 20 000 экз., 11 руб. 41 коп.

Г. А. Михайлов и Ю. П. Зуев. КРИТИКА БОГОСЛОВСКОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 10), 1977, 62 стр., 75 000 экз., 11 коп.

В. С. Нерсесянц. СОКРАТ. М., «Наука», 1977, 152 стр., 150 000., 50 коп.

Н. В. Солнцев. РОЛЬ ПРОГРЕССИВНЫХ ТРАДИЦИЙ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ. Новосибирск, «Наука», 1977, 125 стр., 4800 экз., 38 коп.

И. П. Тюриков и А. И. Фролов. КИЖИ. Петрозаводск, «Карелия», 1977, 142 стр. с илл., 50 000 экз., 70 коп.

И. М. Цуркан. К ДУХОВНОЙ СВОБОДЕ. Кишинев, «Картя молдовеняскэ», 1977, 160 стр., 1500 экз., 40 коп.

В. И. Чачанидзе. ПЕТР ИВЕР И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ГРУЗИНСКОГО МОНАСТЫРЯ В ИЕРУСАЛИМЕ. Тбилиси, «Мецниереба», 1977, 235 стр. с илл., 10 000 экз., 1 руб. 75 коп.

И. Шатилов. ОТ МОЖАР ДО НАПОЛЬНОГО. «Московский рабочий», 1977, 112 стр., 30 000 экз., 20 коп.

В. Эберхард. КИТАЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ. М., «Наука», 1977, 128 стр., 30 000 экз., 25 коп.

«ЯРОСЛАВЛЬ». Фотоальбом. М., «Советская Россия», 1977, 135 стр. с илл., 50 000 экз., 6 руб. 90 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. Н. Авдиев. Египетская традиция в труде Геродота. «Вестник древней истории», 1977, № 1, стр. 184—189.

И. Д. Амусин. О возможной кумранской реминисценции у Псевдо-Киприана. «Вестник древней истории» 1977, № 1, стр. 196—205.

С. А. Арутюнов. Новые книги о ранних формах религии. «Советская этнография», 1977, № 2, стр. 154—158.

«Изборник Святослава 1073 г.». М., 1977. Из содержания: **Е. М. Верещагин.** Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике Святослава 1073 г., стр. 127—138; **Я. Н. Щапов.** «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и Древнеславянской кормчей Евремовской редакции, стр. 332—341.

«История и культура античного мира». М., 1977. Из содержания: **Ю. К. Колосовская.** Коллегия почитателей Исиды из Паннонии, стр. 74—77; **И. Т. Круглинова.** Идолы из Дильберджина, стр. 86—91; **Е. И. Леви.** Новые посвятительные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии, стр. 96—100; **Г. А. Лордкипанидзе.** Алтари Ванского городища, стр. 104—112; **Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко.** О структуре скифского Пантеона, стр. 118—121; **И. Д. Марченко.** О культуре Афродиты на Тамани, стр. 121—126; **Н. А. Онайко.** Аполлон Гиперборейский, стр. 153—160; **И. Г. Шургая.** О греко-египетском культе в северо-западном Причерноморье, стр. 206—210.

«Общество и государство в Китае». М., 1977. Из содержания: **В. С. Спирин.** Числовые комплексы из «Сицы Чжуани», стр. 61—65; **Н. В. Абаев.** Некоторые структурные особенности чаньского текста и чань-буддизм как медиативная система, стр. 103—116; **А. С. Мартынов.** Официальная идеология средневекового Китая, неоконфуцианства и Чжу Си, стр. 125—134; **А. А. Бокшанин.** Политика первых императоров из династии Мин в отношении буддизма и даосизма, стр. 160—171.

А. Паналов. Свобода совести и религия. «Советский Дагестан», 1977, № 1, стр. 19—26.

Б. Н. Пановкин. От Библии — к палеокосмонавтике. «Природа», 1977, № 10, стр. 158—160.

Б. И. Скупский. К вопросу о греческих оригиналах древнейших славянских переводов. «Вопросы языкознания», 1977, № 2, стр. 126—130.

Г. М. Тавризян. Проблема человека во французском экзистенциализме. М., «Наука», 1977. Раздел «Религиозный экзистенциализм Габриэля Марселя и некоторые проблемы экзистенциалистской этики», стр. 124—140.

З. В. Удальцова. Страничка из истории византийской культуры. «Вестник древней истории», 1977, № 1, стр. 206—212.

Е. Г. Яковлев. Проблема взаимодействия искусства и религии в современной эстетике. В кн.: «Эстетика, искусство, человек». М., 1977, стр. 188—201.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

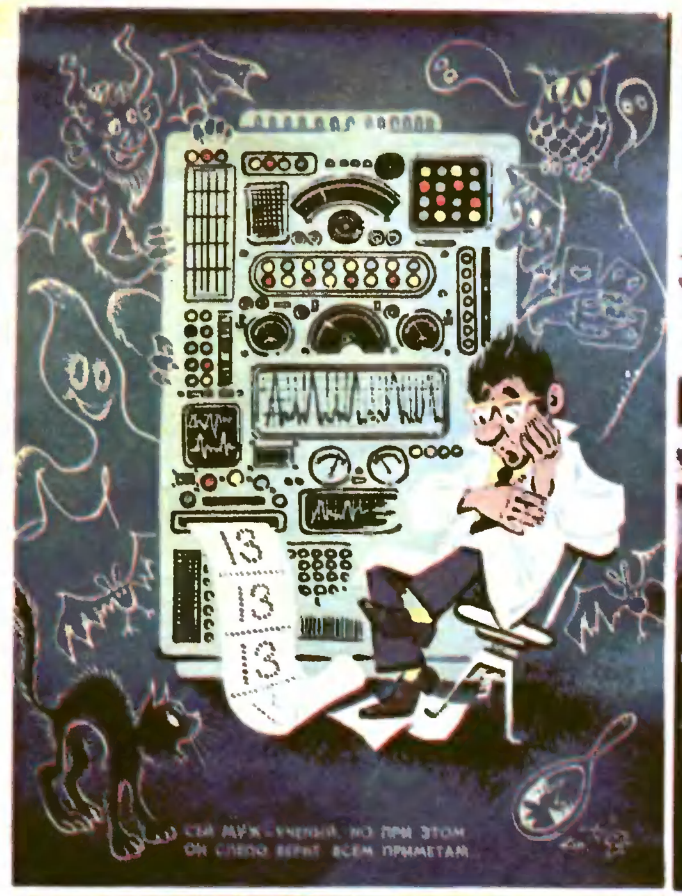
ЛОСОТО Елена Леонидовна — корреспондент газеты «Комсомольская правда», автор публицистических статей по морально-этическим проблемам. В нашем журнале выступает впервые.

САГАДЕЕВ Артур Владимирович — кандидат философских наук, сотрудник Института научной информации по общественным наукам АН СССР, автор ряда книг и статей по истории философии стран Востока. В нашем журнале публикуется впервые.

СОЛОВЕЙЧИК Симон Львович — журналист, писатель, автор многих статей, книг, пьес, посвященных проблемам воспитания (повесть «Мокрые под дождем», публицистические книги «Час ученичества», «Учение с увлечением» и др.). В журнале «Наука и религия» выступает впервые.

БРАНДИС Евгений Павлович — критик, литературовед, очеркист, член Союза писателей СССР. За 30 лет литературной работы опубликовал 12 книг и свыше 350 статей. Много занимается изучением и популяризацией творчества Жюля Верна, избран членом парижского Жюльверновского общества. В нашем журнале публикуется впервые.

АО 7792.
Сдано в набор 17.XI. 77 г. Подписано к печати 30. XII. 77 г.
Тираж 440 000 экз. Зак. 05399. Формат 60×90¹/₈.
Печатных листов 10.
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна» г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Сей муж — ученый, но при этом
он слепо верит всем приметам.

Нельзя ли уточнить, творец,
когда, в конце концов, конец?

[illegible], развесив уши,
[illegible] откуда слушать.

Суть его характера видна:
У него имеется два дна.

Цена 30 коп.
70602